

Митрополит МИТРОФАН (Баданин)

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНЫХ ОДЕЖД

Издательство «Ладан»
Санкт-Петербург – Мурманск
2023

От автора

Предлагая читателю этот труд, автор спешит предупредить, что не претендует на полноту охвата и глубину погружения в предложенную для исследования тему, поскольку история развития и формирования церковных одежд, равно как и иной священной атрибутики христианства, являет нам процесс весьма долгий и чрезвычайно насыщенный различными перипетиями.

Потому и были выбраны именно очерки как некая малая литературная форма изложения проведенного исторического исследования. Каждый очерк позволяет раскрыть заявленную тему не в максимальных подробностях, а сосредотачиваясь лишь на наиболее интересных фактах, занимательных историях и примечательных особенностях, имевших место в процессе появления того или иного сакрального предмета.

Автору представлялось важным за внешней канвой исторических событий проследить действие Промысла Божьего, который явно проявлялся в зарождении, дальнейшем формировании и творческом развитии уникального духовного сокровища, каким является современное богослужebное облачение и иные священные одежды служителей Русской Православной Церкви.

Очерки истории церковных одежд. Митрополит Митрофан (Баданин) – Санкт Петербург – Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2023. — 160 с.: ил.

В предлагаемых читателю очерках истории формирования церковных одежд автору представлялось важным в доступной форме осветить наиболее значимые вехи этого долгого исторического процесса.

Книга позволяет проследить, как за внешней канвой исторических событий явным образом раскрывается действие Промысла Божьего в процессе обретения этого уникального достояния, каким, несомненно, является современное богослужebное и повседневное облачение служителей Русской Православной Церкви.

Вступление

Церковь Христова родилась «при наступлении дня Пятидесятницы», когда апостолы «исполнились все Духа Святаго» (Деян.2,1;4). Когда «у множества уверовавших было одно сердце, и одна душа... и великая благодать была на всех их» (Деян.4,32;33). В этот удивительный период Переизбыточествующей Божьей Благодати христиане, совершая Вечери Любви для приобщения Телу и Крови Господних, специальных богослужебных одежд не имели.

В то же время, надо учитывать, что все они были правоверными членами иудейской Ветхозаветной общины и хорошо знали Закон Моисеев в части, касающейся богослужебных одежд. Были и те, кто непосредственно участвовал в богослужебной храмовой деятельности. Так, например, с первого дня состоявший в общине Иерусалимской Церкви и неизменный спутник апостола Павла, апостол Варнава, был левитом (Деян.4,36). Потому не исключено, что и знаменитая «фелонь», упоминаемая апостолом Павлом в послании Тимофею, уже предвосхищала одежды священнослужителей Новозаветной Церкви.

Первосвященник Аарон в богослужебном эфде, XIII век до Р.Х. На груди «наперник судный» (Исх.28,15) из 12 драгоценных камней.

Христианский писатель II века по Р.Х. Егесипп оставил воспоминания «об особенной льняной одежде (срачице) апостола Иакова и его золотой повязке, которую он надевал на лоб, по примеру иудейского первосвященника, а также об особой одежде апостолов Иоанна и Марка и о богатой одежде, похожей на нашу нынешнюю фелонь апостола Варфоломея»¹. Схожие описания можно найти в IV веке и в трудах иных святых отцов Церкви – Ириней, Евсевия и Епифания.

¹ Гавриил (Голосов), архимандрит. Руководство по Литургике, или Наука о православном богослужении. Тверь, Типо-лит. Ф.С. Муравьева, 1886. С. 379.

Впоследствии, по мере превращения Евхаристии из «преломления хлеба по домам, принятия пищи в веселии и простоте сердца» (Деян.2,42;46), из трапезы, «творимой в воспоминание», в торжественное богослужебное событие, возникла очевидная необходимость иметь особые священные одежды. По словам святителя Григория Назианзина, уже в III–IV веках в храме «служители стояли в блестящих одеждах, по образу Ангельского блеска и чистоты»¹.

Несомненно, в этом вопросе ранние христианские общины не могли не ориентироваться на традиции иудейской Церкви. Не секрет, что даже в наше время, глядя на облачения служителей Ветхозаветной Церкви, единство их стилистики с нынешними одеждами православных священников становится очевидным.

Облачение служителей Ветхозаветного Храма было строго регламентировано Моисеевым Законом. Эти предметы священных одежд принципиально отличались от мирских одежд жителей древнего Израиля.

Так, например, святитель Амвросий Медиоланский обращает внимание на один из интересных элементов такого отличия: «иудейские священники, как это было повелено Моисею Господом, имели надраги: «И сделаешь им надраги [порты, штаны – м. М.] льняныя для прикрытия телесной наготы; от чресл до голеней оно должно быть. И будет оно на Аароне и на сынах его, когда они будут входить в скинию собрания или приступать к жертвеннику для служения во святилищи, чтобы им не навлек на себя греха, и не умереть» (Исх.28,42;43). Некоторые из наших [из христианских священников – м. М.], как известно, строго блюдут это повеление и поныне², – пишет святитель, однако далее с сожалением отмечает: большинство же толкует эти слова в духовном смысле и полагают, что здесь имеется в виду хранение стыдливости и целомудрия». То есть уже в то время «аллегориями и символами» иные священники оправдывали свои нарушения в ношении священных одежд, в данном случае храмовое служение без штанов, что, конечно, комфортнее в жарком климате юга.

¹ Гавриил (Голосов), архимандрит. Руководство по Литургике... С. 280.

² Амвросий Медиоланский, святитель. Об обязанностях священнослужителей. Кн.1. Казань, Центральная типография, 1908. С. 87-88.

Саккос Патриарха Никона с нашивной епитрахилью из драгоценных камней. XVII век

Также можно вспомнить, что когда в 1589 году на Руси было утверждено Патриаршество, то знаковым облачением Первосвященителя Московского и всея Руси (как ранее и митрополита Московского) становится царский саккос. При этом саккос Святейшего «имел нашивную епитрахиль, унизанную жемчугом, по образцу библейского Ааронова *«наперсника судного, искусного работою» (Исх.28,15)»¹*, что неукоснительно соблюдается и поныне.

«Все схимники были ... »

Следует признать, что в наибольшей степени «инаковость» своих одеяний явило монашеское христианство, утвердив их ясное отличие от одежд мирских. Со временем эти одежды претерпевали изменения, насыщались символикой, отражали некие степени строгости монашеского посвящения, как-то: пострижение «в рясофор», «в мантию», «в великую схиму».

¹ Лисовой Н.Н. Патриарх в Империи и Церкви // Труды Института российской истории. Вып. 4 / Российская академия наук, М., 2004. С. 51.

Не секрет, что именно монашество дало наиболее значительное число святых подвижников, которые были прославлены Церковью в лике преподобных. В то же время, рассматривая старинные иконы и прориси, невольно обращаешь внимание на то, что древние преподобные отцы неизменно писались в одеждах великой схимы. Даже если особый капюшон-куколь подвижника находился на его плечах, то узнаваемый схимнический параман с расшитыми белыми и красными нитями Голгофой и текстами молитв являлся неизменной составляющей этого иконного образа.

Неужели все подвижники древности обязательно являлись схимниками, то есть монахами, принявшими пострижение в великую схиму?

В Братском Синодике Анзерского скита Соловецкого монастыря можно прочесть текст следующего содержания: «Синодику начало 1449 году, с начала обители, за представшихся братьев, писаных еще при жизни преподобного Зосимы, писано учеником его игуменом Досифеем. Но не дивися, что писаны все монахами просто, а все схимники были. Такое пострижение было до 1642 году. На Соборе распределено на рясофоров, мантию и схиму»¹.

То есть текст Синодика утверждает, что с 1642 года было принято некое решение о пострижении в монашество по трем степеням: «в рясофор, мантию и схиму».

Известно, что в 1642 году Константинопольским Патриархом Парфением I был созван Поместный собор Православной Церкви

Преподобный Сергий Радонежский в схимническом облачении. Икона нач. XIX века

Преподобный Савва Сторожевский в схимническом облачении. Икона конца XIX века

¹ Музей истории религии, кол. 3, оп. 1, № 201. Л. 4.

Преподобные Трифон Печенгский и Варлаам Керетский в схимнических облачениях. Икона нач. XVII века

в столице Молдавского княжества г. Яссы. Киевским митрополитом Петром (Могилой) на Соборе был представлен так называемый Большой Катехизис, или Православное Исповедание. Однако в дошедших до нас редакциях этого документа вопрос о трех степенях монашества не затрагивается.

Таким образом, на какие решения Собора ссылается соловецкий книжник, нам не ведомо. Тем не менее, текст Братского Синодика Анзерского скита утверждает, что до 1642 года существовала одна единственная «степень» монашества – она же «схима»: «Все схимники были».

В житии преподобного Трифона Печенгского о его монашеском постриге в XVI веке говорится, что стал он «*правый инок и знаменосец*». Что в переводе с церковнославянского означает: «истинный инок и схимник»¹, поскольку изначально «знаменосец» – это тот, кто носит на себе «знамения Креста».

Эти «знамения Креста» есть непрменный отличительный знак монашеского одеяния схимника, называемый куколем (кукуллем).

¹ Дьяченко Григорий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 207.

По сути, куколь – это монашеский клобук с наметкой, но при этом клобук этот с остроконечным верхом. Следует напомнить, что вообще изначально головной убор монаха представлял собой островерхий капюшон (лат. *sucullus* – капюшон).

Схимнический куколь монаха дополняет еще особый аналав (параман), или нарамник (наплечник). На куколе и аналаве нашиваются пять крестов из червленого шнура: на челе, на груди, на плечах и на спине, «чтобы царственным и страшным этим крестным знаменем отгонять спереди и сзади нападающих на нас»¹.

Сам покрой куколя преследует цель оградить схимника от мира, спрятать подвижника внутри одежд, дабы ничто не мешало его углубленному молитвенному деланию. Как сказано в Отечнике: «куколь есть символ благодати Бога, охраняющей наше о Христе младенчество от демонов, старающихся всегда противиться нам и низвергать нас».

Это подчеркнутое отстранение от внешнего мира имеет истоки в ранней монашеской традиции: «молчание во время принятия пищи соблюдается там [*в египетских монастырях IV века – м. М.*] с такою строгостью, что, опустив свои кукуллии ниже очей (чтобы глаз не имел свободы из любопытства блуждать туда и сюда), они ничего более не видят, кроме стола и предложенной на нем пищи, так что из них никто не может знать, как и сколько вкушает другой»². Интересно, что и в наше время можно видеть, как в иных монастырях иноки надвигают свои клобуки как можно ниже, на самые глаза.

Относительно степеней пострига основатель знаменитого Студийского монастырского устава, аскет и писатель преподобный

Схиархимандрит Илий (Ноздрин) в облачении великой схимы

¹ Вениамин (Краснопевков-Румовский), архиепископ. Новая скрижаль. 1810. Ч. IV. Гл. XIX. С. 437.

² Иоанн Кассиан, преподобный. О постановлениях монастырских. Перев. свт. Игнатия Брянчанинова. М., Изд. «Правило веры», 2016. С. 97.

Преподобный Феодор Студит (IX век) на мозаике XI века из монастыря Неа-Мони, о. Хиос, Греция

Феодор Студит отстаивал принцип единственного и окончательного пострига. В этом он следовал традициям отцов основателей монашества – преподобных Пахомия и Антония Великих, а также святителя Василия Великого: «схима одна, подобно крещению, как было в обычае у святых отцов». Феодор Студит воспринимал монашеский постриг как еще одно таинство и учил о существовании одной единственной – великой схимы. Это мнение разделяли и иные святые отцы, считая постриг таинством покаяния, в высшей его степени.

Однако одновременно с этим в ранних греческих Евхологиях (Службениках–Требниках) кроме великой схимы были прописаны еще две степени пострижения – в просхиму и рясофор, а с XIV века – в рясофор и малую схиму.

В Русской Церкви дольше, чем на Востоке, сохранялось следование наставлениям Феодора Студита. Студийский устав действовал до конца XIV века, когда начал вытесняться Иерусалимским, хотя по местам оставался в силе гораздо дольше. Приведенные нами слова соловецкого летописца свидетельствуют, что даже до середины XVII века наставления Феодора Студита соблюдались, и все монахи «схимники были».

Степени монашеского пострига

Приведенная нами выше история формирования практики различных степеней пострижения вскоре оказалась напрямую связана с вопросом совместимости монашеских обетов с архиерейским служением.

Не секрет, что отдельные правила Православной Церкви IX века указывают на то, что начальственные обязанности архиерея неизбежно вступают в явное противоречие с необходимостью смиренного духовного устройства инока: «Святой и вселенский собор

определил: аще который епископ, или кто иной архиерейского сана, восхочет снити в монашеское житие, и стати на место покаяния: таковой впредь уже да не взыскует употребления архиерейского достоинства».

Это же требование повторяется в Славянской кормчей (1650 г.), упоминая, что «Аще который епископ восхочет снити в мнишеский чин, и стати на месте покаяния, рекше пострижися, оттоле епископ уже, да не имать архиерейского сана, и пастьрем сущим, к тому уже не начальствовати, но в пасомых и кающихся, страну себе сводити»¹.

Аргументация этого определения возвращает нас к пониманию изначальной сути монашеского делания: «Обеты монашествующих содержат в себе долг повиновения и ученичества, а не начальствования или учительства»².

Преодолеть эти очевидные духовные несоответствия как раз и помогло введение «степеней монашеского пострига». В результате последующие пояснения к этим правилам были уже ориентированы на утвердившуюся практику принятия монашеских обетов, но без великой схимы. Комментируя эти коллизии, известный знаток церковного права епископ Никодим (Милош) пишет: «В своем толковании Вальсамон (XII век), признавая, как и должно, силу приведенного правила, замечает, что таковым епископам из монахов настоящее

На портретах и иконах святитель Митрофан Воронежский († 1703 г.), являясь правящим архиереем, изображается в облачении великой схимы, что считалось несовместимым с пребыванием на кафедре. Однако великая схима была принята им в связи с тяжелой болезнью и незадолго перед кончиной. Икона точна в исторических деталях – святитель носит крест, а не панагию

¹ Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Поместный Собор, бывший во храме Премудрости Слова Божия в 879 г. Правило 2. <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/pravila-i-sobory-pravoslavnoj-cerkvi>.

² Правила Константинопольского Собора, 879 г. // Книга Правил святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отцов. М., Синодальная типография, 1893.

правило следует относить лишь тогда, когда они приняли великую схиму, и в таком случае они перестают быть епископами»¹.

В результате практика поставления в архиереи из монашеского «сословия» обрела законный характер. В 806 году Константинопольским Патриархом был избран пресвитер Никифор, который явил нам пример, ставший вскоре правилом для всех принимающих архиерейский сан. Кандидат в Патриархи посчитал необходимым вначале принять монашеский постриг и лишь затем возведение в сан архиерея, что и стало входить в церковную практику.

Клобук Патриарха Мефодия

Характерные разрезы на наметке монашеских клобуков, по преданию, греческие монахи стали делать в подражание клобуку Патриарха Мефодия (843–847 гг.). Еще в сане пресвитера святой Мефодий неустанно боролся против иконоборческой ереси, за что претерпел гонения от нечестивых императоров.

Будучи ввергнутым в темницу, будущий Патриарх подвергался жестокому избиению, в результате чего имел тяжкие увечья и шрамы на нижней челюсти. Затем он был сослан на остров, где оказался в заключении, пребывая в глубокой пещере вместе с двумя разбойниками. Здесь он провел семь лет до смерти императора-иконоборца Феофила.

При святой Императрице Феодоре святой Мефодий был избран на Патриарший престол. Не желая выставляться на показ свидетельства своих мучений за веру, Святитель «разрезал покрывало клобука у плеч и концы его связывал у подбородка, прикрывая следы увечий. Все монашествующие того времени в подражание своему владыке стали разрезывать и у себя покрывала таким же точно образом и этот обычай с того времени сохранился на Востоке до сих пор»².

¹ Святого X поместного Конст. Софийского Собора правило 2. Толкование // Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 2. С. 319.

² Из рассказа Синайского архиепископа Констанция. Цит. по: Уманец А.А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой земле. Ч. 2.

В 842 году именно в этом клобуке он возглавил первое проведение чина «Торжества православия», написав специальное чинопоследование, которое мы и по сей день совершаем в первое воскресенье Великого поста.

Упомянутому выше разделению наметки на три части со временем стали находить некие «практические» объяснения. Например, потребность завязывания этих концов под подбородком в холодную и ветреную погоду, или чтобы освободить руки при снятии клобука в определенные Уставом моменты богослужения.

Правда, если поинтересоваться об этом у самих монахов, то любой из них скажет, что ничего подобного никто никогда не делает. Кстати, следует заметить, что женский монашеский клобук вообще никаких разрезов на наметке не имеет.

На древних иконах и фресках, изображающих Патриарха Мефодия (843–847 гг.), мы видим завязанные концы его белого клобука (куккуля)

Белый клобук

Исторические свидетельства о появлении белого клобука с золотыми херувимами, того, что в наше время является принадлежностью облачения Святейшего Патриарха, подчас весьма противоречивы.

Хорошо известная «Повесть о белом клобуке» дошла до нас, претерпев значительные изменения и в поздней редакции конца XV века. «Повесть» утверждает, что белый клобук был «дан Патриархом Филофеем владыке Василию и с тех пор сделался почетным отличием одежды новгородских архипастырей». Однако сказанное не объясняет смысла произошедшего столь радикального

СПб., 1850. С. 75–76, а также: Муравьев А.Н. Письма с Востока в 1849–1850 гг. в 2 т., СПб., Тип. III Е.И.В. канцелярии. 1851. С. 20.

Белый клобук Новгородского архиепископа Василия, XIV век

отступления от традиционных священнических головных уборов черного цвета.

Чтобы разобраться, следует вновь вспомнить, что «*епископ должен быть непорочен, одной жены муж*» (1Тим.3,2), и епископский сан не предполагал безбрачия и иных обетных ограничений.

В то же время, практическая целесообразность довольно скоро выявила нежелательность наличия жены и прочих родственников у кандидата в архипастыри. Хотя в то время речь шла лишь о безбрачном белом духовенстве (то есть соблюдающем

целибат). «Ни в первые века, ни в позднейшее время в Церкви не было положено такого правила»¹, как обязательное монашество для епископов.

С другой стороны, святитель Епифаний Кипрский (IV–V вв.) признает: «венеч всего – архиерейство, состоящее из девственников или из монахов. Но если нет среди монахов способных к этому сану, тогда избираем из таковых, которые воздерживаются от своих жен, или из вдовцов после первого брака»².

Практика рукоположения в епископы монашествующих становится приоритетной лишь «с IX века, после периода иконоборчества»³, когда именно монашество обрело неоспоримый авторитет нестигаемых исповедников истинной веры. Однако достаточно долго «белые» и «черные» архиереи существовали в Православной Церкви одновременно. При этом «Константинопольские Патриархи, возводимые в сей сан из белого духовенства, употребляли клобуки белого цвета»⁴. В Хронике Императора Иоанна VI

¹ Иоанн (Соколов), епископ. О монашестве епископов. Почаев, Типография Почаево-Успенской Лавры. 1904. С. 22.

² Правила VI Вселенского Собора. Толкование // Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 464.

³ Там же. С. 469.

⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 1. Т. IV. М., 1819. Прим. 360.

Новгородский архиепископ Василий (Калика) (†1352) в белом клобуке с шитыми золотом рясами.
Худ. Ф. Солнцев, 1870 г.

Кантакузина упоминается, что Патриарх Иоанн XIV Калека (Апрен) (1333 г.) носил «головной покров, который обыкновенно носят патриархи, но обвиваемый белым полотном»¹.

У нас же на Руси сложилась иная практика употребления белого клобука. В 1346 году упомянутый Патриарх Константинопольский Иоанн в знак особого расположения прислал Новгородскому архиепископу Василию (Калике) крещатые ризы и белый клобук. Таким образом, ношение белого клобука стало восприниматься как некая привилегия архиереев Новгорода и Пскова.

Известно, что Владыка Василий являлся фактическим главой Новгородской феодальной республики в период с 1331 по 1352 годы. Изначально он был попом Григорием из Новгородской церкви Козьмы и Дамиана, но затем принял постриг с именем Василий и рукоположение в архиереи. Так что белый цвет клобука ему был как бы не к лицу. Тем не менее, белый клобук был введен в монашескую архиерейскую практику. Исходя из этого, следует признать, что к этому времени белый клобук стал обретать некий иной высший, сакральный смысл.

¹ Иоанн (Соколов), епископ. О монашестве епископов... С. 40.

Ростовские святители Леонтий (XI в.), Исая (XI в.) и Игнатий (XIII в.) в белых клобуках и фелонях предстоят Божьей Матери. Икона XVIII века. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»

Уже к концу этого столетия, как писалось в Никоновской летописи, «клобуки белые вси носяше на Руси и митрополиты и епискупи, и сподобившиеся великие чести архиепископства вси святители белыя клобуки ношаху»¹. Прошло еще пятьдесят лет, и с падением Византийской империи белый клобук на Руси вообще стал рассматриваться не иначе как священный дар, в знак свидетельства того, что Русская Церковь становится наследницей Великого Рима.

Этот особый Божий Промысл о России вскоре оформился в идею «Москва – Третий Рим». В 1523 году старец Филофей Псковский, монах Спасо-Елеазарова монастыря, в послании к великому князю Василию III дал окончательную формулировку этой идеи: «Храни и внимай, благочестивый Царь, тому, что все христианские

¹ Русская летопись по Никонову списку / Изд. под смотрением Императорской Академии наук. Ч. IV. СПб., 1788. С. 231.

Отцы Церкви в длинных фелонях на миниатюре XII века. Саккосы вошли в обиход значительно позже

царства сошлись в одно твое, – два Рима пали, третий стоит, четвертому же не бывать»¹.

Первый русский Царь Иоанн Грозный, в 1561 году венчанный на царство по чину римских кесарей, быстро почувствовал религиозно-мистическое значение «белого клобука». Потому вскоре, в 1564 году, Иоанн Васильевич озаботился этим вопросом, повелев найти основание его появления на Руси, и «для чего одни Святители Новгородские носят ныне белые клобуки?». Однако Собор архиереев вынужден был ответить Государю: «мы искали и не могли найти того в писаниях».

В результате, «исполняя волю Государеву, Соборною грамотою установили, что Митрополиты Российские [с 1589 года – Патриархи – м. М.] должны впредь носить Белый клобук с ряснами²

¹ Послание к великому князю Василию о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде // Православный собеседник. Казань, 1863. Март. С. 340.

² Рясны – древнерусские украшения в форме подвесок, крепившихся с двух сторон к головному убору. На древних святительских куклях – особые ниспадающие шитые золотом и жемчугом лентия. Ныне это вышитые херувимы на передней части ометов (рясен) кукля Патриарха.

и с Херувимом, как изображаются на иконах Митрополиты Петр и Алексей, Архиепископ Иоанн и чудотворцы Ростовские Леонтий, Игнатий и Исаия»¹.

Отличие Патриаршего клобука от митрополичьего состояло в нашитом спереди Кресте или изображении Херувима. Также Патриаршие клобуки имели три степени торжественности – «большого, среднего и меньшого наряда». Крест «наверху клобука водружен в Великие праздники, на воскрилиях и ряснах образы чудотворцев обнизанные»².

Фелонь, она же риза

Исторически фелонь – (греч. φαλόνιο – светить, светиться) – верхнее богослужбное облачение священника без рукавов, типа плаща, бывшее в древности исключительно белого цвета. В современном русском языке слово «фелонь» – женского рода, как и «риза».

Апостол Павел в фелони, представляющей собой плащ. Мозаика купола Арианского баптистерия в Равенне, около 520 года

О своей фелони апостол Павел пишет Тимофею: «Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа» (2Тим.4,13). Думается, что именно Павел, как «ревнитель отеческих преданий», наряду с первым епископом Иерусалимской Церкви апостолом Иаковом Праведным, стояли у истоков введения богослужбных одежд в Церкви Христовой. Таковы были требования Закона Моисеева, неукоснительно соблюдавшиеся в Ветхозаветной Церкви: «Пусть сделает все, что повелел Господь: одежды служебные и одежды священны Аарону священнику, и одежды сынам его, для священнослужения» (Исх.31,10).

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., «Книга», 1988. Кн. 1. Т. 9. С. 30.

² Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. М., Тип. Августа Семена, 1849. Отд. 1. С. 8.

Греческие фелони, так же, как и русские старообрядческие, имеют равную длину до пола со всех сторон

Священники Константинопольского Патриархата используют фелонь, напоминающую плащ, но спереди она уже укорочена

В те древние времена фелонь представляла собой круглый плащ с отверстием для головы, покрывающий служащего от шеи до ног. Издревле священническая фелонь не имела рукавов. По толкованию Николая Кавасилы (XIV век), это показывает, что иерей священнодействует не своими силами, а через него действует Сам Бог. В то время как диакон издревле служит в стихаре с рукавами, дабы прилежно исполнять благословения священника.

Такой первоначальный вид священническая фелонь сохранила до сего дня в Греческой Элладской Церкви. Потому для удобства при богослужении передний край их фелони необходимо поднимать и закреплять завязками. В Церкви Константинопольского Патриархата фелонь также

В старообрядческой традиции переднюю часть фелони, подымая, пристегивают пуговицами. Хотя часто эти пуговицы носят декоративный характер

Русская фелонь в оплечии имеет жесткую подкладку, что делает ее твердой и высокой. Возвышаясь над плечами священника, она держит форму усеченного треугольника

напоминает длинный плащ, но спереди уже укорочена. Католическая Церковь сохранила фелонь до пола, но для удобства в ней по бокам сделаны прорезы для рук.

Что касается прежнего вида русской фелони, сохранившейся в старообрядческой Церкви, то она также была со всех сторон «в пол». Это, естественно, вызывало ряд трудностей, в частности с нанесением крестного знамени, и потому во время службы крестились крайне редко. Позже переднюю часть ризы для служения стали приподнимать, пристегивая пуговицами, и этот передний край был закреплен в приподнятом положении практически постоянно. Опускание вниз фелоней происходило в моменты особой значимости и благоговения. В Чиновнике архиерейского священнослужения, например, указано, что с началом

чтения Евангелия: «И опустят вси фелони». Равным образом на просьбу Архиерея к «братии и сослужителям помолитися» о нем после Великого входа, те «опустивше фелони, отвечают, глаголюще: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя*»¹.

В современной Русской Церкви эти «опускания» невозможны, поскольку фелонь укорочена спереди, как, собственно, и греческая, однако русская имеет существенное отличие. В оплечие русской фелони закладывается жесткая холщовая подкладка, что делает ее верх твердым и высоким. Таким образом, возвышаясь над плечами священника, фелонь держит форму усеченного треугольника, или трапеции.

С практической точки зрения русская фелонь неудобна, но эту ее форму, к счастью, со временем не изменили в пользу удобства и комфорта. В этом можно увидеть некое важное духовное обоснование.

¹ Чиновник архиерейского священнослужения. Кн. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1982. Сс. 19, 29.

Если обратиться к иконописным подлинникам древности, то облик подвижника, сподобившегося прославления в Царствии Небесном, неизменно пишется с очень покатыми плечами. Плечи, как земной элемент человеческой фигуры, как бы преодолеваются в преображенных, небесных телах святых. Такой художественный прием призван символически передать то духовное изменение, которое претерпевает человеческая плоть через верное служение и аскетический подвиг.

Таким образом, священник, облаченный в момент богослужения в фелонь с подчеркнuto отсутствующими плечами, являет нам некую икону, указывающую путь к преображению человеческой души и плоти.

Крещатые ризы и саккос

Если продолжить разговор о фелони (ризе), то особое значение в истории богослужебных одежд имели так называемые «крещатые ризы». Мы хорошо знаем эти облачения по иконам великих святителей древности.

В практике Русской Церкви, как мы уже упоминали, такие ризы появились в 1346 году, когда митрополит Московский Феогност благословил новгородского архиепископа Василия (Калику) носить «ризы хресцятые»¹. Эта фелонь была прислана от Патриарха Константинопольского как знак особого уважения к новгородским владыкам.

Крещатая риза, или полиставрион (греч. полуσταύριον: «поли» – много, и «ставрос» – крест), с древности служила богослужебным одеянием Патриархов, а позже и архиереев. Эта фелонь имела множество нашитых на нее или вытканых крестов. Безусловно, этот вид облачения был дорогим и усваивался лишь святительскому сану.

Однако с XI–XII веков в Патриарших облачениях объявилось некое новшество – императорский саккос. Следует упомянуть, что изначальный статус саккоса был весьма низким, и повод для

¹ Полное собрание летописей, Т. III. СПб. 1841. С. 83.

Крещатые ризы (фелони) на древней иконе Трех Святителей. Лишь Свт. Иоанн Златоуст написан в саккосе

употребления этой одежды в раннехристианской Церкви вполне соответствовал ее названию. Саккос в переводе с еврейского – «рубище», «вретище», и такую одежду было положено носить в знак сугубого покаяния¹.

Тем не менее, именно с таким «уничиженным» названием – саккос – эта одежда обрела признание в качестве царских облачений. Узкая и длинная туника с короткими рукавами, надевавшаяся с головы, в первое время называлась «далматиком» (по месту происхождения из Далматии, ныне Хорватии). «Далматик» с древности являлся традиционной римской императорской одеждой, каковой она перешла и к византийским базилевсам.

¹ Об этом см.: Амвросий, епископ Медиоланский, святитель. Увещание к падшей деве, купно с Наставлением... М., Синодальная типография. 1805. Гл. 8. С. 28.

Императорский далматик из красного бархата конца XV века. Музей Виктории и Альберта, г. Лондон

Внешним видом эта туника оправдывала свое наименование, поскольку «саккос» в переводе также имеет значение – «мешок». Но драгоценные пурпурные ткани и золотое шитье придавали ему царское величие. Для удобства надевания саккос имел по бокам разрезы, и отдельные его полотнища связывались тесьмой или застегивались драгоценными фибулами. Именно такие саккосы «с царского плеча» в знак своего особого расположения Императоры стали порой жаловать Патриархам.

Относительно первых прецедентов такого «пожалования» есть интересное свидетельство в надписи, вышитой жемчугом на саккосе конца XVII века Патриарха Московского Питирима: «саккос церковным предстоятелям, сиречь Патриархам, Митрополитам и Архиепископам рассуждением и повелением великого и первого Христианского Царя Константина, Иустина и прочих Царей Благочестивых сим сице быти узаконися, яко же обретается в древних списаниях деяний Соборов Поместных»¹.

¹ Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы, М., 1883. № 24. С. 22.

Красный далматик-саккос Императора Константина Великого

В первое время эта роскошная багряная одежда лишь иногда заменяла традиционную «крещатую» фелонь, поскольку надевать ее позволялось только три раза в году – на Пасху, Пятидесятницу и Рождество Христово.

«Так было не только в XII в., но даже и в XIII в., по свидетельствам Феодора Вальсамона и Димитрия Хоматина, архиепископа Болгарского. В обыкновенные праздничные дни Константинопольский Патриарх при священнослужении довольствовался фелонью»¹.

Постепенно, к XIV веку, саккос стал постоянной богослужебной одеждой Патриархов, а полиставрий (крещатые ризы) остался принадлежностью митрополитов. Относительно облачений епископов святитель Симеон Солунский замечал, что «их отличие составляет лишь омофор».

Однако шло время, и «к XVI веку на Востоке все архиереи носили саккосы и это имело уже силу закона»². Когда саккосы вошли в обиход архиереев, царские фибулы (застежки) были заменены звонцами (бубенцами), дабы уподобить саккос одежде ветхозаветного первосвященника: «и окружил Господь Аарона золотыми яблоками³ и весьма многими позвонками

¹ Пальмов Н. Об омофоре, саккосе и митре. Историко-археологический этюд // XXV Киево-могилянский сборник. Киев, Тип. «П. Барский в Киеве», 1913. С. 22.

² Неселовский А.З. Чины хиротесий и хиротоний. Опыт историко-археологического исследования. Каменец-Подольск, 1906. С. 349.

³ Золотыми были «позвонки», а «яблоки» являли подобия гранатовых плодов (яблок), сделанных «из голубой, пурпуровой и червленой крученой пряжи» (Исх.39,24). По Септуагинте, украсил «плодами граната и золотыми колокольчиками».

[колокольчиками – м. М.], чтобы при хождении его они издавали звук, чтобы сделать слышным в храме звон для напоминания сынам народа Его» (Сир.45,11).

Остается только удивляться, как мудро все устраивает Господь. Всем нам очевидно, что историческое происхождение саккоса – «царское пожертвование», но при этом по своему покрою он явно наследует эфоду – ветхозаветной одежде первосвященника. «Ефод – слово, производимое толковниками от еврейского глагола “афад” – “связывать”. Данное название указывает на одежду, составленную из двух кусков материи, из которых один покрывает спину, другой грудь до пояса»¹. Эта же двухсоставность саккоса сохраняется неизменно и поныне, равно как и особые пуговицы, соединяющие его воедино.

Традиционно, со времен Императоров, рукава саккоса были достаточно короткими. Однако где-то к XVII веку рукава стали удлиняться и остаются таковыми в Русской Церкви до настоящего времени.

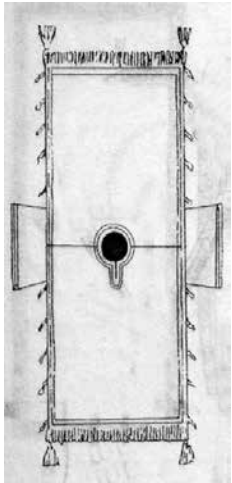
Говоря о процессе окончательного утверждения саккоса в качестве архиерейской богослужебной одежды, следует заметить, что в той или иной степени он все же хранил в себе признаки одежды поощрительной, наградной. Так, во второй половине XVII века, наблюдая Восточные церковные порядки, очевидец писал, что митрополитам «саккоса Патриарх не дал, потому все митрополиты лишь у себя служат в саккосах, а с Патриархом только в ризах»².

Впервые архиерейский саккос можно увидеть на фреске, изображающей святителя Савву (1169–1237), первого архиепископа Сербского. Церковь Богородицы Левишки, г. Призрень, Сербия

¹ Толковая Библия. Под ред. А.П. Лопухина. Т. I. СПб., 1904–1907. С. 369.

² Проскинитарий. Хождение строителя старца Арсения Суханова в 7157 (1649) году. Казань, Университетская типография. 1870. С. 78.

Выкройка ветхозаветного эфода первосвященника практически совпадает с выкройкой архиерейского саккоса ранних веков. Рис. из пособия: Фартусов В.Д. Руководство к писанию икон святых угодников Божиих. Репр. издание. М., изд. «Русский хронограф», 2002

Саккос с очень короткими рукавами на иконе XV века святителя Григория Паламы – архиепископа Фессалоникийского. Музей им. А.С. Пушкина, г. Москва

Исследователи утверждают, что в Русской Церкви саккос впервые увидели в 1417 году, когда киевский митрополит Фотий привез его с собой из Греции. В то же время, как тогда объяснить наличие хранящегося в Оружейной палате с 1364 года расшитого жемчугом саккоса Московского митрополита Алексия¹?

Что касается порядка ношения саккосов, то на Руси были свои особенности. Так, Собор 1675 года в своих решениях «О священных церковных облачениях» указал, что в саккосе с «преднашвенным приперсником [епитрахиль, нашиваемая на саккос от ворота до подола – м. М.] златоукрашенным, или и маргаритосыпанным»²

¹ См.: Рыбаков Б.А. Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII веков. Иллюстрированный альбом. Изд. «Аврора», Л., 1971. С. 45.

² Это отличие Патриаршего саккоса – нашивная епитрахиль (Ааронов приперсник), шитая золотом или усыпанная драгоценными камнями по образцу Первосвященнического «наперсника судного» и эфода.

Большой саккос митрополита Киевского и всея Руси Фотия, изготовленный в Византии в 1414–1417 годах. Можно видеть, насколько предельно короткими были в то время рукава

служит лишь Патриарх. Митрополитам при Патриархе саккос носить дозволяется, но без звонцов. Что касается архиепископов и епископов, то «одежда их священнослужения: фелонь из какого-либо тканья шитый, или полиставрий, то есть многокрестие [те самые «крещатые ризы» – м. М.]. Саккос же отнюдь одевать да не дерзают»¹.

¹ История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием, в 6-и частях. М., Синодальная типография. 1807. Ч. 1. С. 335.

Святитель Алексий, митрополит Московский и всея России чудотворец, изображен в саккосе, изготовленном в 1364 году из шелковой византийской ткани с шитьем жемчугом. Относительно столь длинных рукавов – это фантазия художника. Подлинный саккос, хранящийся в Оружейной палате, имеет очень короткие рукава

Лишь в 1705 году при Петре I, вследствие упразднения Патриаршества, саккос становится статусной богослужбной одеждой для всех архиереев. «Петр Великий, решив отменить Патриаршество, стал жаловать право ношения саккоса всем архиепископам и епископам»¹.

Правда, подчас фелони оказывались в предпочтении у архиереев из-за их, порой, большего величия. Так, Императрица Елизавета Петровна в 1745 году пожертвовала в Киево-Печерскую Лавру фелонь, «сделанную из роскошного, расшитого золотом и серебром и осыпанного жемчугом и бриллиантами атласного платья самой Императрицы вишневого цвета»².

В конце XVIII века Высочайшим изволением Императора Павла I «крещатые фелони (полиставрии) были усвоены для ношения священнослужителям придворных церквей», что со временем распространилось на всех священников³.

Интересно, что ношение фелони архиереями, этой свободной и длинной одежды, позволяло исполнять некоторые, ныне утраченные, элементы в богослужении. Так, в служебниках XVI века указывается, что когда архиерей совершает каждение ал-

таря, «яко же и всегда с диаконом предходящим, и с двумя свещами, то протопоп и ин священник по Архиепископе идучи держаще ускрай его фелонья»⁴. И вообще, в традиции, идущей с древности,

¹ Неселовский А.З. Чины хиротесий и хиротоний... С. 350.

² Пальмов Н. Об омофоре, саккосе и митре. С. 27.

³ История российской иерархии... 1822. Ч. 1. С. 398.

⁴ Рукопись Синод. Библиотеки № 310. Цит. по.: Гавриил (Голосов), архимандрит. Руководство по Литургике... 1886. С. 387. Примеч. 5.

Оплечье саккоса святителя Алексия, украшенное золотыми дробницами с перегородчатой эмалью, изготовленными раньше самого саккоса, еще в первой трети XIII века. Государственная Оружейная палата

Бархатная фелонь с тяжелым золотым шитьем для пасхальной службы. XVIII в. Галерея одежды, Государственный Эрмитаж

внимание присутствующих всячески концентрировалось на архиерее, максимально усиливая торжественность происходящего. Например, такими возвышенными словами описывает в XV веке Фессалоникийский святитель Симеон Малый вход на Литургии: «а потом и сам Архиерей, окружаемый отовсюду и поддерживаемый Диаконами, грядет в Алтарь. Вшедший же Архиерей в Алтарь, кадя окрест Святой Престол благоуханным курением фимиама, означает тем сошествие Духа Святого, небесным осенением Которого вскоре покрылись мы после того, как Иисус Христос восшел к славе Отца Своего»¹.

Перемены XVII века

Завершая главу, посвященную архиерейским богослужбным ризам, приведем интересное свидетельство о том, что именно с рассмотрения Патриархом Никоном одного из древних саккосов в своей Патриаршей ризнице началось знаменитое исправление

¹ Симеон, митрополит Солунский. Книга о храме. СПб., Изд. И.Л. Тузова, 1884. С. 342.

книг – «книжная справа». Как свидетельствует Летопись, «в лето 7162 (1654 г.), начат Патриарх Никон рассматривать, каков есть Символ веры Православных, и узре на одном саккосе святительском¹, его же от грек в царствующий град Москву, прежде как 250 лет принесе, что на нем Символ Православных веры изображен греческими шитыми писменами, во всем согласующимся Святой Восточной Церкви. Потом же узре тот Символ в Московских новых печатных книгах, и много обрете несогласия. Потом и во многих иных книгах узрев несходство, – ово прибавлено, ово отъято и превращено... И повелел он Собор составить...»².

Как известно, одной из движущих идей Никоновских преобразований было стремление привести Русскую и Греческую Церкви к некоему единообразию. Таким устранением накопившихся отличий, по мысли Патриарха и Царя Алексея Михайловича, делались первые шаги к соединению всех Православных Церквей под Державою Российскою.

Святейший Никон видел в этих переменах в первую очередь путь достижения небывало высокого статуса Российского Патриарха как нового главы Вселенского Православия. Это, собственно, и не скрывалось, и Никон уже открыто принимал пожелания «Великому Господину Святейшему Никону освятить соборную апостольскую церковь Софии Премудрости Божьей»³ в Константинополе.

Никогда до Царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона будущий расцвет Московского Царства так ясно не связывался с предстоящим разгромом Османской империи и овладением Константинополем. Так или иначе, но усилиями этих двух весьма амбициозных и властных личностей реформа Церкви была

¹ Саккос «Фотия митрополита «большой», шит волоченым золотом и серебром по лазоревому атласу. На полях саккоса вышит золотом по по-гречески Символ Православной веры». Савва (Тихомиров), архиепископ. Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы. Изд. 5, Тип. «Э. Лиснер и Ю. Роман», М., 1883. С. 17.

² Щербатов М. М. Летопись о многих мятежах и разорении Московского Государства от внутренних и внешних неприятелей... М., Изд. Компании типографической. 1788. Изд. 2. С. 360.

³ Карташев А. В. Очерки по истории русской Церкви. М., 1993. Т. 2. С. 123.

Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович на Церковном соборе 1654 года. Начало реформ. Худ. А.Д. Кившенко, 1880 г. Никон почему-то изображен в узорчатой рясе

произведена. Сложившаяся к тому времени русская обрядовая самобытность подверглась значительным изменениям. Временами оправданным, а временами совершенным в угоду глобальным задачам политического характера.

Российская Церковь была вынуждена воспринимать внешние формы служения, возникшие в Греческой Церкви во времена турецкого владычества, что, естественно, наложило свой отпечаток и вряд ли уже могло являться достойным образцом для подражания.

Мы сейчас говорим лишь о тех изменениях в церковных облачениях, что произошли после реформы XVII века. Не секрет, что наши церковные одежды до Никоновской реформы как раз и были подлинными греческими. Изначальный и не поврежденный вид греческих одежд сохранялся в Русской Церкви, так как они были

Стилистика Императорских одежд Византии очевидным образом была унаследована в богослужебных одеждах Православной Церкви

принесены из Греции еще во времена Крещения Руси. Перемены, наступившие позже в одеждах священников в самой Греции, как мы уже говорили, были обусловлены тем новым, угнетенным положением Греческой Церкви и ее служителей при турецком владычестве.

Так, например, нынешние наши монашеские клобуки, равно как и священнические камилавки, в своей верхней части – прямой горизонтальной «площадки» – возникли на Руси как следствие церковной реформы Патриарха Никона в XVII столетии. Конечно же, это была не единственная перемена, произошедшая тогда в церковных и монашеских облачениях.

Атрибуты царской власти

Отсутствие национальной государственной греческой власти в период османского владычества было компенсировано дарованием со стороны турецких султанов некоторых властных полномочий греческим церковным иерархам. Патриарх Константинопольский становился этнархом (национальным главой) греческого народа, «которым он, надо сказать, остается и по сей день, особенно для многочисленной греческой диаспоры, рассеянной по всему миру»¹.

¹ Ягелло В. Обзорение истории Церкви. Париж-СПб., 2004. С. 20.

Современный двуглавый орлец Греческой Церкви

Как мы упоминали, нынешняя отличительная одежда архиерея – саккос – изначально возникла как одежда римских кесарей. Равным образом и иные атрибуты Патриаршего служения тех времен были заимствованы от царского церемониала, как-то: митра, мантия, орлецы, скипетр (жезл), красный цвет обуви и прочее.

Сразу отметим, что императорская красная обувь – кундуры – у нас хождения не имела. Что же касается ковриков-орлецов, то, являясь царским пожалованием у греков, они должны были нести изображение государственного двуглавого орла. В то же время, на Руси они оформились во вполне самостоятельный церковный символ. Наш орел, парящий над городом, символизирует высшую духовную власть епископа и обязанность его «надзирать» с этой высоты служения. И потому богослужебные орлецы у нас обрели большее сакральное и практическое значение, чем те, что остались в традиции Греческой Церкви. Говоря о наших орлецах, мы вспоминаем и таинственные лики крылатого существа – Тетраморфа, символизирующих четыре вида служения Господа нашего Иисуса Христа. Один из которых «*подобен орлу, летящему*» (Откр.4,7), воспринятому в Церкви в качестве символа Архиерейского служения Спасителя, ибо Христос – Великий Архиерей.

На Востоке «орлецов под ногами, – отмечал в своих записках в XVII веке старец Павел Суханов, описывая тамошнюю обрядность, – нету ни у кого. Токмо на поставлении бывает на листе написан орел, на нем же новопоставленный епископ чтет исповедание»¹. В унаследованном от Константинополя Печатном

¹ Суханов, Арсений. Проскинитарий // Православный Палестинский сборник. Том VII. Выпуск III. Под ред. Н.И. Ивановского. Изд. Православного Палестинского Общества. СПб., Тип. В. Киршбаума 1889. С. 250.

Современный орлец
Русской Православной
Церкви

Греческий священник
в скуфье

Чиновнике архиерейского священнослужения 1653 года «покладание орла» совершается лишь дважды за всю службу. В то же время, в сложившейся практике нынешнего архиерейского служения в Русской Церкви орлецы используются много интенсивнее, чем даже это предусмотрено современным Чиновником.

Что касается саккоса, то, как мы уже писали, на Русь впервые привез его с собой из Греции киевский митрополит Фотий в 1417 году. Это, собственно, и привело к зарождению практики ношения саккоса как одеяния русских митрополитов. В 1589 году с утверждением на Руси Патриаршества этот элемент одежды, конечно же, стал усваиваться Патриарху Московскому. Хотя надо заметить, что на Руси, в отличие от Греции, объективных оснований для этого не было, поскольку существовал исконный носитель этих одежд – Царь Самодержец.

Необходимость исполнять функции национальных лидеров греческими церковными иерархами, а в дальнейшем и всеми представителями Церкви, наложила специфический, «властный» отпечаток на облик священнослужителей и их одежду. Весь этот процесс происходил в течение столетий под неизбежным турецким влиянием. Одежды греков вообще и церковные в частности усваивали себе внешние признаки одеяний турецких вельмож и аристократии.

Сейчас вполне очевидно, что традиционный турецкий головной убор – феска – превратился в греческую скуфью. И до настоящего времени фескообразные головные уборы греческого священства невольно напоминают о периоде турецкого владычества.

«Венец от камней драгих ...»

На древней миниатюре «Отцы Церкви» мы видим, что лишь Кирилл Александрийский изображен в митре. Изборник Святослава, Киев, 1073 г.

«Мнения относительно происхождения епископской митры порой основываются на фактах сомнительной достоверности», – писал в начале XX века известный исследователь этого вопроса¹. В то же время, не вызывает сомнений тот факт, что особые головные уборы архиереев существовали с глубокой древности.

Есть устойчивое церковное предание о том, что первая архиерейская митра имела сверхъестественное происхождение. «Когда

¹ Дмитриевский А.А. Новгородские шапки-митры // Труды Пятнадцатого Археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. 1. С. 215.

Свт. Кирилл Александрийский. Роспись церкви Св. апостола Андрея на реке Треске, Македония. 1388–1389 гг.

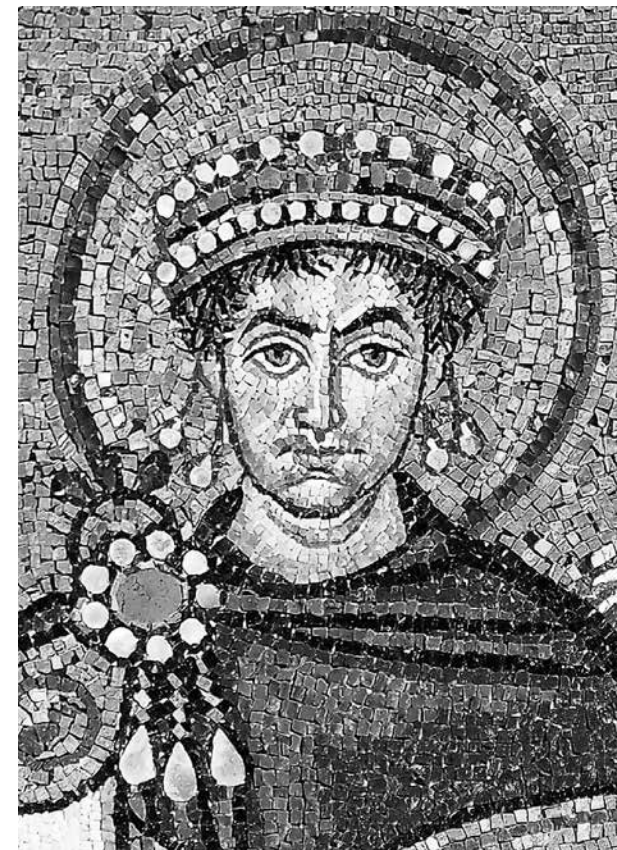

примирился святитель Кирилл и Иоанн Златоуст, дана была Кириллу Патриарху¹ митра от Пречистой Богородицы в ночном видении. И того ради иных святителей пишут с непокровенною главою, а его в митре²... Егда же очнулся он от видения, начал болети главою и трястися, но егда полагал митру на главу свою, тогда

¹ Речь идет об известном предубеждении святителя Кирилла, архиепископа Александрийского, против Иоанна Златоуста, в чем он раскаялся, и, созвав вскоре египетских епископов, совершил торжественное празднование памяти святителя Иоанна Златоуста.

² Этот факт неоднократно подчеркивался в греческих руководствах для иконописцев. См.: Порфирий, епископ Чигиринский. Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурнографом. 1701–1733 гг. Киев, 1868.

Император Юстиниан (527–565 гг.) в диадеме. Мозаика, Равенна, Италия. VI век

преставало трясение. И начал тогда он проповедовать Иоанна, как Вселенского учителя...»¹.

Так повелось «по обычаю Святой Восточной Церкви, что великий святой Кирилл Александрийский по главе златым увяслом [*митра наподобие тюрбана*] обложился, когда Святому Вселенскому Третьему собору предстательствовал; и святому Сильвестру [*епископ Рима, IV век*], величашеся по уставу Равноапостольного Святого великого Царя Константина, и яко Феофилу Александрийскому Патриарху Царь Василий Багрянородный возложил диадему, и тако в церкви украшаться повелел»².

¹ Макарьевские четьи-минеи за месяц август. Л. 1326 // Рукопись Синодальной библиотеки № 997.

² История российской иерархии... 1807. Ч. 1. С. 328.

Что же касается названия этого торжественного головного убора архиерея – митра (μίτρα), то оно заимствовано из греческого перевода Книги Исход. В русском варианте оно звучит как «кидар Первосвященника» или на ц.-славянском – «увясло».

В Греческой Церкви этот головной убор архиерея называется венцом (στέφανος или στέμμα – стеммой), так же, как и корона – головной убор Императора. И это логично, поскольку архиерейская митра и царская корона по своей сути имеют одно и то же значение – символ Царской власти, земной и Небесной.

Исторический прецедент получения архиереем царского головного убора произошел в начале XI века, когда Император Василий II Болгаробойца пожаловал Иерусалимскому Патриарху Феофилу I право «украшаться в церкви диадемою»¹. Правда, в дальнейшем эта практика не прижилась, и такой головной убор долгое время почти не употреблялся при богослужении.

Если вернуться к истории появления самого императорского венца или короны, то вид этого головного убора также формировался постепенно. Так, византийский Император Константин Великий (IV век) заимствовал с Востока диадему-повязку, замененную впоследствии металлическим обручем. Император Юстиниан I (VI век) уже вокруг меховой шапки стал возлагать обруч из золота, и таким образом оформился этот традиционный царский головной убор – стемма.

В 1453 году, при осаде турками Константинополя, погиб последний византийский государь Константин XI Палеолог. Его корона-стемма перешла к Патриарху Константинопольскому, который стал главным и единственным блюстителем интересов Православия, да и самого греческого этноса на всем мусульманском Востоке.

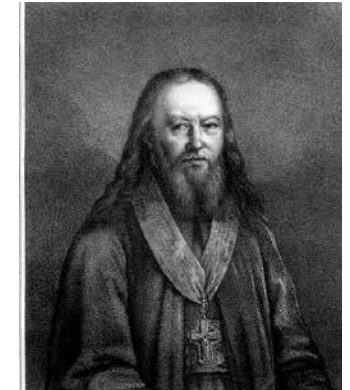
Потому и ношение митр долгое время было прерогативой Патриархов. Что же касается иных архиерейских чинов на Востоке, то ношение шапок-митр им не благословлялось. Как описывал те восточные церковные порядки путешественник второй половины XVII века инок Арсений Суханов, «саккоса и шапки Патриарх ему

¹ Дмитриевский А.А. Новгородские шапки-митры... 1914. Т. 1. С. 221.

не дал, и служат все митрополиты с Патриархом только в ризах, да и наедине шапок ни у кого нету, и носить не смеют, кроме Патриарха»¹.

Поповские митры

В 1786 году в Русской Церкви произошло событие, «ознаменованное чрезвычайным, неслыханным дотоле знаком монаршей милости к представителю белого духовенства»². После обедни, отслуженной в Придворной Благовещенской церкви, Императрица Екатерина II «почтила отличным знаком Своей милости» своего духовника протопопа Иоанна Панфилова. Государыня «изволила самолично возложить на его голову украшенную драгоценными камнями митру». До этого момента в течение всей истории Церкви «митра служила украшением лишь святителей и архимандритов»³.

Портрет протоиерея Иоанна Панфилова, духовника императрицы Екатерины Второй. Худ. М.А. Кашенцев, 1830 г.

Так в Русской Церкви появилось понятие «митрофорный протоиерей», которое так и не было принято ни в одной другой Восточной Православной Церкви.

Архиепископ Московский Платон (Левшин), вынужденный тогда подчиниться воле Императрицы, открыто называл произошедшее «уничижением митры», а протопопа Иоанна саркастично величал «папа Митрус». Государыня, конечно, старалась загладить ситуацию. И вскоре в 1787 году на Литургии, которую совершал Владыка Платон, именно митрофорный протопоп Иван Панфилов

¹ Проскинитарий. Хождение строителя старца Арсения Суханова в 7157 (1649) году. Казань, Университетская типография. 1870. С. 78.

² Половцов А.А. Русский биографический словарь. Т. 13. СПб., Тип. И.Н. Скороходова, 1902. С. 275.

³ Там же. С. 275.

На портрете тверского архиепископа Платона (Левшина) кисти худ. А.П. Антропова можно видеть особое монаршее расположение к святителю, о чем свидетельствует наградная панагия с привесным портретом Императрицы Екатерины II

неожиданно и к изумлению присутствующих, по благословению Императрицы впервые помянул владыку как митрополита Московского и Коломенского.

Конечно же, в дальнейшем инициатива Екатерины II сыграла роль прецедента. Вскоре, в 1798 году, вступивший на Российский Престол Император Павел I посчитал возможным таким же образом отметить и своего духовника¹ протопресвитера Исидора Петрова, поскольку «был весьма доволен рачительным званием исполнением и поведением его благонравным»².

Примечательным было то, что вместе с протопресвитером Исидором Император повелел наградить митрой украинского протоиерея – настоятеля Софийского собора в Киеве Иоанна Леванду. Прямо скажем, что на украинской почве этот пример принес весьма обильные плоды. Особенно в наше время.

Предвидя эти серьезные последствия, митрополит Платон продолжал прилагать все усилия, чтобы этот прецедент не обрел силу

¹ Впоследствии являлся духовником и Императора Александра I.

² Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. VIII. СПб., 1884-85 гг. С. 387.

закона: «О, если бы, при помощи Божией, Вы сделали это, – писал митрополит Платон в 1798 году Петербургскому митрополиту Амвросию, – дабы убедить, чтобы ни одному протопопу не давали носить митру. Если это будет введено в церковную иерархию, то станет соблазном для одних, а в других возбудит честолюбие и много другого, что ниспровергнет благоучрежденный порядок»¹.

Но, увы, Павел I не ограничился этим единичным случаем и поспешил издать Указ, закрепив «в числе отличий для белого духовенства, – для знатнейших из них, митру, каковую употребляют архимандриты»².

Лишь «в 1859 году состоялось Высочайшее повеление Императора Александра II, коим не допускалось представления лиц белого духовенства к награждению митрою. Пожалование ею зависело лишь от непосредственного Его Императорского Величества благоусмотрения»³.

Однако в дальнейшем Святейший Синод, бывало, ходатайствовал перед Кабинетом Его Императорского Величества о пожаловании митрой в качестве особо высокой награды. При этом следует признать, что вплоть до революции этот вид поощрения белого духовенства оставался весьма редким. К началу революции 1917 года митру во всей Москве, например, имели всего несколько очень уважаемых священников.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в митре

¹ Санкт-Петербургский духовный вестник. Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. СПб., Тип. Главного управления Уделов, 1897. № 51-52. С. 1020.

² Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. XXIV. № 18.273. СПб., Тип. Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. С. 822.

³ Дмитриевский А.А. Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалуемых священным лицам черного и белого духовенства // Руководство для сельских пастырей. Т. 1. № 8. Киев, 1902. С. 256.

Что касается послереволюционного времени, то митрой стали награждать все чаще и чаще. И следует признать, что в этом явлении обесценивания наград часто кроется психологическая реакция на процесс разрушения традиционного уклада. Такие печальные закономерности мы можем наблюдать в масштабах всей страны. Так, например, когда распался Советский Союз и были утрачены внутренние духовные стержни, то в армии и на флоте при отсутствии зарплаты и перспектив в службе стали энергично присваивать высокие воинские звания и вводить вычурные образцы формы одежды. То есть командование хоть чем-то пыталось компенсировать позор этой ситуации.

Надо заметить, что, кроме того, в то смутное время активно плодились многочисленные, и порой экзотические, ордена и медали. В результате настоящие боевые награды поблекли среди невероятного количества побрякушек с сомнительным статусом. И вообще, можно заметить, что чем незначительнее армия государства, тем невероятнее и причудливее форма генералитета и неконтролируемо растет количество носимых наград.

В 20-е – 30-е годы XX века Церковь, болеющая ересью обновленчества, являла среди раскольников упомянутые признаки деградации через обильное украшение наперсными крестами и панагиями. Так, глава обновленческого раскола Александр Введенский носил одновременно пять наперсных крестов и панагий.

Та же закономерность прослеживается и в ситуации с награждением митрами в Церкви СССР, едва выживающей в унижении и жестоко попираемой богоборцами. Хотя здесь есть и уважительная причина – можно понять желание архиереев хоть как-то отблагодарить и поддержать священников, остававшихся верными Спасителю в то смертельно опасное время.

В этом смысле можно привести примечательный пример награждения митрами в 1953 году трех священников Пензенского храма Святителя Митрофана Воронежского. Трое заслуженных батюшек-исповедников, достигшие возраста 75 лет – протоиереи Петр Иванисов (ст. 58–10 УК РСФСР, 8 лет лишения свободы), Анатолий Соловьев и Илья Поспелов (ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР, 10 лет), сумели дожить до этой награды. Святейший Алексей I,

не имея возможности назвать истинные заслуги священников перед гонимой Церковью Христовой, в Указе отметил лишь, что они «в течение всего времени совместного служения жили между собой в глубоком мире и согласии»¹.

Архимандричьи привилегии

Вспоминая эти исторические перипетии, связанные со столь нарядным и привлекательным элементом богослужебных облачений, коим, безусловно, является митра, нельзя не упомянуть носителей высшего сана монашествующих священников – архимандритов. В их отношении вопрос о праве ношения митры всегда решался положительно и нареканий не вызывал.

Считается, что митра на Руси сделалась отличием для заслуженных архимандритов не раньше XVI столетия, со времен Иоанна Грозного. Однако есть упоминание такого факта еще в середине XIV века. Так, в рукописном житии преподобного Евфимия († 1404 г.), основателя и первого архимандрита Спасо-Евфимиевского

Шапка архимандрита,
1640-е годы, ГИМ,
Москва

¹ Лебедев М., протоиерей. Награждение митрой трех протоиереев храма // ЖМП. М., 1953. № 4. С. 63-64.

На портрете архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Лаврентия (Хоцятовского) 1765 года кисти художника Дрожжина П.С. явлены все привилегии, дарованные наместнику этой обители. Архимандрит носит мантию со скривжальями драгоценного шитья, архиерейскую панагию, архиерейский жезл с крестом и «яблоками» и без сулка

Суздальского монастыря, говорится, что святитель Иоанн Суздальский (†1373 г.) поставил Евфимия в архимандрита и повелел ему «священная действовать с полицею, в митре, сиречь в шапце, и с репидою, еже бысть в той обители и доднесь»¹.

Главным убором, положенным всем архимандритам по сану, митра становится лишь с 1705 года, как до того усваивалось лишь архиереям. Правда, она была не одинакового вида для всех, чего мы коснемся ниже.

К тому времени звание архимандрита стало почетным титулом игуменов многих наиболее значимых монастырей. Примечательно, что первый архимандрит на Руси появился еще в XII веке в Киево-Печерской Лавре. Таким титулом в 1174 году был почтен игумен этой обители Поликарп. «В первое время имя архимандрита употреблялось в соединении с именем игумена, как можно судить по выражениям летописей: “архимандрит, Печерский игумен» или «игумен Св. Георгия, и архимандрит Новгородский»».²

¹ Дмитриевский А.А. Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалуемых священным лицам черного и белого духовенства // Руководство для сельских пастырей. Т. 1. № 9. Киев, 1902. С. 252. Прим. 2.

² Гедевский А.В. Заметка о монастырях Новгородских с отличиями в священнослужении // Труды новгородского церковно-археологического общества. Т. 1. Новгород, Губернская типография. 1914. С. 78.

Не секрет, что архимандриты всегда воспринимались как кандидаты на возведение в архиерейский сан. И в настоящее время практика такова, что в епископы рукополагают только через сан архимандрита.

Потому в церковной истории именно архимандриты первыми обрели, например, право ношения наперсных крестов: «архимандриты получили право носить наперсный крест, отличавший их от игуменов, по указу Императрицы Елисаветы в 1742 году»¹. Примечательно, что это было сделано, опять же, «по примеру архимандритов малороссийских монастырей, которые к тому времени уже почти все носили наперсные кресты»².

Приблизительно в это же время появляется у нас обычай награждать заслуженных архимандритов не только крестами, но даже панагиями. Так, «в 1731 году архимандрит донского монастыря Иларион был награжден панагиею»³.

Касаясь иных наградных предметов богослужебных одежд, отметим, что и палица в отношении архимандритов довольно быстро перешла в разряд «принадлежности по сану». И вновь, именно «на юге России палица в конце XVI века из награды становится уже принадлежностью сана архимандрита. В «Чине на поставление архимандрита» читаем: «Там святитель благословляет его и дает ему полицю» [*палицу*]]»⁴.

Мы видим, что уже в то время в вопросе получения наград малороссийский клир был впереди всех. Как писал исследователь

¹ Стерлигова И.А. О наперсных крестах XVI–XVII веков, связываемых с Новгородом // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. Сб. статей. М., Изд-во Московской Патриархии, Изд-во «Древлехранилище», 2005. С. 256.

² Санкт Петербургский духовный вестник. Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. СПб., Тип. Главного управления Уделов, 1897. № 50. С. 996.

³ История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием, в 6 частях. Ч. I. Т. 11. С. 376.

⁴ Дмитриевский А.А. Историко-археологические сведения о знаках отличий... С. 211. Прим. 2.

Митра архимандричья «позлащенная, жемчужная» из Георгиевского собора Юрьева монастыря. 1663 г., Новгород

в XIX веке: «В Киеве и во всей Малоросии архимандриты имеют митры даже с крестом на верху»¹.

Надо сказать, что столь активное расширение привилегий архимандритов сталкивалось с попытками возражать со стороны наших восточных наставников. Так, в 1667 году Патриархи Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий писали: «Ведомо есть нам, яко неции от архимандритов во Святую Литургию действуют и осеняют со свечами, якоже и архиереи. А того чина во Святей Восточной Церкви нет, и неприлично архимандритам архиерейская действовать»². Но далее Патриархи смиренно признают неотъемлемое «право изволения» Российских Царей на дарование таких привилегий, равно как и иных атрибутов архиерейского сана, «якоже и серебряные злащенные шапки подобные митрам».

Интересно, что эти «шапки» имели обширную градацию по степеням и жаловались в зависимости от статуса монастыря. Такими могли быть, например: «белая», «белая властелинская»,

¹ Савва (Тихомиров), архиепископ. Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы. М., 1883. Словарь С. 11.

² Гедевский А.В. Заметка о монастырях Новгородских с отличиями в священнослужении // Труды новгородского церковно-археологического общества. Т. 1. Новгород, Губернская типография. 1914. С. 77.

«епископская», «среброкованная», «златокованная», «позлащенная», «жемчужная» и «многоценная, елико можно украшением сияющая». «И все это по особому пожалованию, о чем должно быть прописано в настольных (ставленных) грамотах»¹.

Упомянутое выше Патриархами «осенение со свечами», дарованное архимандритам, совершалось в то время «треплетенными и двоpletенными осеняльными свечами». В отличие от нынешних трикирия и дикирия, свечи были сплетены воедино и закреплялись в одной обоймице подсвечника.

Первый прецедент в истории Русской Церкви, когда архимандриту были предоставлены такие особые архиерейские отличия, случился в 1561 году. В тот год «Царь [Иоанн Грозный – м. М.] пожаловал, а митрополит Макарей в Пречистой [в Успенском соборе Кремля – м. М.] поставил игумена Троицкого [Троице-Сергиева монастыря – м. М.] Елевферия в архимандриты, да и шапку дал с полицею и набедренником и двумя рипиды, и повелеша ему служить в шапке с Деисусом и с Херувимы, и место учиниша его в Русском государстве выше всех архимандритов»². Кроме всего прочего, эта особая высота места выражалась в дарованном ему праве принимать от всего клира целование руки при елеопомазании, а также от священника, вручающего ему в Царских вратах Святой Потир на Великом входе.

Сам ассортимент архимандричьих привилегий в полной мере отражал статус монастыря, им возглавляемого. Просто удивительно, сколь разнообразны были перечни и сочетания тех или иных «пожалований», отражающие некие неуловимые нюансы повышения или понижения статуса обители.

В патриарших грамотах оговаривалось: «для чудотворного места и почести тоя чесныя обители служить ему (архимандриту)», и далее шли те или иные привилегии. Такие как, например, служить «с рипиды», «со свечами и каждением на ковре», «жезл иметь простой архимандричий» или «с серебрянными и позлащенными шипками [круглые утолщения – м. М.]», «служить с набедренник

¹ Гедевский А.В. Заметка о монастырях. С. 81.

² Горский А.В. Ист. описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1890. Ч. 2. С. 141.

Архимандрит Фотий (Спасский), настоятель Юрьева монастыря в Новгороде. На примере его прижизненного портрета нач. XVIII века мы можем наглядно убедиться, насколько активно шло «предоставление архимандритам тех или иных отличий, присущих архиерейскому чину»

и полицию и шапкой среброкованой», «служить с ручным сулогом», «носить мантию со скрижалями» (которые могли быть «красными» или «зелеными»), «принимать Св. Дары в Царских Вратах», «входить в церковь со звоном перед Литургией», и многое иное.¹

Надо сказать, что подобное чрезвычайное внимание к насыщению архимандритских богослужений атрибутами, положенными лишь архиерейскому сану, вызывало стойкое недоумение у представителей Восточных Церквей. Надо сказать, что этим же вопросом задавались и российские церковные историки.

Интересные размышления на этот счет приводит дореволюционный историк А.В. Гедевский. По его мнению, побудительная тому причина звучит в тексте Высочайшего указа 1797 года, позволяющего даже в третьеклассные монастыри назначать архимандритов вместо игуменов «**для благолепия церковного служения**»².

Надо понимать, что в те времена для абсолютного большинства населения России церковная служба была единственным источником удовлетворения всех духовно-культурных потребностей в плане умственном, нравственном и эстетическом. Но не секрет, что в полной мере и на высочайшем уровне этим потребностям удовлетворяла лишь архиерейская служба.

Однако насладиться этим «царским великолепием» могли, увы, весьма немногие, и большинство дальних приходов вообще никогда не видели своего правящего архиерея³.

¹ Гедевский А.В. Заметка о монастырях Новгородских с отличиями в священнослужении... С. 92.

² Гедевский А.В. Заметка о монастырях. С. 96.

³ В Клировых ведомостях церковей Терского берега 1915 года на вопрос

Решить этот вопрос могло бы радикальное дробление, увеличение числа епархий и, соответственно, количества правящих архиереев. Однако реализация этого предложения «каждый раз всячески тормозилась, и в конце концов сводилась в лучшем случае к ничтожному паллиативу в виде нескольких единиц возникших епархий, а чаще и обычно – вообще ни к чему. В качестве иной, менее болезненной меры предпринимались шаги по увеличению числа архимандритов в монастырях и предоставлений архимандритам тех или иных богослужебных отличий, присущих архиерейской службе. Это позволяло значительно большему числу людей приблизиться к источнику высокого религиозного удовлетворения»¹.

Эту важнейшую задачу увеличения территорий, на которых совершаются архиерейские богослужения, удалось решить лишь в наше время Святейшему Патриарху Кириллу, путем радикального увеличения числа епархий в Русской Православной Церкви.

Митра на Руси

Возвращаясь к истории появления такого примечательного архиерейского головного убора, как греческая митра, отметим, что русские люди впервые ее увидели в 1619 году. Эта митра, по типу царской короны, возвышалась на голове Патриарха Иерусалимского Феофана, который приехал в Москву для возведения на Престол Патриарха Московского и всея Руси Филарета.

До реформ Патриарха Никона в Русской Церкви архиереи греческих митр не носили и использовали головные уборы в форме невысокой полусферической шапки с меховой опушкой. На верху этой шапки-митры была круглая иконка (как сейчас у архимандритов и митрофорных протоиереев).

Посещая исторические музеи, нельзя не заметить разительного сходства этих древних митр с формой великокняжеских шапок, изображение коих сохранилось, например, на старинных иконах

в графе: «Когда последний раз на приходе служил Преосвященный?», можно было прочесть: «в 1861 году».

¹ Гедевский А.В. Заметка о монастырях. С. 96.

Митра, по типу царской короны, возвышалась на голове Патриарха Иерусалимского Феофана, который приехал в Москву в 1619 году для возведения на Престол Патриарха Московского и всея Руси Филарета

святых князей Владимира, Бориса, Глеба и иных. Следует предположить, что великокняжеские шапки являлись такими же дарами достойным архиереям от наших русских князей, для последующего в них служения. То есть восточная традиция византийских императоров пожалований митр-корон в полной мере присутствовала и в русских обычаях.

Как мы упомянули, в то дореформенное время в ходу у русских архиереев были теплые шапки-скуфьи, отороченные мехом, в основном горностаем. Эти шапки, как и митры, в первое время жаловались в качестве Государевой награды. Однако вскоре, к середине XVII века, ко времени патриаршества Никона такая архиерейская шапка стала неотъемлемым элементом облачения митрополита. Сам же Патриарх Никон, следуя своей стратегии унификации церковных одежд, шапку переменял на митру, которую

Архиерейская шапка Патриарха Иова, 1595 г.

На греческих митрах, как и на греческих орлецах, используется двуглавый орел, символ утраченной греками Византии

заказал в Греции. Со временем его примеру последовали и другие архиереи.

На сегодняшний день митры Русской и Греческой Церквей в основном схожи. Однако есть и отличия – у греков сильнее обозначена шарообразность верхней части, и носят митру на «макушке». В этом смысле они явным образом повторяют головные уборы иудейских первосвященников – кедары. Наши митры такой подчеркнутой шарообразности не имеют и надеваются на голову значительно глубже и плотнее.

Что касается креста, закрепленного на верху митры вместо иконки, то впервые он появился на митре Патриарха Никона. Позже, в соответствии с деяниями Московского собора 1674 года, такое отличие на головном уборе благословлялось носить лишь Святейшему Патриарху.

Правда, вскоре «в 1686 году Настольной Грамотой сделано было «попущение»: пожаловано было Государем от Патриарших привилегий, в священнослужении иметь Киевским митрополитам митру с водруженным на верху крестом «ради в той стране обыкности», то есть по давнему обыкновению»¹.

¹ Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. С присовокуплением разных грамот и выписок. Киев, типография Киево-Печерской лавры, 1825. С. 200.

Патриарх Никон в митре-короне, изготовленной в Греции. Деталь портрета 1660 г. Худ. Москвитин Ф.А. Государственный исторический музей, Москва

Что касается богословской символики в отношении митры, то в российской среде, в отличие от греческой, можно слышать суждение, что митра символизирует Терновый Венец Спасителя. На наш взгляд, это утверждение выглядит натянутым, поскольку богатый царский головной убор никак не вяжется со святым и страшным орудием страданий Христа. Святитель Симеон Солунский еще в начале XV века высказывал сомнения в отношении такого толкования: «говорят, что они имеют митру по подобию Тернового Венца Владыки, находившегося на главе Его. Но, однако же, снимают с себя в важнейшее время священнодействия... Образ тернового венца изображается пострижением волос на главе посвящаемых, при совершении священной печати...»¹.

Потому логичнее звучит объяснение значения митры в словах молитвы, читаемой при облачении архиерея, в момент возлагания на него митры: «*положил еси на главе его венец от камене честна*» (Пс.20,4). Смысл слов этого псалма состоит в возвеличивании Царя Давида, «потому что Господь даровал ему царство, и по собственной Своей щедрости украсил главу его царским венцем»². Этот же венец Царской власти позже увидел апостол Иоанн: «*на облаке сидит подобный Сыну Человеческому и на голове Его золотой венец*» (Откр.14,14).

Общеизвестно, что Архиерей на богослужении символизирует собой образ славы Христа, как «*Царя царствующих и Господа господствующих*» (1Тим.6,15), и потому атрибуты царской власти здесь вполне уместны.

¹ Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского // Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Тип. Г. Трусова, СПб., 1857. С. 24–25.

² Феодорит Кирский, блаженный. Толкование на сто пятьдесят псалмов. Изд. Совет РПЦ, М., 2004. С. 73.

До реформы Никона, решительно избравшего греческие митры, можно было наблюдать очевидное католическое влияние в этом вопросе. Головной убор Папы Сильвестра на картине итальянского художника Дж. М. Виани XVII века удивительным образом повторяется в митре «Святейшего Патриарха Филарета Никитича» на картине 1619 года

Патриарх Вселенского Православия

Разбирая историю современного богослужебного облачения, мы неизбежно вновь и вновь возвращаемся к знаковой фигуре XVII века – Святейшему Патриарху Никону. Даже полный титул его Патриаршего именованья говорит о масштабе этой личности: «*Божиею милостию Великий Господин и Государь, Архиепископ царствующаго града Москвы и всея Великия и Малыя и Белья России и всея Северныя страны и Помория и многих государств Патриарх*».

Перед Никоном стояла задача воспринять и переосмыслить все богослужебное богатство древних христианских Церквей Востока. Впитывая византийское церковное наследие, в том числе и традиции торжественных богослужений, Святейший Никон стремился в полной мере наполнить конкретным содержанием идею «Москва – Третий Рим».

В полной мере усваивая всю царственную роскошь греческих служб и священных облачений, Патриарх Никон пошел в этом вопросе много дальше. Им руководила мысль о том, что греки в свое

ѣспрашати пшго дшамго пашнмго
йтѣкъ слапоу абылаѣ ѡ цю и сн днѣго

И поимниѣ - Веѣль всѣхъ митропо
литѣ при нести шапкѣ млоа, пѣ

Венчание на царство Иоанна IV Васильевича. Миниатюра из «Лицевого Летописного свода» XVI века

время не удержали высоты своего избранничества «нового Рима», и теперь пришло время Российскому Православию духовно возглавить Империю Третьего Рима. Понимание высоты этого Божьего призвания, – стать новым, «Третьим Римом», нашло свое выражение и в развитии образов и духовной символики церковных одежд, унаследованных от греков и наполненных у нас новыми сакральными смыслами.

Эта величественная идея еще сто лет назад вдохновляла Иоанна Грозного, когда тот посылал преподобного Феодорита Кольского с посольством в Константинополь, дабы получить благословение Вселенского Патриарха венчаться на царство «по чину римских кесарей».

Тогда Константинопольским Патриархом был собран Собор архиереев Греческой Церкви, который соборно благословил великого князя Ивана Васильевича на возведение в царский сан. Государю с Феодоритом был передан этот «древний манускрипт» – «Книга царского величества вся».

Таким образом получала официальный статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва – Третий Рим».

Эта плодотворная идея увлекала и Царя Алексея Михайловича. Но в наибольшей степени она владела Патриархом Никоном. Все, что предпринимал Никон, служило воплощению этого грандиозного замысла. Потому, остро чувствуя необходимость духовного просвещения народа, повышения богословской грамотности, «он искоренял предрассудки и суеверие в народе, начертывал духовные уставы, в церкви вводил багочиние и благолепие; любя разные церковные напевы, а наипаче Греческий и Киевский, он имел отличных певчих и ввел многоголосное пение в Российской Церкви, в том числе на греческом языке».¹

Эта идея воплощалась и в начатом им масштабном строительстве, и ныне признано, что «он был одним из лучших зодчих своего времени. При Патриархе Никоне были сооружены богатейшие монастыри Православной Руси: Иверский Святоозерский на Валдае и Крестный Кий-островский в Онежской губе, и конечно же, Воскресенский под Москвой, именуемый «Новым Иерусалимом»»². «Воскресенский собор монастыря с комплексом приделов был копией храма Гроба Господня, сделанной почти в натуральную величину. В алтаре собора Никон поместил пять тронов для себя и четырех Восточных Патриархов, причем кафизма [трон – м. М.] Московского Первосвященителя находилась в центре»³.

И, конечно же, все это касалось невероятной царственной роскоши как его патриарших одежд, так и самих богослужений, которые вызывали восхищение и ревность сослужащих ему приезжих архиереев. Сохранилось немало свидетельств искреннего удивления очевидцев из числа иностранных путешественников того времени: «Его саккосы состояли из аксамитного золота, низанные жемчугом и украшенные серебро-позлащенными

¹ Аполлос (Алексеевский), архимандрит. Начертание жития и деяний Никона, Патриарха Московского и всея России. 4-е изд. М., Унив. тип., 1845. С. 34.

² Никон, Патриарх Московский и всея Руси (Минин Никита Минич). <http://www.patriarchia.ru/db/text/561484.html>.

³ Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления Патриаршества: учебное пособие. Изд. 2. М., Изд. ПСТГУ, 2007.

Один из саккосов Патриарха Никона, изготовленный из итальянского петельчатого аксамита (шелковой ткани с рельефной золотой вышивкой), усыпанного жемчугом. Патриаршие палаты. Музей прикладного искусства и быта России XVII века, Москва

дробницами и разноцветными камнями».

По словам антиохийского путешественника и писателя архидиакона Павла Алеппского, на саккосе Никона «кругом подола, рукавов и боков шла кайма шириной в четыре пальца из крупного жемчуга, величиною с горох, попеременно с кистями и драгоценными камнями. Такое же украшение было и на груди саккоса в виде епитрахили сверху до низу [так называемый «преднашвенный приперсник» – м. М.]. Саккос его был невыносимо тяжел»¹.

То же самое касалось и патриарших митр. Известная под названием «Большой короны», «составленная из различных дорогих камней и обнизанная кафимским жемчугом, с запоной из крупных алмазов, и с золотым крестом, осыпанным алмазами, митра Патриарха Никона весила 6 фунтов и 80 золотников [три килограмма]»².

«Никон, при всей своей крепости, на празднике Пасхи 1655 года оставался в праздничном саккосе только до окончания Канона, и потом надел на себя в алтаре саккос полегче»³. «Когда же Никон предложил нам поднять его, то мы не смогли этого сделать. Нам

сказали, что в нем одного жемчуга целый пуд [16 кг]»¹.

¹ Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века. От Алеппо до земли казаков // Общество истории и древностей российских при Московском ун-те. Вып. 1, М., 1896. С. 198.

² Савва (Тихомиров), архиепископ. Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы. С. 15-16.

³ Гавриил (Голосов), архимандрит. Руководство по Литургике... С. 389. Примеч. 2.

сказали, что в нем одного жемчуга целый пуд [16 кг]»¹.

Описывая это богослужбное великолепие, напомним, что, по мысли Никона, в этих земных вещественных образах Церковь должна являть людям невещественную красоту Горнего мира, нетленное богатство Царствия Небесного. По той же логике своего мировоззрения, в повседневной жизни он являл исключительную скромность и образец монашеской аскезы, используя в быту самые простые монашеские одежды, а под ними нося железные вериги весом 15 фунтов (около 7 кг).

Кстати, после кончины Никона эти вериги возлагались на болящих, которые во множестве стекались к его гробнице², поскольку «народ искаше прикасаться, яко сила от него исхождаше и исцеляше вся».

Железные вериги Патриарха Никона весом 15 фунтов (около 7 кг). Музей «Новый Иерусалим», г. Истра

Паллий и хитон

Именно эти образцы античных одежд древности прообразовали нынешние церковные одежды – рясу и подрясник.

Паллий (от лат. «pallium» – шерстяной плащ). Это римское название традиционной верхней одежды соответствует греческому гиматию. По существу, это кусок мягкой ткани, который набрасывают на плечо и оборачивают вокруг талии. Такой плащ был популярен из-за несложности изготовления и ношения. Любимым цветом паллия у греков был пурпурный, но бывали также паллии желтого, белого и черного цветов с золотой отделкой.

¹ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха. С. 198.

² Дела Святейшего Никона, паче же рещи чудеса врачевные // Чтения в Обществе истории и российских древностей. Кн. 1, Ч. 5. Университетская типография. М., 1887. С. 108.

Римский паллий (от лат. «pallium» – шерстяной плащ) или греческий гиматий (др.-греч. ἱμάτιον – ткань, накидка)

Раннехристианский писатель Тертуллиан посветил истории плаща-паллия целый трактат, вспоминая эту обязательную часть одежды античных философов, и завершив его восклицанием: «Радуйся, плащ, и ликуй! Теперь ты связан с божественным образом мыслей и учением. Тебя избрала лучшая философия мира с тех пор, как ты начал одевать христианина»¹.

То есть, по мысли Тертуллиана, христиане, осознавшие себя представителями высшей философии – Богооткровенного знания, по праву наследовали эту «философскую» одежду древности. Этот устойчивый элемент восточной одежды впо-

следствии стал неотъемлемой частью образа служителей Христианской Церкви, оформившись в рясу и монашескую мантию.

И действительно, паллии носили большинство первых христиан, как обитатели катакомб, так и отшельники пустынь. На некоторых древних иконах в паллии изображен Иисус Христос, и больше всего таких изображений встречается в катакомбных росписях Рима. Таким образом, через паллий священнослужители Церкви обрели свою нынешнюю одежду – рясу, а монашествующие – мантию.

Казалось бы, само название паллий – «шерстяной плащ» – говорит о его внешнем виде. Тем не менее, у католиков паллием стала называться «длинная и узкая шириной в три пальца белая лента, сотканная из шерсти ягнят». Его возлагают на плечи католическому архиерею, обвивая вокруг шеи. Для православных ясно, что здесь речь идет о неотъемлемом атрибуте архиерейского служения – об омофоре. Но у них эту ленту называют «паллиум», и выдает ее только Папа, да и не каждому архиерею.

На Востоке, конечно же, в отличие от порой очень изысканных одеяний античных философов, ряса в нынешнем понимании

Архангел Гавриил в гиматии. Мозаика 1143–1151 гг. из Кафедрального храма Марторана в г. Палермо, Италия

На груди католического епископа – паллий – узкая лента из белой овечьей шерсти с вышитыми шестью черными, красными или фиолетовыми крестами. В настоящее время паллий носят только Папа Римский и столичные архиепископы

изначально возникла как одежда монашеская. И даже само существо иночества отразилось в названии этой одежды: греческое слово «раса» значит «одежда презренная, вытертая, старая и ничемная»¹.

Конечно же, первое время существовало некое внутреннее предубеждение против такой «языческой» одежды. Римская церковь даже пыталась бороться с этим «философским» наследием в среде священства и епископата. Однако в конечном итоге и ряса, и мантия стали традиционной одеждой монахов и лиц духовного сана. Равным образом и подрясник, являя собой очевидное подобие античных хитонов, навсегда закрепился в среде церковного клира.

¹ Вениамин (Краснопевков-Румовский), архиепископ. Новая скрижаль или объяснение о церкви, о литургии... СПб., Изд. И.Л. Тузова, 1908. С. 240.

¹ Тертуллиан. О плаще. Пер. с лат. А.Я. Тъжова. СПб., Изд. «Алетейя», 2000. С. 83.

Греческий философ Софокл в гиматии. Римская копия греческой статуи IV века до Р.Х.

Митрополичья мантия с «источниками» – нашитыми поперек лентами, и четырехугольными платами – «скрижалями», нашитыми к верхним и нижним краям мантии

Особым образом со временем оформился вид архиерейской мантии. Главным отличием ее от обычной монашеской является возможность варьировать ее цвет, а также наличие так называемых «источников» и «скрижалей». Источниками (струями) называются нашитые поперек ленты (в Русской Церкви – белые и красные). Скрижали (или «поматы») – это четырехугольные платы с вышитыми на верхних краях мантии крестами или иконами и с инициалами архиерея на нижних краях.

Что касается избрания хитона в будущий подрясник, то основатель монашеского общежития св. Пахомий Великий (IV в.), уделяя весьма большое внимание инаковости монашеских одежд, выбрал для них именно льняные хитоны без рукавов, сшитые вроде мешка и достигавшие до колен. Хитоны перепоясывались поясом, а сверху хитонов носили кожаную одежду – милоть.

Принявшие монашеские обеты волос больше не стригли, носили их длинными и распущенными по плечам. Хитоны практически не снимались никогда, в них и молились, и спали, и трудились.

Монашеские уставы в этом вопросе были непреклонны: «Кто совершает какую-либо работу без мантии или куколя, тот должен подвергнуться епитимьи, как презритель»¹.

Подобное отношение к монашеской одежде в полной мере было воспринято и российским иночеством. Правда, хитон на Руси называли «власяницей» – «яже есть риза веселья и радования». Представляла она собой длинную, до пят рубашку с узкими рукавами из очень грубой шерстяной материи, которая давалась на всю жизнь и не снималась ни под каким предлогом. Для этого ее делали цельную, а не распашную. Известный религиозный мыслитель Г.П. Федотов вообще считал эту подчеркнутую «худость риз» одной из характерных черт русской святости².

Варварский стиль одежды, постепенно воспринятый в Римской империи к VI веку

Перемены, связанные с «варваризацией» Византии, не коснулись римского стиля в одежде священнослужителей, унаследованного от античной культуры. Церковные одежды остались теми, что завещал апостольский век. Илл. из археологического атласа «Истории Русской Церкви» Е.Е. Голубинского, 1906 г.

¹ Устав Св. Феодора // Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе. СПб., Изд. СПбДА, 1907–1908. С. 27.

² Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., Изд. «Московский рабочий», 1990. С. 58.

Когда в VI веке наступила так называемая «варваризация» территорий Западной Римской империи, то она привела к радикальным переменам в одежде населения. Народ перестал носить традиционные длинные и свободные одеяния, предпочитая варварский стиль штанов и коротких рубах. Это влияние ощущалось и на территории Византии.

Однако к этому времени христианский клир уже имел свои традиции и являл здоровый консерватизм. Священники сохранили за собой унаследованный от античной культуры римский стиль в одежде. Таким образом церковные одежды остались теми, что завещал нам апостольский век. В результате произошло утверждение необходимого отличия священнических одежд от мирских, и сакральная среда явным образом отделилась от профанной.

Эта отвоеванная традиция была окончательно закреплена в VII веке правилом Трулльского собора. Было определено, что священнослужители должны продолжать ношение той одежды, которую носили ранее, то есть «всякий из них употребляет одежды, уже определенные для состоящих в клире»¹.

Никоновская перемена одежд

Вернемся, однако, к истокам российских церковных одежд и к наступившим в XVII веке переменам. Не для кого не секрет, что Патриарх Никон, приводя нашу Церковь в единообразие с греческой, радикальным образом реформировал русскую церковную одежду. Однако, утверждая это, следует признать, что не было допущено бездумного копирования, и Россия вполне отстояла свою самобытность.

Безусловно, приводя в единообразие с греческими наши церковные одежды, Никон учитывал, что многие перемены, наступившие в одеждах священников в самой Греции, были обусловлены угнетенным положением Греческой Церкви и ее служителей во время османского ига.

¹ Правило 27 Шестого Вселенского собора // Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 509.

Ремесленники на улице
Стамбула в фесках –
традиционном турецком
головном уборе

В то же время, турецкие одежды, в целом сохранявшие традиции древнего Востока, и для нас были вовсе не в диковинку. Фасоны нарядов турецкой знати высший свет Руси хорошо знал еще до Никоновских реформ и часто перенимал наиболее привлекательные элементы покроя тех восточных одежд.

Мы же, когда говорим о «варваризации» одежд Востока, хорошо понимаем, что в немалой степени к «варварам» относились наши языческие предки, носившие короткие рубахи со штанами. При этом воспринятое на Руси в X веке христианство столь решительно вошло в душу русского народа, что не только священные облачения, но и мирские платья обрели благочестивый образ одежд апостольского века. Одежда нашей знати была исключительно византийского типа. Целомудрие и скромность касались как женских сарафанов, так и длинных мужских кафтанов. Иметь неприкрытой верхнюю часть ног считалось недопустимым. В то же время, Европа в покрое одежд двигалась в ином направлении, в конечном итоге сосредоточив внимание на обтягивании именно нижней части тела у мужчин и оголения верхней у женщин.

На Руси же в ходу у царского боярства был, например, так называемый турецкий кафтан. Длинный, свободного кроя, с запахом одной полы на другую, с застежкой у шеи и на левом боку, с длинными свободными, а иногда и откидными рукавами. Заметим, что вся мужская одежда до Петровской реформы запаховалась правой

Турский кафтан – с XIV века длинная русская одежда, без воротника и петель. Одна пола (правая) накрывает другую (левую) и застегивается в двух местах: у шеи и на левом боку, точно так же, как у современных рясы и подрясника

До Никоновской реформы церковными рясами назывались поповские однорядки (свитки) – особого покроя кафтаны из сукна и бархата черного цвета, с длинными рукавами. Из рисунков немецкого путешественника Адама Олеария 1640 г.

полой на левую. В европейском костюме – наоборот. Этот прежний, русский порядок сохранился до нашего времени лишь в покрое церковных одежд – рясы и подрясников.

Следует подчеркнуть, что Постановления Большого Московского Собора 1666–1667 годов не обязывали, а лишь благословляли ношение новых церковных одежд греческого типа наряду с российскими: «Одежды же носить по подобию Греческих монашеских рясы, или же по обычаю Российскому, священническому»¹. «Обаче в том не принуждаем, но подражателей ея,

¹ Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. 2-е изд. Казань, Тип. Имп. университета, 1903. С. 255.

Бояре в русских кафтанах и горлатных шапках

благословляем. Аще кто непокорен, и не хочет такова одеяния носить, повелеваем, – да не укоряет носящих»¹.

До этих перемен XVII века рясы греческого покроя в Русской Церкви не носили. Рясами у нас назывались поповские однорядки (свитки) – особого покроя кафтаны из сукна и бархата черного цвета, с удлиненными рукавами. Застегивалась эта ряса на длинный ряд пуговиц и петель с поперечными нашивками. Это кто мог позволить себе пуговицы, а так на завязках или крючках.

У нас принято много говорить о революционном характере реформы Патриарха Никона в области церковных облачений, но в не меньшей степени решительные нововведения в традиционных одеждах Руси вводили в то время Самодержцы Российские. И мы вовсе не имеем здесь в виду известный радикализм Царя-реформатора Петра I. Приведем в пример «повеление Царя и великого князя Феодора Алексеевича всея России Самодержца Московского государства 1681 года», согласно с которым, «всяких чинов российским людям старинного платия – однорядок, фerezей, охабней

¹ Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., Тип. Т. Рис, 1875. Т. 1. Ч. 1. С. 232–233.

никому носить не указано, то платье оставлено, а велено платье всем носить служилое, какое кому Бог прилучил»¹. Таким образом из употребления исчезли многие древнейшие русские национальные одежды.

Следует признать, что нововведенная Никоном свободная и «разлетающаяся» греческая ряса при нашем климате не слишком прижилась. Особенно с учетом того, что такой тип просторных одежд с разрезом спереди в то время носили недружественные нам турки. В результате произошло переосмысление греческой рясы, с перекраиванием ее на русский манер. Русская ряса шилась с запахом и ушивалась в талии. Рукав из прямого был переделан в расруб, расширяющийся книзу, что соответствовало традиции русских одежд.

Таким образом, можно сказать, что греческий стиль одежды, хотя и был введен в ходе реформ Никона, в существе своем оказался глубоко русским. Вся эта вроде бы новая для Церкви стилистика одежды и головных уборов, по сути, издревле существовала на Руси. Известные с древности русские кафтаны с длинными широкими рукавами стали явным прообразом нынешних ряс священников. Это хорошо видно на примере традиционного русского станювого кафтана, а также упомянутого выше турецкого кафтана.

То же самое касается и новых церковных головных уборов – камилавок с клобуками. Очевидно, что образцами для них послужили вовсе не турецкие низкие фески, а хорошо известные на Руси высокие боярские головные уборы, так называемые горлатные шапки.

При этом заметим, что у греков клобуки отличаются от наших и подчас сохраняют видимость изначального куколя (капюшона). Монашеский клобук на Востоке, в отличие от российского, составной – это греческая камилавка и сверху наметка в виде капюшона. Монахи-греки эту наметку надевают на камилавку во время богослужений или на официальных мероприятиях. При этом камилавки, впрочем, как и митры, у них принято носить на макушке головы, тогда как у нас надеваются глубоко и пряча уши.

¹ Судаков Г.В. Были о словах и вещах. Из истории северного народного быта. Архангельск, Северо-Западное книжное издательство, 1989.

На портрете блюстителя Патриаршего престола митрополита Стефана (Яворского) нач. XVIII века можно увидеть, каким именно образом белый клобук носился поверх шапки. Также видим, что панагия еще не стала обязательным знаком отличия архиерейского сана и митрополит носит наперсный крест

Как мы видим, и в конце XIX века не забывались традиции высоких боярских горлатных шапок, о чем свидетельствует высота клобука Митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Исидора (Никольского) (†1892 год)

Составные головные уборы монахов в первое время были в ходу и на Руси. Нижняя часть – камилавка (или просто шапка), на которую надевается верхняя часть – клобук (нынешняя наметка-покрывало с разрезами, «воскрилиями»). Так, в описи Никоновской Патриаршей ризницы числилась: «шапка, носят под клобуком, бархатная, шит на ней золотом Спасов образ, да Архангелы и Херувимы и Серафимы»¹. Со временем клобуком у нас стал называться весь «неразъемный» головной убор монахов.

Именно при Никоне на Руси утвердились высокие, «боярские» расширенные кверху камилавки для белого духовенства и такие же

¹ Переписная Книга домовою казны Патриарха Никона // Временник Московского Общества истории и древностей Российских. Кн. 15. М., 1852. С. 108.

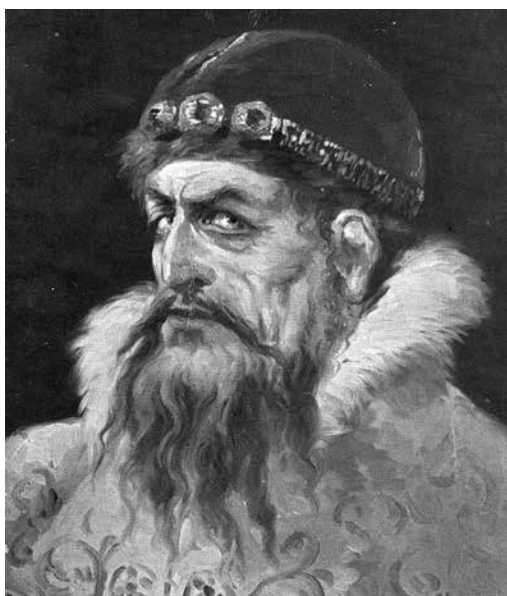
монашеские клобуки с наметками. К слову сказать, появление русских женских монашеских клобуков в той же мере следует традиции исконных головных уборов, носимых боярынями на Руси.

Тем не менее, это расширение верхней части головных уборов вызывало особое раздражение старообрядцев, называвших такие клобуки «рогатыми»: «рогатый клобук, его же носят и наши отступники... римляне и греки с никонияны» (протопоп Аввакум).

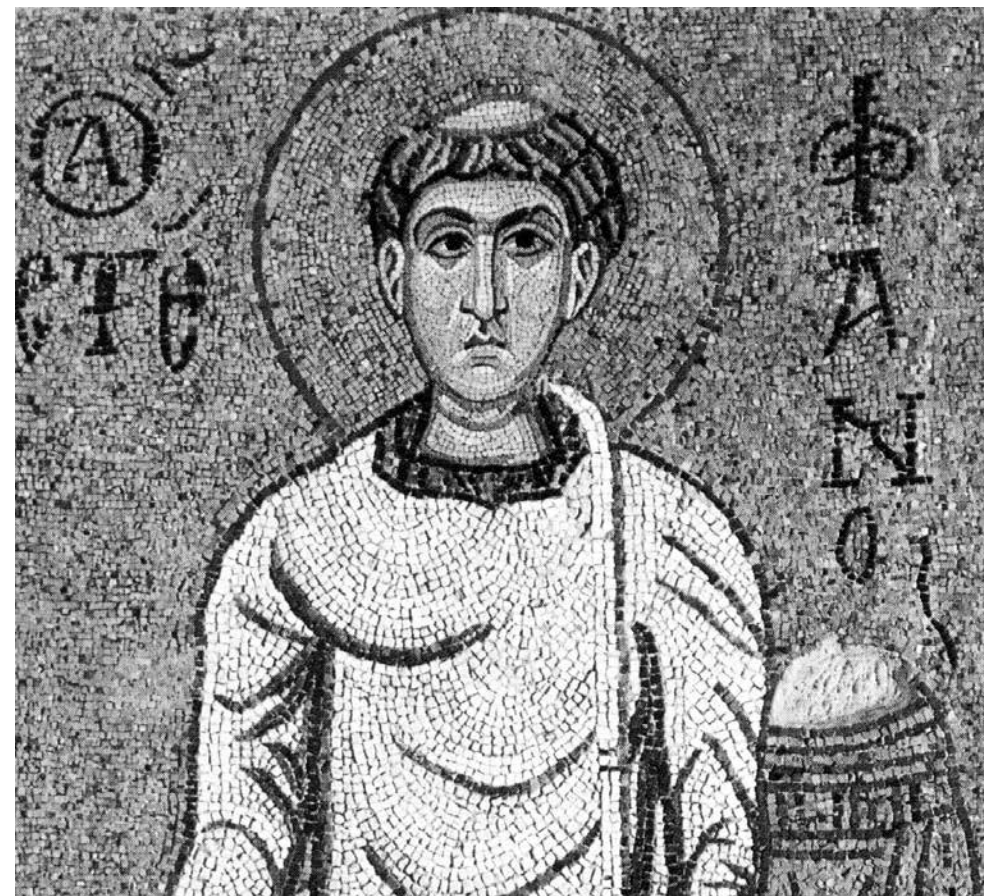
Скуфья

Слово скуфья происходит от греческого «σκούφια» – «шапка» или же «σκούφος» – «чаша». Такую небольшую шапку на Руси носили практически все: и «белый» и «черный» клир, и причт, и монахи, и послушники. Русские князья, бояре и другие аристократы тоже непременно носили шапку – тафью, практически мало отличающуюся от скуфьи.

Как обязательный головной убор для священнослужителей Древнерусской Церкви скуфья пришла к нам из традиций древней Греческой Церкви. Скуфейка прикрывала маковку головы, где при рукоположении в священный сан выстригался небольшой круг –

Иван Грозный в тафье с диадемой. Фрагмент картины худ. М. В. Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный», 1915 г.

Св. архидьякон Стефан с гуменцом. Мозаика XI века в соборе Св. Софии в Киеве

гуменцо, или «поповская плешь». Потому и в народе скуфья называлась «плешегрейка» или «наплешник»¹.

Скуфья имела особое сакральное значение, являя собой символ священнического сана и его достоинства. «Кто бьет попа и попадет по шапке или же сделает так, что она упадет на землю, подлежит сильной каре и должен платить за “бесчестие”»². Эта шапочка была небольшой, неглубокой, лишь покрывая выстриженную часть

¹ Даль В.И. Толковый словарь. Изд. Тип. М.О. Вольфа. СПб. ; М.,1882. Т. 3. С. 134.

² Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию. СПб., Изд. А.С. Суворина, 1906. С. 330.

Греческая скуфья
(афонская)

головы. Ее носили постоянно, надевая по необходимости сверху другие головные уборы. Эта практика сохранилась сейчас у старообрядцев.

В то же время, вследствие «агарянского пленения», изначальная скуфья практически ушла из обихода Греческой и иных Балканских Церквей, будучи замененной на низкую камилавку, наподобие турецкой фески.

Относительно требований к постоянному ношению головного убора всеми состоящими в церковном клире, то этот вопрос был вынесен на обсуждение Большим Московским собором 1667 года. «На вопрос Собора, предложенный Восточным Патриархам: подобает ли священникам и диаконам, по нашему древнему обычаю, носить скуфии, они отвечали: «Ей, подобает, зане священническая и диаконская глава освящена есть от Святыя трапезы [от церковного Престола – м. М.] и чрез архиерейские руки в хиротонии. И сего ради подобает всегда покровенной главе быти, чести ради

Русская скуфья

священства, кроме церковного священнослужения» (то есть кроме тех моментов в богослужении, когда головные уборы положено снимать – м. М.)»¹.

Эту обязательность ношения скуфьи подтвердил Московский Собор 1675 года, повторив, что «протопресвитеры и протодиаконы, иереи же мирские и диаконы должны ходить во скуфиях, во знамение священного духовного их чина и рукоположения архиерейского, на главах же иметь прострижение немало, зовущееся гуменцо, власы же оставлять по округлости главы, еже являет Терновый Венец, его же носи Христос»².

¹ Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. 2-е изд. Казань, Тип. Имп. университета, 1903. С. 251–252.

² Там же. С. 255.

Но если изначально скуфья представляла собой небольшую круглую шапочку, вязаную или шитую из сукна, или же валяную из шерсти, то в наше время она превратилась в складываемую вчетверо крестообразную высокую бархатную шапку.

В конце XVIII века помимо повседневно носимой черной скуфьи появились и ее наградные варианты. В 1797 году по указу Императора Павла I бархатная скуфья фиолетового цвета стала богослужебно-иерархической наградой священников, вручаемой следующей после награждения набедренником¹. При этом повседневным головным убором иерея оставалась черная скуфья. Равным образом и диаконам разрешалось носить ее в повседневном быту, также и во время богослужений на открытом воздухе. «Что же касается до употребления в церковном служении из оных почестей камилавок и скуфей, – говорится в указе Св. Синода от 30 декабря 1798 года, – то оныя употреблять, как в служении, так и кроме онаго»².

В настоящее время право ношения черной скуфьи принадлежит со дня хиротонии всем диаконам (вне храма) и священникам (как в храме, так и вне храма), а после награждения камилавкой фиолетового цвета клирики получают право ношения скуфьи такого же фиолетового цвета³.

Следует еще раз подчеркнуть, что указание о ношении рукоположенными священниками черной скуфьи в храме касается и времени богослужений, ибо «подобает всегда покровенной главе быти, чести ради священства, кроме церковного священнослужения» – то есть единственная причина, когда головные уборы можно снять, это особые моменты богослужения. Священник не может быть без головного убора, и правила ношения скуфьи аналогичны правилам ношения камилавки⁴.

¹ В некоторых епархиях существовала еще градация: зеленая скуфья – второй степени, а фиолетовая – первой.

² Полное собрание Законов Российской империи (1798–1799). Изд. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1830. Т. XXV, № 18, 801. С. 504.

³ Положение о богослужебно-иерархических наградах Русской Православной Церкви. Принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2011 года.

⁴ Об этом см.: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Недоуменные вопросы пастьерской практики. С. 157. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maslov.

«Власы главы вашей ...»

Следует заметить, что мнение о нашем слепом подражании грекам в вопросах церковной культуры столь же устойчиво, сколь и необъективно. Относительно русских церковных одежд свои возражения мы уже высказали.

Но аналогичные суждения можно слышать и по поводу появления длинных волос у духовенства: «Вслед за греческим духовенством русские священнослужители и монахи начинают носить длинные волосы. Длинные волосы в Византии были знаком светской власти. Греческие священнослужители стали носить их только после турецкого завоевания – поскольку на Константинопольскую Патриархию в Османской империи была возложена административная ответственность, и таким образом священнослужители оказались облечены светской властью. В результате исчезает тонзура, принятая в свое время в Византии. На Руси тонзура, или

Облик русского священника на картине худ. А. Шишкина, 1990 г.

гуменцо, была принята еще до никоновских реформ (позднее она сохранялась у старообрядцев)»¹.

Сразу возразим, что это утверждение, ставшее неким общим местом в ряде исследований, не соответствует действительности². Во-первых, длинные волосы у духовенства давняя традиция, а во-вторых, это гуменцо, или «поповская плешь», на Руси куда не исчезало. Это было невозможно, поскольку именно оно было главным и обязательным внешним признаком лица духовного звания. Потому, например, в грамотах Царя Ивана Грозного можно было прочитать: «со всякаго игумена, и с попа, и с диакона с городских и сельских, по Архиепископа Геннадия грамоте с плещи по полтине»³.

Эта церковная традиция, согласно преданию, зародилась у апостолов, и окончательно утвердилась в первые века христианства с прекращением гонений: «Время утверждения клирической тонзуры относится к концу V– началу VI веков»⁴. И не ранее, потому как, справедливо замечает далее исследователь этого вопроса, невозможно предположить, чтобы во времена ожесточенных гонений на христиан отращиванием или выбриванием, или же иным особым пострижением волос подвергались бы сугубой опасности члены церковного клира. В то же время, как Восточные, так и Западные Церкви, заводя этот порядок выстрижения волос, следуют

Традиция выстрижения волос в память о Терновом Венце Спасителя была установлена еще апостолами. Фрагмент картины Андреа Мантенья, 1455 г., «Полиптих святого Луки». Пинакотека Брера, Милан

¹ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., М., Аспект Пресс, 2002. С. 418.

² О длинных волосах монашествующих, живущих по уставу монашеского общежития св. Пахомия Великого (IV в.) мы писали выше в главе «Палий и хитон».

³ Государева Грамота Царя Ивана Васильевича, лета 7107 (1699), ноября в 21 день. Евгений (Болховитинов), митрополит. История княжества Псковского. Киев, тип. Киево-Печерской Лавры. Т. 2. 1831. С. 112.

⁴ Неселовский А.З. Чины хиротесий и хиротоний... С. 14.

букве Предания, согласно которому «апостолы Павел и Петр стригли свои волосы так, чтобы они изображали Терновый Венец и напоминали о страданиях Искупителя»¹.

Так что и до Никоновских реформ, и с их наступлением «гуменцо» продолжало существовать, равно как и длинные волосы духовенства, чему есть немало исторических свидетельств. Можно привести ряд описаний, касающихся внешнего вида московского духовенства, оставленных современниками.

Например, известный немецкий путешественник Адам Олеарий в 1634 году, то есть еще до реформ, свидетельствовал об отращивании волос и выстригании гуменца: «Волосы вверху на голове у священника выстригаются и надевается шапка, именуемая “скуфьей”, вокруг которой остальные волосы длинно свисают на плечи»².

Также и англичанин Чарльз Карлейль, посетивший Москву в 1664 году, то есть уже после реформ, писал: «Одни только духовные и те из придворных, кто находится в немилости у Царя, носят длинные волосы. Духовные делают это по канонам Церкви, светские же, чтобы показать, что они несчастны и каются. В этом случае они подражают грекам, у которых, если постигало их какое-либо общественное бедствие, то женщины стригли свои волосы, а мужчины их отпускали, между тем как в благополучное время все делалось наоборот»³.

Что касается нашего подражания грекам, то у них, несмотря на пресловутый «турецкий пример», белое духовенство как раз особо волосы-то не отращивало: «По свидетельству Льва Алляция [средневековый итальянский богослов – м. М.], даже в его время, то есть в первой половине XVII века, в Греции носили длинные волосы только монахи, но не священники»⁴.

¹ Неселовский А.З. Чины хиротесий и хиротоний... С. 15.

² Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Ред. А.М. Ловягина. СПб., Изд. А.М. Суворина, 1906. С. 330.

³ Карляйль, Чарльз. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля 1664 г. // Историческая библиотека. № 5. 1879. С. 16.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., Унив. тип., 1901. Т. 1. Ч. 1. 1901. С. 580. Прим. 1.

Выстрижение волос у католических монахов и священников установлено с древности и сохраняется до нашего времени. Однако католическая тонзура (гуменцо) не предполагает длинных волос

Как известно, у нас на Руси в те времена монашеский дух и привлекательность монашеского внешнего образа пронизывали все стороны жизни православного христианина. Так что и ношение длинных волос, и выстрижение гуменца духовенством на Руси считались обязательными. Московский Собор 1675 года, подтверждая порядок выстрижения волос, придал ему и символическое обоснование: «во знамение священного духовного чина и рукоположения Архиерейского, на главах же имети прострижено немало зовемое гуменцо. Власы же оставляти по круглости главы, еже являет Терновый Венец, его же носи Христос»¹.

Выстригание гуменца при рукоположении начиная со чтеца было строго обязательным, «оставалось никак не менее, как до начала XVIII века» и сопровождалось взиманием так называемых «денег простригальных по гривне с плечи»².

В наше время можно наблюдать лишь некий отголосок тех времен и порядков. Так, в чине хиротесии, или «поставления во чтецы», происходит крестообразный постриг волос. Это некий рудимент древнего того обычая, требовавшего полностью выстригать верхушку головы, совершать «пострижение на главе священника,

¹ Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. 2-е изд. Казань, Тип. Имп. университета, 1903. С. 255.

² Голубинский Е. Е. История Русской церкви. 1901. С. 580.

В современном чине хиротесии, или поставления в чтецы, происходит крестообразный постриг волос. Это некий рудимент того древнего обычая, требовавшего полного выстрижения верхушки головы. «Поповское гуменцо» появлялось уже при возведении в степень чтеца

получаемое им еще при поступлении на степень чтеца»¹. Как, собственно, и донныне должно быть прописано в Ставленнической грамоте чтеца: «имея верх пострижен и нося краткий фелонь»². В те времена это гуменцо непременно сохранялось и поддерживалось, как при дьяконском, так и при священническом служении, воспринимаясь как главный признак духовного сословия.

Эта традиция выстригать маковку и поддерживать «поповскую плешь» дожила уже без обязательного требования где-то до начала XIX века. Священник Василий Руднев в своей публикации 1870 года ссылаясь на митрополита Филарета (Дроздова) (†1867 г.), который неоднократно встречал «попов с плешью», однако в наше время «что такое “попово гуменце”, знают весьма немногие»³.

¹ Симеон Фессалоникийский, блаженный. Ответы на некоторые вопросы... // Писания Св. Отцов и Учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 3. СПб., Тип. Григория Трусова, 1857. С. 154.

² Неселовский А. Чины хиротесий и хиротоний... С. 116.

³ Руднев В., священник. Нечто о поповских гуменцах // Душеполезное чтение. 1870. Декабрь. С. 116-117.

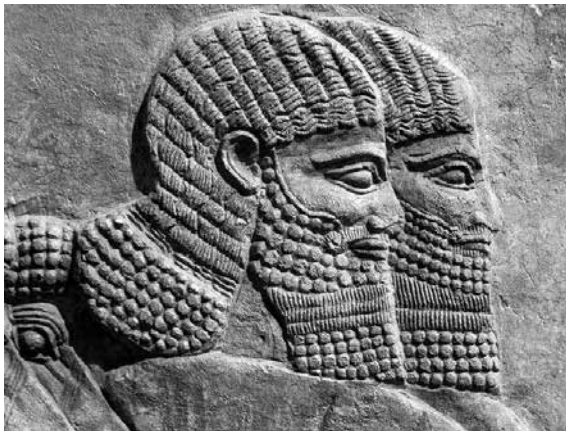
Каноничный облик Спасителя, принятый в Православии, не может подвергаться сомнениям. Большое подспорье в этом вопросе являют нам Туринская плащаница и древнейшие иконописные изображения Христа

Подражать ли нам Христу?

В постановлениях Шестого Вселенского Собора в конце VII века дается ясный ответ на этот вопрос: «Во Христа Крещением облекшиеся, мы дали обет подражати во плоти житию его». То есть Церковь настаивает на необходимости нашего подражания Ему не только в Духе, но и «во плоти житию Его». «Потому, – продолжают отцы Собора, – власы на главе искусственными плетениями располагающих и убирающих отечески врачуем прилично епитимиею». Речь идет о необходимости следовать простоте и естественности Облика Христа и недопустимости светской привычки заплетать, делать прически, стрижки, завивки и укладки волос косичками. «Да не носят в себе никакого остатка порочности, происшедшей от противника [от сатаны]»¹.

Проблема, поднятая в этом правиле, не переставала быть актуальной, и особенно о ней должны помнить представители духовенства.

¹ Канонические правила Православной Церкви с толкованиями. Шестой Вселенский Собор – Константинопольский, Трульский. Правило 96.

Ассирийцы с завитыми крашеными бородами и прическами из завитых волос

Эти традиции языческих народов в отношении к волосам, «происшедши от сопротивника», были весьма живучи. Так, например, мужчины ассирийцы, персы и египтяне создавали пышные прически, применяя завивку и окраску волос. Также и древнегреческие

Модная прическа древних греков – так называемый «бант Аполлона»

Мужской портрет итальянского художника Т. Козимо, 1450 г. В эпоху Ренессанса мужчины отрицали длинные волосы и, завивая их, превращали во взбитые пышные кудри. Время европейского «Возрождения» – расцвет изысканных причесок

На снимке начала XX века духовенство Владимирской губ., г. Ковров. В российской глубинке внешний вид священника еще оставался традиционным

мужчины носили длинные завитые волосы, которые либо заплетались в косы и укладывались вокруг головы, либо собирались в низкие пучки.

Но даже и в наступившие времена Средневековья мужчины хотя и стригли волосы «под горшок», но концы свисающих прядей порой завивали. В эпоху Ренессанса католики отрицали длинные волосы и, завивая их, превращали во взбитые пышные кудри. Про парики мы и говорить не будем.

В своем толковании на приведенное правило епископ Никодим подчеркивает, что Трульский Собор здесь обращает особое внимание на внешнюю жизнь христиан, поскольку «через Крещение мы последовали за Христом и этим обещались и по плоти уподобляться Ему»¹. Именно потому священник, являя собой пример во

¹ Правило 96 Шестого Вселенского Собора, Трульского иначе Пято-Шестого Собора. Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Т. 1. Изд. «Отчий дом», М., 2001. С. 591.

внешнем уподоблении Христу, носит прямые длинные волосы, научая, «чтобы и все остальные христиане избегали всякой суеты и внешних украшений». Конечно же, в первую очередь и в полной мере эти требования исполняли монашествующие.

Мы уже упоминали, насколько монашеский образ жизни оказывал влияние на все сферы бытового благочестия на Руси и насколько сам облик монаха был привлекателен для всех сословий. «Монашество встретило у русского народа столь благожелательное отношение, что быстро распространилось по стране и оказывало значительное влияние на церковные дела, да и на многие другие сферы древнерусской жизни, на государственность и культуру»¹.

Именно историческое становление института монашества способствовало не только принятию важных внутренних ограничений, но и стремлению внешне уподобиться облику Иисуса Христа. Для достижения этого уподобления за образец брались каноничные изображения Спасителя, которые в полной мере соответствовали строкам Писания: «*да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется*» (Мф.2,23).

Так что именно пример монашества оказал решительное влияние на формирование облика русского священника, и в наибольшей степени это проявилось в отращивании волос и бороды. Во времена «либеральные» и «просвещенные», а позже и революционно-богоборческие, отстаивание особого внешнего облика священства часто являло собой не только акт миссионерства, но и исповедничества: «Православный священник резко выделяется среди общества, и это резкое отличие священника по его внешнему виду сразу указывает обществу, у кого оно должно учиться христианским добродетелям»².

В этом отстаивании духовенством своего права на некую инаковость во внешнем облике решающее значение играло понимание исторического факта назорейства Спасителя мира: «Для

священника, сознающего свое **назорейство** пред Богом, наша «грива» – дорогой для нас символ»¹.

Потому видится необходимым подкрепить это утверждение о назорействе Господа нашего Иисуса Христа экзегетическим обоснованием, для чего сделать некоторое историко-богословское отступление.

Назорей Божий

Не секрет, что толкование пророчества о «назорействе» Иисуса Христа имеет двойственную природу. Во-первых, оно увязывается с городком Назарет, где жил с родителями «*Иисус Назарянин*». Местечко это считалось захолустьем и о нем утвердилось мнение, что «*из Назарета может ли быть что доброе?*» (Ин.1,46). И это тоже, конечно, не случайно. Здесь вновь раскрывается Промысл Божий, по соблюдению одного из важнейших принципов Евангельского учения: «*незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее*» (1Кор.1,28). Мы этот богословский аспект отмечаем, но это все же не главное в «назорейском» служении Христа. Думается, важнее иное.

Герой иудейского народа Самсон носил длинные волосы, ибо считался «назореем Божим от лона матери» (Суд.13,5), и «должен растить волосы на голове своей... потому что посвящение Богу на главе его» (Чис.6,5;7)

¹ Смолич И.К. Русское монашество, 988–1917 гг. М., Церков.-науч. центр «Православная энциклопедия», 1997. С. 18.

² Ковальницкий Аполлинарий, протоиерей. Мелочи в обыденной жизни священника. // Холмско-Варшавский епарх. вестник. Варшава, 1901. С. 34.

¹ Яхонтов Василий, священник. Любопытные соображения об улучшении быта духовенства (письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1878. № 39. С. 16.

Понятие «назорей» исторически утвердилось как особое избранничество, сопряженное с принятием существенных бытовых ограничений и ряда обетов, в том числе по отращиванию волос. И этот элемент важен, поскольку являет некое дерзновение в отказе от традиций, ибо по иудейским законам «если муж растит волосы, то это бесчестье для него» (1Кор.11,14). Значит, здесь мы видим сознательное явление некоей «инаковости» или, по-другому, иночества, что можно считать провозвестием будущего христианского монашества.

Известными библейскими назорейями были пророки Самуил, Илия и Иоанн Креститель¹. Герой иудейского народа Самсон считался «назореем Божиим от лона матери» (Суд.13,5), то есть не по обету, и потому ряд формальных признаков назорейства он не соблюдал. Также и пророк Самуил от рождения был посвящен Богу и стал назореем, дабы «на все дни жизни его, служить Господу» (1Цар.1,28).

Таким образом, в духовной истории человечества понятие «назорей» имело порой не формально-обетный, а более глубокий, мистический смысл.

Так и Господь наш Иисус Христос, не соблюдая обеты иудейского назорейства, тем не менее, помнил, что «свят будет растяй власы главы своя» (Чис.6,5). Кроме того, Спаситель счел необходимым, чудесно явившись Савлу (Павлу), упомянуть, что Он «Назорей» – «Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь» (Деян.22,8). Для фарисея Савла, воспитанного на «законе и пророках», эта информация о «назорействе» Христа имела особый и глубокий смысл. Имя – Назорей – важное свидетельство мессианского достоинства Иисуса, потому что, как упоминает евангелист: «да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется» (Мф.2,23).

То есть и апостолы, и фарисей Савл были осведомлены об этом пророчестве. Хотелось бы и нам знать, что же именно и где было «речено через пророков» о назорействе Христа? Увы, но таковых

¹ Назорей (נָזִיר, назир) – человек, принявший обет (на время или навсегда) воздерживаться от употребления винограда и произведенных из него продуктов (в первую очередь, вина), также не стричь волос и не прикасаться к умершим (Чис.6,1;21).

«Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь» (Деян.22,8). Для фарисея Савла, воспитанного на «законе и пророках», эта информация о «назорействе» Христа имела особый, решающий смысл. Гравюра Ю. Ш. фон Карольсфельда, 1832 г.

пророчеств в современных текстах Писания мы не обнаруживаем. И никто из святых отцов – толкователей Священного Писания к разгадке этой тайны «назорейства» так и не приблизился. Впрочем, есть одно исключение.

Св. Иероним Стридонский († 420 г.) – единственный, кто нащупал эту важную информацию, указав на обидные неточности перевода, допущенные при создании текста Септуагинты. «В еврейском тексте сообразно традиции этого языка написано: *«Изыдет ветвь от корня Иессеева и Назорей восстанет от корня его» (Ис.11,1)*», – пишет святой Иероним и недоумевает: «Почему Семьдесят толковников оставили это без внимания?»¹. То есть почему слово «Назорей» исчезло при переводе на греческий?

Если мы проверим, то действительно в Септуагинте почему-то вместо «Назорей» написано «цветок», в Синодальном переводе – «ветвь», в церковнославянском – «цвѣть». Потому согласимся со святым Иеронимом, – перевод здесь ущербен.

Таким образом, в иудейском подлиннике, согласно пророку Исайе, долгожданный «Назорей» Божий произойдет от Иессея, который, как известно, был отцом Царя Давида. Потому столь

¹ Иероним Стридонский, блаженный. Толкование Евангелие от Матфея. М., «Сибирская Благовонница», 2 глава, 23 стих.

Изображение Иисуса Христа на фреске из катакомб святой Коммодиллы в Риме

важным в мессианском аспекте служения Спасителя являлось не раз звучавшее в народе слово, «*что Христос есть Сын Давидов*» (Лк.20,41).

«Власы главы его»

В развитие найденного блаженным Иеронимом «*реченного через пророков*» свидетельства о Христе-Назорее интересно привести экзегезу, связанную с очевидными параллелями из Книги Судей. Речь идет об истории Самсона – ветхозаветного Судьи-героя.

Неплодной жене некоего благочестивого мужа Маноя, иудейке Цлельфоните, явился Ангел Господень, возвещающая радостную весть: «*Вот, ты зачнешь и родишь сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенца сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки Филистимлян*» (Суд.13,5).

Это была весть о рождении Самсона (ок. X века до Р.Х.), известного богатыря, Судьи-героя древнего Израиля. Но, читая эти строки, мы чувствуем, что где-то уже их слышали. И действительно, перед нами потрясающее мессианское пророчество. Очевидна схожесть этих слов Ангела, предварявших рождение Самсона,

с евангельскими словами Архангела Гавриила, предварявшими Рождество Христа: «*...вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына*» (Лк.1,31), и Он «*...спасет людей Своих от грехов их*» (Мф.1,21).

То есть спустя тысячу лет слова, сказанные Ангелом о рождении Самсона, повторит Ангел относительно Рождества Христа. Ветхозаветный герой Самсон, как и многие иные патриархи и пророки древности, прообразовывали собою грядущего Мессию.

И именно на Иисусе Христе исполнились все эти сакральные знания о столь чаемом Спасителе мира, о чем Он Сам не раз говорил Своим ученикам: «*надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах*» (Лк.24,44). Но, в таком случае, мы должны вспомнить, что главный источник небывалых сил Самсона содержался в его длинных волосах. Потому и Христос должен был носить длинные волосы, «*чтобы вам веровать всему, что предсказывали пророки*» (Лк.24,25). Эту взаимосвязь подчеркивает преподобный Максим Исповедник: «Самсон отображает Христа – истинного Назорея»¹.

Так что всем тем, кто следует путем «*назореев Божиих*» и берет на себя монашеские обеты, необходимо подражать внешнему облику Иисуса Христа, сверяя его с иконой Спаса Нерукотворного. И пусть «*бритва не коснется головы его*», равно как и ножницы.

Пусть же каждый посвятивший себя служению Господу помнит, что «*свят он: должен растить волосы на голове своей... потому что посвящение Богу его на главе его*» (Чис.6,5;7).

Мысль преподобного Максима Исповедника о том, что «Самсон отображает Христа – истинного назорея», имела отражение даже в явном сходстве изображения Самсона со Христом на средневековых миниатюрах. Худ. Джованни да Удине. Швейцария, Базель, ок. 1476 г.

¹ Максим Исповедник, преподобный. Вопросы и недоумения. Пер. с др.-греч. Д.А. Черноголозова, РАНХиГС. М. – Афон. 2010. С. 117.

«Обуваться в простую обувь» (Мк.6,9)

В своем известном труде «О постановлениях монастырских» преподобный Иоанн Кассиан Римлянин подробно описывает, как к IV–V векам по Р.Х. в палестинских и египетских монастырях происходило «устройство ангельского чина». И не только в духовном плане, но и во внешнем облике и обряде.

Интересны размышления того времени об обуви монахов: «Отказывали они себе в сапогах, как от вещи, воспрещенной Евангельскою заповедью, и защищали свои ноги только лишь сандалиями»¹. Речь идет о тех ограничениях, которые наложил Господь на апостолов, благословляя их на проповедь: «*Не берите с собою... ни двух риз, ни сапог*» (Мф.10,10). Сандалии тех лет представляли собой куски толстой кожи, вырезанные по форме ступни и привязываемые к ней тонкими ремешками.

Кроме того, как далее пишет преподобный Иоанн, «они никогда не позволяют иметь на ногах сандалии, когда приступают к совершению или принятию Св. Тайн, полагая, что необходимо буквально соблюдать сказанное Моисею и Иисусу Навину: «*сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая*» (Исх.3,5; Нав.5,15)»². Следует заметить, что в западном монашестве этот элемент хождения в сандалиях на босу ногу многими соблюдается и поныне, несмотря на подчас холодную погоду.

В память о тех отцах основателях монашества и в нашей Церкви во время пострижения в монашество постригаемому вручаются именно сандалии. Естественно, в суровых условиях России такая степень аскетизма, в плане постоянного ношения сандалий, невозможна. И эта восточная обувь воспринимается скорее как символ, предполагающий, что, когда придет время, именно сандалии станут погребальной обувью монаха.

Но, тем не менее, свои особенности смирения плоти существовали и в российской монашеской традиции. Прислушиваясь к опыту отцов древности, и наши монахи к сапогам порой относились

¹ Иоанн Кассиан Римлянин, преподобный. Творения догматико-полюемическое и аскетические. М., «Сибирская Благовонница», 2020. С. 526.

² Иоанн Кассиан. Творения. С. 527.

В раннехристианских монастырях буквально соблюдали Божье повеление, данное Моисею в пустыне близ горы Синай: «*сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая*» (Исх.3,5)». Гравюра Ю. Ш. фон Карольсфельда, 1832 г.

как к элементу излишнего комфорта и расточительности. «Относительно тела своего, – учит Иоанн Кассиан, – будем помышлять о том лишь, что необходимо для естественной потребности, а не о том, что излишнее и доставляет вредное удовольствие, как по Апостолу: «*попечения о плоти не превращайте в похоти*» (Рим.13,14)»¹.

Многие из отцов основателей древних русских монастырей являли пример сугубой нестяжательности и аскезы. Преподобный Ферапонт Монзенский (XVI в.) вместо сапог носил лапти. Мартирий Зеленецкий (XVI в.) в своей «Повести» пишет: «плетох бо калиги лычны»².

Исторически калиги нам известны как кожаная обувь римских легионеров. В данном случае «калиги лычны» – это похожая на лапти, но более сложная обувь, – башмаки, сплетенные из лыка. Иные

Калиги, калигвы (лат. *caligae*, сапоги) – традиционная обувь римских легионеров

¹ Там же.

² Крушельницкая Е.В. Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV–XVI вв. Л., 1993. С. 25.

Древнерусская обувь, существовавшая в период с VIII по XVI век. Однако уже с XIV века мягкие сапоги и башмаки вытесняются более жесткими (современными) формами

монашествующие на Руси носили плесницы – кожаные сандалии, стянутые шнурком вокруг ступни (плюсны). Нечто подобное упоминается и в Писании: «И сказал ему [Петру] Ангел: опояшься и обуйся», что на церковнославянском звучит: «Рече же Ангел к нему: препояшися и вступи в плесницы твоя» (Деян.12,8).

На Руси вся упомянутая обувь одевалась на нагавицы – теплые вязаные высокие носки из овечьей шерсти. Однако в конечном итоге именно сапоги стали неизменным элементом монашеских одежд.

В описи 1601 года Кирилло-Белозерского монастыря неоднократно упоминаются «белые братские сапоги». Речь идет о так называемых «белых козловых» сапогах. Следует признать, что прежний крайний аскетизм отцов основателей к этому времени явно ослаб. Упомянутые сапоги из козловой кожи – это весьма мягкие сафьяновые сапожки, столь комфортные, что такие «белые сапоги иногда давали крестьянкам в приданое».

Монастыри богатели, и с богатством улетучивался прежний дух аскетического максимализма: «В книгах Спасо-Прилуцкого монастыря можно увидеть, что набор сапог был весьма разнообразен и изыскан: кроме белых и красных «телятинных», старцы получали сафьяновые лазоревые и зеленые («барановые»)»¹. Евангельский призыв «обуваться в простую обувь» (Мк.6,9) постепенно утрачивал свою актуальность.

¹ Дадыкина М.М. Книги раздачи старческого платья, сапог и всякой рухляди // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII вв. Труды. СПб. ИИ, Вып. № 1 (17). С. 354.

Однако этот вопрос не остался без церковного внимания, и вскоре, в 1675 году, Московский Собор постановил: «монахам одежда кроме из черных сукон, каких-либо ушвенных, от иных цветов отнюдь не носить. И обуви иметь лишь от каких-либо черных кож; лазоревых же и зеленых отнюдь не дерзайте носить»¹.

Цвета одежда

Нет сомнений, что «первоначальный цвет одежда для священнослужения был белый и долгое время он оставался господствующим. О белых одеждах священнослужителей свидетельствуют Постановления Апостольские, также и святые отцы Григорий Назианзин, Афанасий Александрийский, Иоанн Златоуст, Иероним, Созомен и другие»².

В то же время, к XIV веку святитель Симеон Солунский уже писал, что «фелонь бывает и багряной, подобно багрянице Спасителя, или же белой – в знак чистоты священства и просвещения от Бога»³.

Что касается стихарей, то изначально они представляли собой тунику, которую называли «альба», от латинского «alba» – «белая». В первые века стихари всегда были только белого цвета. Символика белого цвета в священных одеждах наиболее очевидна, ибо соответствует Божественному Нетварному свету. В развитие именно этих древних туник в наше время

Римская туника (альба) (лат. tunica talaris), одежда, доходившая до колен и украшавшаяся каймой по краям и на рукавах. Древнегреческий ее аналог – хитон

¹ История российской иерархии, собранная иеромонахом Амвросием... Ч. 1. С. 339.

² Гавриил (Голосов), архимандрит. Руководство по литургии... С. 381.

³ Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 270.

В Римской империи с древности очень любили белые одежды, которые надевали в особо торжественных случаях. Римляне весьма преуспели в достижении ослепительной белизны тканей. До нашего времени эти традиции дошли в виде белых подризников и подсакосников. Картина В.И. Сурикова «Сенат в древнем Риме». 1867 г.

сформировались белые подризники и подсакосники, надеваемые под богослужебные ризы священников и архиереев.

Белые одежды, предпочитаемые в христианстве, вовсе не вступали в противоречие с общими традициями государства. В Римской империи с древности очень любили белые одежды, которые надевали на особые торжества и за праздничным обедом. Римляне весьма преуспели в достижении ослепительной белизны тканей. «Белые одежды были в почете у христиан, на том основании, что ризы Христа во время Преображения сделались белы, как снег, и что ангелы, возвестившие женам мироносицам о Воскресении Спасителя, тоже были облечены в белые одежды. Как известно, белые одежды надевали на новокрещенных в знак их чистоты»¹.

¹ Амвросий Медиоланский, святитель. Творения. Об обязанностях священнослужителей. Казань, Центральная Типография. 1908. Кн. 1. С. 90. Прим. 3.

Начиная с V века ношение белой одежды епископами перестало быть всеобщим, и постепенно стали преобладать ткани темных цветов. К белому цвету одежды клириков неодобрительно относился, например, святитель Амвросий Медиоланский. Впрочем, святитель не запрещает безусловно белого цвета, он неодобрительно отзывается о «драгоценных одеждах» и о римской привычке к чрезмерному блеску и особенной белизне. О чем, собственно, и его слова: «верность и честность даже в нужде не терпят никакого недостатка, и ничто не в состоянии прибавить что-либо к блеску этих добродетелей». Святитель здесь, собственно, следует в русле замечательных слов апостола Петра: «*Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом*» (1Пет.3,4).

К IV веку, как следует из письма Иеронима Стридонского к некоему Негоциану (ок. 393), «клирики обычно носили одежды или каштанового или фиолетового цвета, но потом, когда в клир стали вступать монахи, носившие обычно черные одежды, одежды клириков обогатились еще одним цветом – черным»¹.

В конечном итоге именно черный цвет в полной мере воплотил в себе самую суть духовного настроения служителя Церкви. «Черный цвет – это, по существу, отсутствие цвета, то есть то, что лежит за пределами светового спектра. В применении к одеянию духовенства и монашества это означает цвет совершенного покоя как отсутствия движений страсти. В нем как бы духовная смерть для греха и отречение от всего суетного, от внешней, плотской жизни и сосредоточенность на невидимой внутренней жизни»².

Что касается цвета архиерейских сакозов, то когда Императоры стали даровать их «с царского плеча» первым Патриархам, то они, как и положено царской одежде, всегда были из материи красного цвета.

¹ Там же. С. 90.

² Одеяния духовенства // Настольная книга священнослужителя. М., Изд. Московской Патриархии. 1983. Т. 4. С. 113.

В целом в Греческой Церкви, по словам известного католического знатока греческого быта Иакова Гоара, к XVII веку в богослужбном употреблении было не слишком много цветов облачений: белый, красный, пурпуровый (фиолетовый) и черный. При этом «одежды белого цвета употреблялись во всякое время, а одежды двух последних цветов только в Четыредесятницу и при поминовении умерших»¹.

На Руси в XVII веке относительно цвета повседневных священнических одежд принимались соборные постановления: «Протопресвитеры и протодиаконы, иереи же и диаконы должны ходить во скуфиях, и шапки иметь на главах смиренных цветов. Одежды же им носить не цветные, но черные, или багряновидные, из сукна сошвенные, и не из иных тканей или иных цветов»².

Особая история с цветом архиерейских мантий. На Московском Соборе Русской Церкви в 1675 году впервые были установлены различия в цветах мантий по степеням чинов архиереев. Так, митрополитам было присвоена мантия «багряновидная» (цвет крови), архиепископам и епископам – черная. Скрижали архиепископам – зеленые, а епископам – «лазоревые» (лазурный – как оттенок голубого). Патриарху было предоставлено право носить мантию цвета, «какой сам захочет».

В настоящее время в Русской Православной Церкви окончательно приняты иные цвета архиерейских мантий. Патриаршая мантия имеет зеленый цвет. Митрополичья – синяя или голубая. Мантия архиепископа или епископа – фиолетовая. В период Великого поста принято носить мантии черного цвета. При этом в Православных Церквях Востока такого разделения нет. Все архиереи, вне зависимости от титула, носят мантии только алого или пурпурного цвета (смесь синего с красным).

Завершая тему цветов, отметим, насколько обеднело в наше время умение различать оттенки цвета, равно как утратилось и прежнее богатство их наименований. В старинных описях Патриаршей ризницы можно было встретить, к примеру, такие цвета материй,

¹ Гавриил (Голосов), архимандрит. Руководство по литургике... С. 382.

² Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. 2-е изд. Казань, Тип. Имп. университета, 1903. С. 253.

как: «алый», «ангулиный», «багровый», «червлёный», «бурматный», «брусничный», «золотной», «вишневый», «гвоздичный», «дикий», «кумачный», «гиацинтовый», «дымчатый», «жаркий», «лазоревый», «лимонный», «малиновый», «мурамзелёный», «осиновый», «празелень», «светлобагров», «тьмозелёный», «рудожелтый», «таусинный», «червчатый», «ценинный», «чубарый» и иные.

С царского плеча

Практика «пожалований» царских одежд и иных атрибутов Царской власти от лица Императора, в том числе таких, как «саккос, поручи, большой омофор («лор») и кундуры (красные башмаки с вышитыми на них золотом византийскими орлами)»¹, была весьма распространенной. И, конечно же, в первую очередь эти дары «с царского плеча» предназначались Патриархам, что в дальнейшем приводило к узакониванию этих атрибутов монаршей власти не только в Патриаршем, но и в архиерейском служении в целом.

Упомянутая царская обувь – красные «кундуры с вышитыми на них золотом византийскими орлами» – реально употреблялась восточными Патриархами при богослужении. При этом если Иерусалимский Патриарх сразу приходил на службу в этой царской обуви, то у Патриархов Антиохийских и Александрийских элемент одевания этой красной обуви² присутствовал в чине облачения как завершающий, перед осенением трикирием и дикирием.

Молитва в этот момент у «Александрийского Патриарха читалась: «Яко

В наше время красная обувь сохранилась лишь у Римских Пап. На фото: туфли красного бархата Папы Бенедикта XV с вышитым крестом. XIX век

¹ Дмитриевский А.А. Новгородские шапки-митры... 1914. Т. 1. С. 221.

² Красный или багряный цвет – неизменный цвет царского статуса. Он должен присутствовать во всем. Даже рождение наследников должно происходить в «пурпуровой» комнате. Отсюда и титул – «порфирородный», «багрянородный».

На картине сер. XVIII века художника И.И. Бельского можно видеть образец архиерейского дикирия того времени

красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая» (Рим.10,15), всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь», а у Антиохийского, полагая кундуры, глаголется: ««Се, даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит» (Лк.10,19), всегда, ныне и присно и во веки веком, аминь»»¹.

Оценивая эти происходящие перемены, протоиерей Георгий Флоровский указывал, что здесь, в этом насыщении церковного строя дворцовой атрибутикой, проявлялось главное противоречие церковной жизни в Византии, которое он обозначил как «Империя и Пустыня»². Тем не менее, достигалось, казалось бы, невозможное – синтез идеалов монашеской аскезы в нищете Фиваидских пустынножителей и царственная роскошь Патриарших храмовых церемоний. Это был процесс формирования нового облика как православных храмов, так и церковных богослужений в целом. «Для нас исключительно важно историческое и догматико-символическое значение священных предметов Церкви, но столь же интересно искусство и творческое “замышление” художника. Порой

в этих памятниках церковной древности поражает переход от скудости и простоты к богатству и великолепию материалов, от деревянных сосудов преподобных Сергия и Никона к золотым потирам Патриархов Филарета и Никона»¹.

При этом именно в пустыне, в великих обителях Палестины и Египта, в молитвах подвижников рождалось главное духовное сокровище – богослужебный устав Церкви. Удивительным образом перенесенный в храмы царственного Константинополя, он воплощался и наполнялся ритуалами придворного величия. Драгоценные алмазы высшей мудрости монашеских молитвословий получали достойную огранку и оправу в роскоши архиерейских богослужений.

Все то, что сейчас составляет неотъемлемую атрибутику архиерейских служб и богослужебных облачений – родом из придворных церемоний императорских дворцов. Мы уже достаточно подробно разбирали историю появления архиерейских саккоса и митры, но есть и многое иное, имеющее столь же царское происхождение. Речь идет, например, о «разноцветных “таблионах” (скрижалях на епископских и архимандричьих мантиях), об “источниках” (цветных полосах белого и красного цвета на мантиях), о предносных архиерейских лампадах и ковриках-орлецах. Наблюдая их ныне, можно не сомневаться насчет заимствования этих частей церковного облачения из царского византийского костюма и этикета»².

Равным образом к «царским дарам» следует отнести появление в практике архиерейского служения трикириев и дикириев, которые изначально назывались «двухплетеные и трехплетеные осеняльные свечи». О том, что правом осенять народ светильниками обладают лишь Цари и Патриархи, а также те немногие из митрополитов, которые получают такое право от царя, писал в XII веке Патриарх Антиохийский Феодор Вальсамон.

¹ Проскинитарий Арсения Суханова. 1649–1653 г. // Православный палестинский сборник. Вып. 21. Т. 7. Вып. 3. СПб., 1889. С. 254. Прим. 1.

² Флоровский Георгий, протоиерей. Империя и Пустыня. Антиномии христианской истории // Догмат и история. М., 1998. С. 256–291.

¹ Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. М., Тип. Августа Семёна, 1849. Отд. 1. С. IV.

² Голубцов А.П. О происхождении, символическом значении и устройстве архиерейского посоха // Богословский вестник. 1909. № 6. С. 270.

Портрет Патриарха Филарета Никитича, втор. пол. XVIII века, Архангельская коллекция русского искусства. Мы видим, как мог выглядеть упомянутый «кожух дорогих соболей, крытый парчею и аксаминтом». В данном случае на Патриархе «кожух» горностаевый

Таким образом, еще раз подчеркнем, «характерные принадлежности патриаршего и вообще епископского сана в Церкви, считающиеся ныне для него исконными, носили первоначально характер царской награды и личного «пожалованья»»¹.

На Руси, как мы писали выше, такие «пожалования с царского плеча» были распространены ничуть не меньше. Соответствующие эпизоды мы можем встретить даже в житиях святых Кольского Севера XVI века. Так, например, Царь Иоанн Грозный по результатам дипломатической миссии, блестяще проведенной в Константинополе архимандритом Феодоритом Кольским, щедро одарил его не только «тремястами серебряниками великими», но и пожаловал Феодориту «кожух дорогих соболей», крытый «аксаминтом» (бархатной и атласной парчой). В этом царском «кожухе» реально проступали церковные облачения архиерея, тем более что Государь при этом предложил «к нему такую власть духовную», которую бы Феодорит «захотел»².

¹ Лисовой Н.Н. Патриарх в Империи и Церкви // Труды Института российской истории. Вып. 4 / Российская академия наук, М., 2004. С. 51.

² Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XVI в. М., 1986. С. 346.

Или иной эпизод, уже из Жития преподобного Трифона Печенгского. Во время хождения Трифона в Москву в 1576 году с челобитной к Царю Иоанну Грозному особое расположение к преподобному проявил «благоверный царевич Феодор». Увидев северного подвижника, он пожаловал Трифону свое облачение «с плеча великокняжеского». «Знаю, что он [Трифон] сию одежду перекроит в одежду священную, ибо вижу его мужем праведным», – заметил при этом князь Феодор¹.

Эта царская одежда была действительно переделана под священническое облачение. Вместе со многими реликвиями времен Трифона это облачение еще в 30-х годах XX века можно было видеть в старинной церкви святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, что на реке Паз, на границе с Норвегией: «Фелонь из синей шелковой материи на холщевой крашеной подкладке с оплечьем, вышитым золотом и серебром и украшенным одноглавыми и двуглавыми орлами»².

Омофор

Омофор, как священная принадлежность богослужебной одежды, носимая на плечах, может принадлежать исключительно Архиерею, «означая заблудшую овцу, которую Господь, взывав, воспринял на рамена Свои»³. Памятуя этот евангельский образ, в первые века христианства омофор «изготавливался только из овечьей шерсти и надевался архиерею на шею». Представляя собой в то время весьма простую белую шерстяную ленту, он мог иметь единственным украшением нашитые черные кресты.

Как и большинство составляющих архиерейских одежд, ко временам, когда христианская Церковь стала государственной,

¹ Житие преподобного Трифона Печенгского просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 105.

² Общее обозрение Кольского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18. С. 221. Все эти реликвии сгорели вместе с церковью в 1944 году в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции.

³ Исидор Пелусиот, преподобный. Письма. Часть I. Комиту Ермину. М., Тип. Готье. 1859. С. 91.

Византийский император в своей царской одежде имел особую широкую ленту – так называемый императорский «лор», или «лорум». Вручаемый Патриархам в качестве государевой награды, этот лор со временем превратился в современный архиерейский омофор

Патриаршей (позже Синодальной) ризнице в Москве до революции. Среди них были и те, что являли собой упомянутую «простую шерстяную полосу омофоров первых веков».

Так, в частности, «в казенной патриаршей палате» числился: «амофор камка белая, без крестов, ветх»². Этот омофор первоначально хранился в ризнице Патриарха Никона, поскольку «в 1655

¹ Пальмов Н.Н. Об омофоре, саккосе и митре... С. 380.

² Переписная Книга домово́й казны Патриарха Никона // Временник Московского Общества истории и древностей Российских. Кн. 15. М., 1852. С. 18.

омофор стал претерпевать значительные изменения. Дело в том, что византийские Государи в своих царских одеждах имели похожую на омофор деталь – так называемый императорский «лор». Он неизбежно стал входить в перечень «царских пожалований», которыми одаривали Патриархов византийские Императоры, таким образом делегируя им некие символы своих властных полномочий.

Незнакомое слово «лор» изначально означало «широкую пурпурную кайму, идущую по тунике сенаторов и консулов Рима. Затем она «отделилась» и стала консульской широкой повязкой вокруг шеи, спадавшей на грудь. В дальнейшем, уже как часть императорской одежды, этот лор стал украшаться драгоценными камнями и жемчугом. И вот в таком виде, украшенный крестами и бахромой, лор перешел к архиереям, заменив простую шерстяную полосу омофоров первых веков»¹.

О том, что этот длинный лентий-омофор являлся неперменным атрибутом архиерейской одежды с ранних веков христианства, могли свидетельствовать уникальные омофоры, сберегавшиеся в Патриаршей (позже Синодальной) ризнице в Москве до революции.

На картине «Первый Вселенский собор» достоверно показаны архиерейские омофоры первых веков – широкая белая шерстяная лента с крестами

году Никейский митрополит Григорий вместе с челобитной Царю Алексею Михайловичу привез в Москву омофор, что надевали отцы Первого Вселенского собора в Никее, где и прокляли Ария. По словам митрополита: «про тот омофор свидетельствуют Константинопольский и Иерусалимский Патриархи в своих грамотах»¹.

И действительно, в одной из этих грамот Иерусалимский Патриарх Паисий сообщал: «этот омофор, как значится в ризничной описи Никейской митрополии, принадлежал Святейшему Александру, Патриарху Александрийскому [точнее, святителю Александру, епископу Александрийскому – м. М.] на Соборе, где он сам возлагал его на себя и на прочих Святых отцов, утвердивших благочестивые догматы и проклявших безбожного Ария с его лжеучением»².

¹ Савва (Тихомиров), архиепископ. Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы... С. 24.

² Греческие дела Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Связка 33, № 24. Цит. по: Павел Николаевский, протоиерей. Новые данные

Омофор, ошибочно приписываемый святым отцам Первого Никейского собора. «По описям Патриаршей ризницы этот омофор известен был под именем омофора Шестого Вселенского собора»

Божья Матерь простирает архиерейский омофор. Мозаика Благовещенского кафедрального собора г. Харькова. По видению блаженного Андрея, Божья Матерь простирала Свой мафорий (плат, покров), но в российской традиции можно видеть изображение простертого архиерейского омофора

К сожалению, этот омофор не пережил богобоязненные времена. В современных описях кремлевского музея предлагают считать тем «древнейшим омофором из белой камки» некий другой старинный омофор¹. С этим согласится нельзя, поскольку в описи ризницы Никоновской домовою казны ясно указана максимальная простота этого богослужебного предмета: «без крестов и ветх». На омофоре же, предложенном в современной описи, мы видим, что здесь церковное швейное искусство было явлено в полной мере: «омофор на красной тафтяной подкладке, с малиновыми шелковыми кистями. На четырех крестах помещены изображения с греческими надписями: Рождество Христово, Крещение, Распятие и Воскресение»². Тем более что омофор этот давно атрибутирован: «По описям Патриаршей ризницы этот омофор известен был под именем омофора Шестого Вселенского собора»³.

Говоря об изначальной древности омофоров как неотъемлемого символа власти первых епископов, следует принять во внимание

для истории грамоты Константинопольского Патриарха. Паисия I к Московскому Патриарху Никону // Христианское чтение. 1881. № 11–12. С. 795. Прим. 1.

¹ Известный искусствовед А.И. Успенский еще в 30-е годы XX века, определил, что этот омофор изготовлен не ранее VIII века по Р.Х.

² Ионина Н.А. 100 Великих сокровищ. Изд. «Вече». М., 2009. С. 48.

³ Савва (Тихомиров), архиепископ. Указатель для обозрения Московской ризницы... С. 23.

и Церковное предание, которое отводит первому омофору особые обстоятельства появления. «По преданию, он соткан собственноручно Богородицею для Лазаря Праведного, тридцать лет епископствовавшего, после своего воскресения, в Китейском граде»¹. В Синаксаре о праведном Лазаре можно об этом прочесть: «яко его омофор Пречистая Божья Матерь, своим аготовльше руками, ему дарова»².

Удивительным образом, но для Русской Православной Церкви Имя Божьей Матери оказалось связанным с омофором еще и по другой причине – через праздник Ее Покрова. Как известно, этот праздник определен чудесными событиями конца IX века, происходившими в Византии, но при этом празднуется лишь на Руси. Интересно отметить, что в службе праздника на церковнославянском языке в качестве синонима слову «Покров» используются слово «омофоръ». И хотя, по видению блаженного Андрея, Божья Матерь простирала над миром Свой плат или покров, тем не менее, в российской иконографической традиции можно видеть, как Богородица простирает архиерейский омофор. Собственно, и в Акафисте Покрову Пресвятой Богородицы, написанном около 1846 года митрополитом Херсонским и Таврическим Иннокентием, в припеве закреплено именно такое понимание сути Покрова: «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякаго зла честным Твоим омофором».

Что касается канонических установлений по использованию омофора архиереями, то Константинопольский собор 869 года разрешил надевать императорский лор (ныне большой омофор) только некоторым из епископов и лишь в определенные праздничные

¹ Пальмов Н.Н. Об омофоре, саккосе и митре... С. 379.

² Синаксарь в Лазареву субботу. Собрание синаксарей Постной и Цветной Триоди.

В древнегреческой церковной традиции ширина омофора соответствовала иерархической высоте того или иного архиерея. В этом смысле объяснима небывалая ширина омофора на портрете Патриарха Никона. Худ. Д. Вухтерс, 1664 г.

дни. Более того, ширина омофора соответствовала иерархической высоте того или иного архиерея.

В течение первого тысячелетия до Великого раскола священные одежды на Востоке и Западе были практически идентичными. Но, как свидетельствуют сохранившиеся изображения святых отцов тех лет, если на Западе омофор оставался всегда узким, то на Востоке омофор довольно скоро стал шире и богаче, благодаря упомяннутым заботам византийских Императоров.

«Богато украшенные золотым, серебряным и шелковым шитьем, унизанные драгоценными камнями и крупным жемчугом: варзужским [из знаменитой реки на Кольском полуострове – м. М.], кафимским [с Черного моря, из Феодосии – м. М.], гурмыжским [из Персидского залива – м. М.], большие омофоры-лоры все-российских Патриархов сохраняются и донныне»¹.

Орарь и епитрахиль

Самый узнаваемый и неотъемлемый атрибут дьяконского служения – орарь (от лат. «oratio» – «молитва») – длинная узкая лента из дорогой церковной ткани. Что касается его происхождения, то, видимо, он унаследован Христианской Церковью от некоего лентиона (полотенца) из ветхозаветных синагог, возвышение которого служило знаком дружного возгласия «Аминь» при завершении чтения «закона и пророков». Так, собственно, и сейчас дьякон, возглашая моления, воздевает вверх конец ораря тремя пальцами правой руки.

На ораре положено иметь изображения семи крестов, равно как и на наградном двойном ораре. Архидиаконы и протодиаконы имеют особый двойной орарь («протодиаконский»), на котором уже должно быть девять крестов, а также вышито начало слов песни Серафимов: «Свят, Свят, Свят [Господь Саваоф!]» (Ис.6,3). Также есть традиция украшать его классическим орнаментом в виде виноградной лозы.

В чине Божественной литургии особо оговариваются моменты, когда дьякон должен целовать свой орарь. Так, после возгласа

На картине художника А.П. Рябушкина 1888 г. возглашающий дьякон изображен в непривычном облачении: очень короткие рукава стихаря, а также подрясник желтого цвета и необычного покроя

«Возлюбим друг друга...», дьяконы, так же, как и священники приветствуют друг друга «лобзанием мира»: «целуют каждый свой орарь на месте изображения на нем креста и друг друга в плечо, произнося: “Христос посреде нас”». Также и перед пением «Символа веры» дьякон «сделав крестное знамение, поклоняется», «целует орарий свой, идеже есть креста образ, и воздвиг мало десную руку, держа тремя персты орарий, глаголет: “Двери, двери, премудростию вонмем”»¹.

Что касается наиболее узнаваемой части одежды священника, то таковой следует признать епитрахиль. Происходит это название от греческих слов «ἐπί» – «на», и «τράχυλος» – шея, то есть «навыйник».

Сейчас уже мало кто задумывается, что орарь и епитрахиль, эти два предмета священных одежд, принадлежащие разным чинам клира, неразрывно связаны между собой. Об этом единстве напоминает нам преподобный Симеон Солунский, описывая, каким образом в древности на дьяконе, возводимом в священнический чин, появлялась иерейская епитрахиль: «Орарь, как известно, находится на левом плече дьякона. Архиерей при посвящении переносит задний конец ораря на правое плечо рукополагаемого; от чего оба конца ораря оказываются спереди, образуя епитрахиль, в знак сугубой благодати и больших обязанностей»². «Таким образом через возложение епитрахили архиерей как бы ставит рукополагаемого под ярмо»³. Отсюда и ее название.

¹ Чиновник архиерейского священнослужения. Кн. 1. М., Издание Московской Патриархии, 1982. С. 32.

² Гавриил (Голосов), архимандрит. Руководство по Литургике... С. 385.

³ Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 262.

¹ Пальмов Н. Об омофоре, саккосе и митре... С. 27.

Византийская епитрахиль XI–XII вв. из Патмосской ризницы. Представляет собой обычный дьяконский орарь, сложенный пополам особым образом

Знаменитый протодиакон Успенского храма Кремля отец Константин Розов (†1923 г.), нареченный «Великим архидиаконом»

Со временем для удобства оба конца ораря стали застегивать на пуговицы, а позже просто сшивали в нескольких местах, хотя при этом условные пуговицы так и остались. Таким образом, мы видим, что даже спустя столетия епитрахиль не перестает быть орарем, поэтому ее никогда не делают из цельного куска материи.

Кстати, у католиков концы ораря, называемого «стола», так и не сшили, и он висит на плечах пастора, как изначальный

орарь. Этот образ епитрахили, в виде висящего по краям одежды ораря, проступает в словах молитвы на облачение в епитрахиль: «Благословен Бог, изливаяй благодать свою на священники своя, яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы [края] одежды его» (Пс.132,2).

Следует отметить, что в настоящей практике наличие епитрахили является абсолютно обязательным условием для совершения богослужбных действий православным священником. Святитель Симеон при этом дает практический совет: «если настоит нужда отслужить какую-нибудь службу – молебен, или крещение, или

какое-либо другое из священнодействий, а епитрахили не имеется под рукой: то, чтобы не отложить дела, пусть иерей, благословив либо пояс, либо шнур, либо какую-нибудь тесьму, наденет ее вместо епитрахили и так совершит требу. После того он пусть уже не считает сей предмет простою вещью, и, если пригодно, пусть обратит на священное употребление, или же положит в особом месте, чтобы она уже не была вещью обыкновенною»¹.

Пояс и поручи

Прообразами многих предметов богослужебного облачения каждого члена клира являются одежды священников Ветхого Завета, а для архиереев – первосвященника. Мы помним, что Аарона в первосвященники избрал Сам Господь, повелев Моисею: «*возьми Аарона, брата твоего, и сынов его, от среды сынов Израилевых, чтоб он был священником Мне*» (Исх.28,1). Одним из элементов тех первых священных одежд Аарона был пояс, которым Моисей опоясал Аарона и его сыновей также по повелению Бога: «*И сделали для Аарона и для сыновей его... пояс из крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленной шерсти, узорчатой работы, как повелел Господь Моисею*» (Исх.39,29).

Что касается практического значения этого предмета одежды, то о нем напоминает авва Дорофей: «Пояс, который мы носим, есть символ того, что мы готовы на дело: ибо каждый, желающий что-либо сделать, сперва опоясывается и потом начинает дело, как и Господь повелел: «*да будут чресла ваша препоясана*» (Лк.12,35)»². Правда, указанная практическая необходимость перепоясаться, прежде чем приступить к труду, скорее, относится к свободным, разлетающимся одеждам жаркого юга и для северных стран не характерна.

¹ Симеон Фессалоникийский, блаженный. Ответы на некоторые вопросы... // Писания Св. Отцов и Учителей Церкви... С. 151.

² Авва Дорофей, преподобный. Душеполезные поучения и послания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2010. С. 40.

Первосвященник Аарон в облачении. «И сделали для Аарона и для сыновей его... пояс из крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червлёной шерсти, узорчатой работы, как повелел Господь Моисею» (Исх.39,29)

Надо отметить, что пояс как элемент одежды исключительно часто упоминается в Священном Писании, и в большинстве случаев в особом, мистическом значении.

Такое сакральное восприятие пояса нашло ясную преемственность среди постригальных иноческих одежд и в молитве, над ним творимой. В чине посвящения в монашество настоятель «взём же усмяный пояс глаголет: «Брат наш, *имярек*, препоясует бедра свои силою истины, во умерщвление тела и обновление духа, в бодрость же и опасство [*осмотрительность*]...», и препоясует им новоначального».

Упомянутый пояс монашеский «усмяный» означает пояс кожаный. Усма́ – выделанная кожа, которую размягчали специальным «квасом усмяным». Мы помним, что такой кожаный пояс носил Предтеча Господень: «*Сам же Иоанн имяше пояс усмен о чреслах своих*» (Мф.3,4). Сакральное значение кожаного пояса состоит

в понимании «мертвенности его кожи», воспринимаемой как «знамение умерщвления безсловесных похоти, якоже бо есть от мёртвого тела пояс, ситце и мы да уморим любострастие наше в нас»¹.

Традиция внешнего вида монашествующих, с этим обязательным ношением пояса, пришла к нам от пророков древности. Вспомним описание пророка Божия Илии: «*человек тот весь в волосах и кожаным поясом подпоясан по чреслам своим. Это – Илия Фесвитянин*» (4Цар.1,8).

Также особые указания относительно пояса получал от Бога пророк Иезекиль: «*пойди, купи себе льняной пояс и положи его на чресла твои*» (Иез.13,1). И именно через этот его пояс Господь являл пророку важные знамения и пророчества.

С наступлением Новозаветных времен кроме Предтечи Господня Иоанна, имевшего «*пояс кожаный на чреслах своих*», в Деяниях апостолов упоминается «*некто пророк, именем Агав*», который через «*пояс Павлов*» возвещал верующим, что «*говорит Дух Святой*» (Деян.21,10).

Также в последней Книге Нового Завета апостол Иоанн в Откровении видит Господа «*подобного Сыну Человеческому, облечённого в подир и по персям опоясанного золотым поясом*» (Откр.1,13). «*Золотыми поясами по персям своим опоясаны*» также были и «*семь Его Ангелов, имеющие семь язв*» (Откр.15,6).

В Священном Писании, можно сказать, рефреном звучит мысль о том, что одевание пояса с верою – это момент, когда «*Бог препоясует мя силою*». Потому при возложении пояса на Архидякона при его облачении звучит молитва: «*Благословен Бог, препоясуай тя силою...*».

¹ Киево-Печерский патерик. РНБ. Л. 28 об.

Иоанн Предтеча на картине худ. Т.И. Филатьева, конец XVII в. «*Сам же Иоанн имяше пояс усмен о чреслах своих*» (Мф.3,4)

Поручи митрополита Фотия (XV века) и Патриарха Филарета Никитича (нач. XVII века). Обращает внимание большая их длина по сравнению с современными образцами, а также изящество вышивки

Что касается поручей, обязательных для ношения священнослужителями, начиная с дьяконского чина, то и в них, как, впрочем, и в иных богослужебных предметах, при желании можно увидеть много чего символичного. Так, например, Симеон Солунский в духе аллегорических толкований александрийских отцов полагает, что «поручи означают Всесовершающую силу Божию, что выражается в молитве на облачение: «Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости» и «Руце Твои сотвористе мя и создасте мя». Также они еще указывают на то, что Христос Своими руками совершил Тайны, и что руки Его при страданиях были связаны»¹.

Безусловно, много какой возвышенной символики может нам открыться при благочестивых размышлениях о наших богослужебных одеждах. В то же время, нет сомнений, что не символы и аллегории стояли за теми или иными предметами одежды, а практическая польза и желание качественно исполнить священные обязанности.

Следует помнить, что все эти одеяния пришли к нам с жаркого юга, где носили легкую одежду свободного покроя. Потому при

¹ Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 106.

ответственных моментах совершения церковных Таинств требовалось приспособить как ее широкие рукава, так и свободные полы риз.

Среди многих исследователей бытует мнение, и, думается, оно справедливо, что поручи, как атрибут богослужебный и практически востребованный, восходят ко временам Апостольским.¹

Правда, есть иное утверждение XII века известного канониста и Патриарха Антиохийского Феодора Вальсамона о том, что «поручей и набедренников священнейшее облачение одним Архиереям усвоено, ибо они образ носят Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа»². Правда, следует заметить, что смысл приведенного аргумента не вполне ясен.

Набедренник и палица

Апостол Павел наставляет: «Достойно начальствующим пресвитерам оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (1Тим.5,17). Одним из первых таких наградных элементов богослужебной одежды, «достойных начальствующего пресвитера», является набедренник. Этот четырехугольный плат носится при богослужении на ленте через плечо у бедра справа. Символизм этого предмета достаточно нагляден – тот самый духовный меч, о котором пишет апостол Павел: «возьмите меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф.6,17).

Набедренник изначально назывался «подполок» – «подбой под полою кафтана». Следует сказать, что он является уникальной чисто русской иерархической наградой, и таковой нет ни в одной другой Поместной Церкви вне Московского Патриархата.

Факт появления этого атрибута в богослужебной одежде на Руси трудно объяснить. Не секрет, что Русская Церковь, в полной мере доверяя авторитету древнейших Восточных Церквей, всегда следовала в русле их традиций. Это в полной мере касалось

¹ См. Иннокентий (Смирнов), епископ. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества. В 2-х отд. Изд. седьмое. М., Синодальная типография. 1849.

² Феодор Вальсамон в 28 ответе к Александрийскому Патриарху Марку.

Икона «Три Святителя». Интересно отметить, что все архиерейские палицы представляют собой полноценные иконы

и вопросов, связанных с богослужебными облачениями. В одеждах Восточных Церквей с давних времен уже существовал тот самый «меч духовный» – который назывался палица (полиця) или епигонатий (греч. от «epi» – над, и «gonu» – колено).

С учетом сказанного, появление еще и «набедренника», как нашего местного нововведения, было весьма неожиданным. Исследователи истории церковных одежд в прежние времена порой вообще не различали эти два наименования богослужебной одежды: «Набедренник (ἐπιγονάτιον), который называется еще Палицею, есть собственно украшение и знак Архиерейской должности и власти»¹. Хотя очевидно, что палица – это ромб, подвешенный за один угол, а набедренник – четырехугольник, который крепится за два угла.

¹ Дмитриевский И. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии. [Репринт. воспроизведение изд. 1897 г.]. М., Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. См.: Феодор Валсамон в 28 ответе к Александрийскому Патриарху Марку: «Поручей и набедренников священнейшее облачение одним Архиереям усвоися (πεφιλότημηται)».

Мы уже упоминали, что впервые в официальном документе набедренник как предмет, отличный от палицы, отмечен «в 1561 году от Р.Х., в грамоте Преосвященного Макария, Митрополита Всероссийского». Этим документом повелевалось архимандритам Троице-Сергиевой обители отныне «служить с набедренником и полицей»¹.

В дальнейшем это право даровалось архимандритам разных монастырей, причем как с «одной полицией», так и с «полицией и набедренником». В этих различиях, как мы уже писали выше, проявлялись некие тонкие нюансы в статусе монастырей. При этом «большинство архимандритов русских монастырей, игумены и протопопы палицей не награждались, а служили с набедренником»².

Говоря о палице, следует заметить, что изначально название этого предмета одежды вовсе не было связано с одноименным боевым оружием. Такое произношение названия появилось совсем недавно. Исконным названием было – полиця, что, возможно, связано с ее схожестью с частью сохи – полицей, которая имела вид железной лопатки, служившей для отвала земли. Нынешнее название – палица – воспринимается вполне логично, представляясь неким вариантом «меча духовного».

В Средние века полиця-эпигонатий считалась принадлежностью одежды только лишь архиереев. Тогда этот ромбовидный плат воспринимали символом «полотенца», которым Господь «преоясился», прежде чем «начать умывать ноги учеником и отирати лентием, имже бе преоясан» (Ин.13,5). Это же значение «полицы», или «полиции», подчеркнул и Московский собор 1667 года, назвав

¹ История российской иерархии... 1807. Ч. 1. С. 357. Однако в подлинной грамоте, опубликованной в Ч. 2 этого исследования, набедренник не упоминается вовсе.

² Дмитриевский А.А. Историко-археологические сведения... С. 211.

На иллюстрации XIX века священник благословляет дьякона на облачение. Обращает на себя внимание длина набедренника священника

Палица из комплекта облачения Святейшего Патриарха Тихона (Белавина). Изготовлена в первой пол. XIX века

ее: «колен одежда, зовемый эпигонатий, являющий лентие, имже ноги Господь отре апостолам»¹.

Интересно, что «в древности при Патриархе было особое должностное лицо «заведывающий наколенником» (ὁ ἐπιτόων γονα/των), который торжественно приносил эту полицу, когда облачали Патриарха»². Можно предположить, что главной обязанностью этого «заведующего палицей» было все же нечто иное. По опыту архиерейского служения известно, что есть необходимость поддерживать этот свисающий плат во время земных поклонов архиерея, поскольку именно он больше всего их затрудняет.

«Посохи в руках ваших»

Посох, как и жезл, положенные архиерею по сану, справедливо называются «пастырскими», потому как изначально являют они собой атрибут не царской власти, а власти пастуха духовного, радеющего о своих словесных овцах. Посохи еще со времен Моисея являлись важным духовным символом, утвержденным Божьим повелением: «*пусть будут чресла ваши препоясаны, и посохи ваши в руках ваших*» (Исх.12,11). Позже посохи были благословлены Спасителем, став знаком апостольского достоинства – «*и заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха*» (Мк.6,8).

Образ пастыря духовных овец не раз возникает в Евангелии, как избранный Самим Иисусом Христом, назвавшим себя «*пастырем добрым*» (Ин.10,11). На древних изображениях Христа в образе Доброго Пастыря мы видим в руках Спасителя посох в виде Креста.

¹ История российской иерархии... 1807. Ч. 1. С. 324.

² Богословский энциклопедический словарь. В 12 томах. Под ред. проф. А.П. Лопухина. Пг., Т-во А.П. Лопухина, 1900–1911. Т. 5.

Со временем посох на изображениях Христа-Пастыря трансформировался в исторический пастуший посох с закругленной верхней частью. Мозаика XIX века «Христос Добрый Пастырь» на центральной кладбище г. Куфштайна, Австрия

Изначальная традиция изображения Христа как доброго Пастыря предполагала посох Его в виде Креста. Мозаика мавзолея Галлы Плацидии в Равенне, V век

Однако позже он трансформировался в исторический пастуший посох с закругленной верхней частью.

Пастуший посох, как длинная и прочная палка с крюком на одном конце и часто с заостренным другим древнейший предмет в истории человечества. Можно предположить, что первым его изготовил еще сын Адама «Авель, пастырь овец» (Быт.4,2).

Если посох представляет собой достаточно скромный атрибут и как символ архипастырской власти носит скорее утилитарный, практический характер, то жезл (древнее название «патерица») это уже неотъемлемая часть торжественного архиерейского богослужения. «Жезл, который держит архиерей, означает власть Духа,

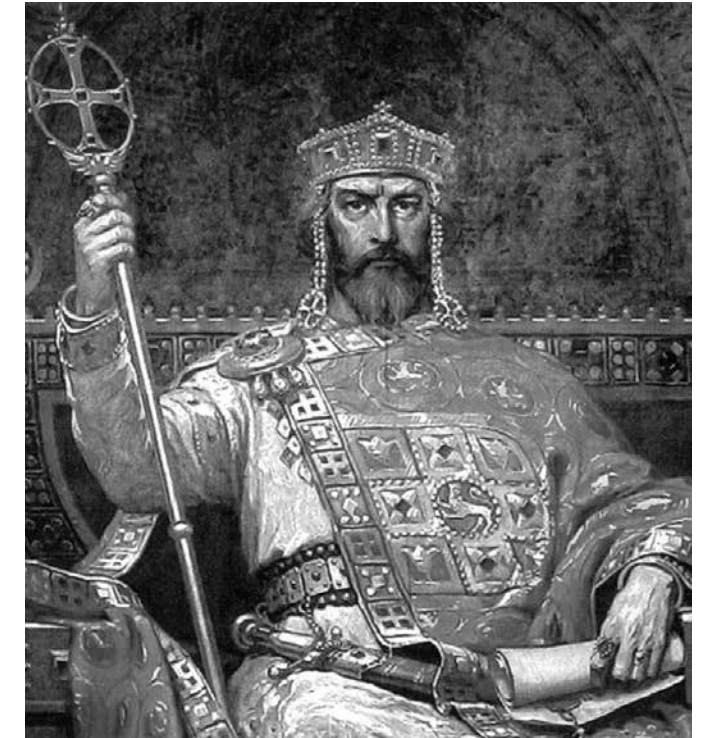
силу утверждения народа в вере, наставление пасомых душ, путеводительство верных, наказание непокорных, удержание при себе отдаляющихся (потому-то он имеет наверху наподобие якоря), силу отражать зверонравных и злонамеренных людей»¹.

Конечно, преемственность ветхозаветных образов в христианской богослужбной практике очевидна как в целом, так и в случае с архиерейскими жезлами. Знаменитая история с «прозябшим» жезлом Аарона придала этому предмету исключительное значение и обеспечила тщательное сбережение его в Скинии: «И сказал Господь Моисею: положи жезл Ааронов пред ковчегом откровения на сохранение, в знамение для непокорных» (Чис.17,10).

Отдавая должное духовной преемственности, нельзя вновь не вспомнить и о прямой связи архиерейских одежд и иной атрибутики с традициями византийской придворной жизни. Не миновало влияние царского двора и факт появления патриаршего жезла. Как писал современник в XII веке: «хотелось, чтобы

¹ Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 106.

В руке Царя Симеона I Великого (864–927) царский жезл (скипетр) в виде креста.
Худ. Д. Гюдженев, 1926 г.

Константинопольский Патриарх украсил себя знаками царского достоинства и ходил бы с царским скипетром»¹.

Это, казалось бы, странное пожелание уважаемого канониста проистекает из особенностей, присущих статусному церемониалу, усвоенному различным чинам византийского двора. Авторитет каждого чиновника и царедворца, его властные полномочия определялись видом и формой жезла, носимого в его руке. Градация этих жезлов, их формы и степень украшенности поражали разнообразием. И, конечно же, высшую степень государственной власти воплощал в себе драгоценный царский жезл – скипетр. Потому и о высшей степени духовной власти Патриарха должен был также свидетельствовать «царский скипетр» в его руке.

¹ Вальсамон Феодор, Патриарх Антиохийский. Изъяснение Священных и Божественных правил... Цит. по: Голубцов А.П. О происхождении, символическом значении и устройстве архиерейского посоха // Богословский вестник. 1909. Т. 2. № 6. С. 268.

Император Михаил VIII Палеолог с супругой и сыном (XIII век). У всех троих в руках скипетры (жезлы). Илл. из «Истории Византии» Ш. Дюканжа, XVII век

В Византии существовал особый порядок получения архипастырского жезла. При избрании Патриарха жезл новоизбранному святителю вручал лично Император, «как дар честнейший и как знак пастырской власти, как символ чести и для сообщения большей верности рукоположенному. Этим сам Император показывает всем, что и он почитает Патриарха пастырем, которого избрал Бог»¹.

Жезлы и посохи исторически имели также настоятели монастырей, которым они вручались при возведении их в сан игуменов. Так, согласно «Типикону, данному Царем Михаилом Палеологом между 1260 и 1281 годами монастырю св. Авксентия в Халкидоне

¹ Вальсамон Феодор, Патриарх Антиохийский. Изъяснение Священных и Божественных правил... С. 320.

Византийские Патриархи древности уже имели свои жезлы (патерицы)

На старинной иконе святитель Митрофан Воронежский изображен держащим необычный архиерейский жезл, как бы «примеряющий» обе ветви власти

На фрагменте миниатюры «Московский Собор 1504 года» из «Летописного свода» Царь Иван III держит жезл с перекладиной, с концами, загнутыми вверх, а святитель Геннадий Новгородский – вниз

Посох XI века святителя Никиты Затворника, епископа Новгородского

близ Константинополя»¹, было прописано, что настоятель обители по своем избрании жезл получает из рук самого Царя.

Жезл и посох на Руси

Русские архиереи с первых веков по принятии христианства использовали посох, являвшийся в то время одновременно и жезлом. Самый древний дошедший до нас образец – это посох XI века святителя Никиты Затворника, епископа Новгородского. Особенность его – прямая перекладина рукояти, без характерного изгиба.

Посохи всех последующих архиереев имели изгиб концов рукояти. Надо полагать, что этот вид архиерейского и игуменского

¹ Дмитриевский А.А. «Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви». Соч. проф. И. Мансветова // Христианское чтение. 1888. № 9–10. СПб. С. 775.

Деталь иконы XIV века «Предста Царица» из Успенского собора Кремля. Господь Вседержитель в образе «Царь царем» у колена держит именно царский посох – потому концы его рукояты изогнуты вверх

Посох митрополита Киевского и всея Руси Петра, нач. XIV века

посохов наиболее древний – то есть «Т-образный» с концами рукояты, немного опущенными вниз. Это то самое упомянутое «навершие, наподобие якоря».

Интересно, что «на миниатюрах Лицевого летописного свода отличие епископских посохов от княжеских и царских подчеркивается тем, что концы рукоятей первых изогнуты книзу, а вторых – кверху»¹.

Также на иконе XIV века «Предста Царица» из Успенского собора Кремля Господь Вседержитель в образе «Царь царем» держит именно царский посох, потому как концы его рукояты изогнуты вверх. Этот атрибут царской власти не единственный присутствующий

¹ Чернецов А.В. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики (так называемый «посох Никиты Новгородского») // Советская археология. 1991. Вып. 3. С. 88.

на иконе. На Спасителе также царский далматик («крещатый») и императорский лор. При этом сверху на лор возложен еще и архиерейский большой омофор, а на главе Спасителя митра-корона. Позже, в иных иконах этого образа, Господь чаще будет держать царский жезл иного вида – с навершием в виде креста.

На Руси посох как особый символ высшей духовной власти стал восприниматься с 1438 года. В этом году «первому на Москве поставленному русину митрополиту Ионе», «на плечо честный омофор и посох великий Митрополичий в руке его»¹ «был вручен в торжественной обстановке с особого рода речью, великим князем [Василий II Васильевич, Темный – м. М.]». Скорее всего, это был знаменитый «посох Первопрестольника Московского митрополита Петра, дававшийся при посвящениях последующим нашим Первосвятителям, иногда даже Царем, со словами: «Прими, Святейший отче, прежде бывших тебе святых митрополит жезл папства»².

У архиерейского жезла, используемого за богослужением (в отличие от игуменского), верхняя часть непременно должна быть увенчана крестом, закрепленным на шарообразном «яблоке» («шипке»). И в целом такие «яблоки» являлись особым признаком архиерейского жезла. Они присутствуют не только на рукояты, как основание для креста, но и как округлые утолщения на самом жезле или древке посоха. Правда, эти

Характерное утолщение на архиерейском посохе, называемое «яблоко»

Перемычки древка посоха бывают и плоские, в виде «обоймиц», разделяющих промежуточные «коленца»

¹ Полное Собрание русских летописей. Софийские летописи. Т. VI. СПб., Тип. Э. Праца. 1863. С. 167.

² Голубцов А.П. О происхождении, символическом значении... С. 272.

Посох Патриарха Никона часто имел форму креста, что следует мысли святителя Симеона Солунского: «Христос укрепил нас силою Креста, как жезлом». Также отметим некие поручи на руках, что довольно странно, поскольку они надеваются лишь при богослужении

перемычки дровца бывают и не шарообразные, а плоские, – так называемые «обоймицы», разделяющие «промежуточные коленца». (Формирование окончательного образа архиерейского жезла в Русской Церкви имело свою самобытную историю. Так, например, Патриарх Никон в вопросе вида посохов и жезлов вовсе не покорно следовал всему, что предлагала Греческая Церковь, и сохранившиеся изображения показывают многообразие бытовавших вариантов. Интересно, что посох Никона довольно часто имел форму креста, что, надо заметить, следует древней традиции и соответствует мысли святителя Симеона Солунского: «Христос укрепил нас силою Креста, как жезлом»¹).

Змеи кадуцея

Но все же в XVII веке российские архиерейские жезлы претерпели радикальное изменение – традиционную форму потеснила иная рукоять в виде глядящих друг на друга змей, между которыми располагался крест на «яблоке».

¹ Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 99.

Следует признать, что этот образ двух змей хорошо известен в античной культуре древних греков и римлян и использовался в змеевидном жезле Гермеса, который назывался «кадуцей». В Древнем Риме кадуцей считался также символом примирения, став потому неотъемлемой принадлежностью переговорщиков и послов. Кроме того, этот образ змеиного переплетения известен среди оккультных символов в значении – ключа к тайному знанию. С наступлением христианства греки, соответственным образом переосмыслив этот образ, восприняли его в своей богослужбной атрибутике.

Эти жезлы со змеями, воспринятые от греков в ходе реформы XVII века, стали едва ли ни самым весомым аргументом старообрядцев, «доказывающим» пришествие антихриста в лице Никона.

Следует согласиться, что этот змеиный образ представляется достаточно неожиданным в семиотике православного пространства. Отбрасывая апокалиптические аллюзии в оценке этого вида жезла, отсылка его противников к европейской готике представляется верной: «на своем скверном жезле антихристовы змии немецкою хитростию устроил»¹. Хорошо известно, насколько широко подобные образы именно в это время заполнили католическое пространство Европы в виде змей, драконов, химер, гаргулий и прочего.

Кадуцей – оккультный символ античных времен, жезл обвитый двумя обращенными друг на друга змеями, часто с крыльями на его наверху

На фрагменте портрета Патриарха Никона мы видим, как выглядел его жезл, на котором он, по словам старообрядцев, «антихристовы змии немецкою хитростию устроил»

¹ Печерский А. Очерки поповщины / Полн. собр. соч. СПб., 1898. Т. 13. С. 8.

Медный змей, вознесенный Моисеем для исцеления народа Израильского, служил прообразом Крестной Жертвы Спасителя

Утверждая это, нельзя не признать столь же очевидных и, безусловно, дорогих христианскому сердцу отсылок, как к вознесенной Моисеем медной змее, – этому прообразу Крестной Жертвы Спасителя, так и к тому чуду, когда «бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем» (Исх.7,10).

Справедливости ради следует признать, что эта форма архиерейского жезла появилась на Востоке достаточно давно. «В Греческом Большом Требнике [Евхологионе] сохранено изображение одного из Константинопольских Патриархов, живших в XIII веке, который держит в руке посох со змиями, загнутыми кверху»¹. Также и Патриарх Иоаким в своем труде «Увет духовный» указывает: «и прежде Никона zde были жезлы имущие подобие змиевых глав, и ныне суть в Патриаршей ризнице таковой жезл костяный весь резный Патриарха Филарета Никитича»².)

Мы видим также по портретам Никона, что тот вовсе не сразу «отметнул святой жезл Петра чудотворца» и принял новый вид своего посоха. Однако весьма скоро новый жезл столь решительно утвердился в качестве архиерейского, что предполагает наличие неких веских тому оснований в духовном плане. «Возможно, новый

¹ Савва (Тихомиров), архиепископ. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы... С. 31.

² Иоаким (Савелов), патриарх. Увет духовный, или опровержение челобитной соловецких раскольников, поданной Царю Алексею Михайловичу. М., 1682. Л. 226.

патриарший посох [с двуглавыми змеями – м. М.] должен был служить в духовной среде своего рода аналогом государственного символа [двуглавого орла – м. М.], подобно царской короне, появившейся в качестве дополнения к патриаршей митре и обозначавшей царственное достоинство Христа-Архиерея, воплощением которого, по мнению Патриарха Никона, служило первое духовное лицо государства»¹.

Надо заметить, что в те времена наименования «жезл» и «посох» весьма часто были взаимозаменяемы. Посох архиереи использовали во внебогослужебное время, но он, по сути, считался тем же жезлом, правда, не столь изысканной формы и украшенности. Рукоять посоха традиционно завершается утолщением (набалдашником).

Интересно, что «в XVIII столетии у русских архиереев в обращении были некие «панихидные» посохи», то есть траурные, черные»². Видимо, они использовались как в поминальные дни, так и в периоды постов.

Однако со временем «статус» этих двух предметов претерпел изменение, и правила использования жезлов и посохов в наше время принципиально различны. Во-первых, исторически сложилось так, что на территории Святейшего Патриарха прочие архиереи ни жезла, ни посоха не используют. Во-вторых, вне этой Первосвятительской территории при соборном архиерейском богослужении жезл могут использовать двое – «первенствующий иерарх и епархиальный архиерей». Что же касается условий использования посоха вне

Патриаршая митра-корона по подобию царского головного убора имела зубчатый венец, как правило, из 12 лепестков, поскольку, по мнению Патриарха Никона, первое духовное лицо государства воплощает собой царственное достоинство Христа-Архиерея

¹ Щедрина К.А. Две змеи на архиерейском посохе XVII века: заметки о происхождении и символике // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. Сб. статей. М., Изд-во Московской Патриархии, Изд-во «Древлехранилище», 2005. С. 324.

² Описание дел и документов, хранящихся в архиве Св. Синода. Т. 1. С. 49, 167.

Патриаршей канонической территории, то было принято решение оставить этот вопрос на усмотрение самих архиереев – «вне богослужений каждый архиерей может использовать посох»¹.

Тайны сулка

Святитель Тихон Задонский на иконе нач. XIX века держит свой жезл через сулок

Архипастырский жезл, в отличие от игуменского, имеет, кроме упомянутого нами креста, еще и так называемый сулок – привязанный под рукоятью плат в цвет архиерейского облачения. Подобного предмета Восточные Церкви не знают. Полагают, что это новшество появилось «у нас на Севере приблизительно с половины XVII века с привешиванием четырехугольного в двое сложенного своего рода плата»².

Следует согласиться, что основанием для его появления могли послужить суровые условия служения на Севере Руси: «Держание металлического жезла в руках при сильных морозах составляет тяжелый подвиг... Двойной состав сулка имеет целью защитить нижним платком руку от прикосновения к холодному металлу, а верхним прикрыть ее от внешнего холода»³. Эта практическая сторона применения сулка привела к тому, что в Русской Церкви со второй половины XVIII

¹ Положение о богослужебно-иерархических наградах Русской Православной Церкви. Принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2011 года.

² Голубцов А.П. О происхождении, символическом значении... С. 275.

³ Дмитриевский А.А. Ставленник: Руководство для священно-церковно-служителей. Киев, Тип. Имп. Ун-та Св. Владимира, 1904. С. 148. Прим. 2.

столетия жезл с сулком весьма часто стал вручаться и архимандритам¹.

Однако упомянутая нами практическая польза сулка вовсе не исчерпывает более глубоких, духовно-религиозных причин введения в обиход этого предмета. Разбирая предысторию этого вопроса, упомянем, что еще в XVI веке «Иерусалимские Патриархи Софроний и Герман говорили о том, что священнослужители их времен всегда носят за поясом полотенца»². При этом не вполне ясно, какова была необходимость иметь под рукой некие полотенца?

«С развитием иератизма³ [от греч. *hieratikos* – «священный» – м. М.], – объясняет один из исследователей этого вопроса в начале XX века, – в церковно-богослужебной обрядности этими убрусами стали пользоваться как специальными покровцами в тех случаях, когда приходилось брать в руки какой-либо священный предмет. Касаться обнаженными руками святыни считалась непристойным. Именно потому на древних изображениях – иконах, фресках, мозаиках, как святители, так и пресвитеры концом фелони, омофора, епитрахили или убрусцем поддерживают Евангелие, крест, икону. Диакон также ручными платами придерживают свои ладанницы и сионы»⁴. Следует признать, что упомянутое чувство «иератизма» в наше время весьма ослабло. Отголоском тех благочестивых традиций, осталось, пожалуй, лишь полотенце под иконой на Крестных ходах. И то, если икону эту доверили нести мирянину.

На рисунке начала XIX века монах икону держит через полотенце

¹ См. История российской иерархии... 1807. Ч. 1. С. 372, 374, 380.

² Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., Тип. Г. Трусова, 1855–1857. Т.1. С. 368–369.

³ Иератизм (от греч. *hieratikos* – священный) – в данном случае традиции в искусстве, обрядах, нормах поведения, обусловленные не столько каноническими требованиями, сколько религиозным чувством.

⁴ Голубцов А.П. О происхождении, символическом значении... С. 276.

На портрете кон. XVIII века митрополита Гавриила (Бăнулеску-Бодони), экзарха Молдо-Валахии – архиепископа Кишиневского, мы видим, что жезл, весьма необычного вида, он держит через сулок. Обращает на себя внимание также новая форма клобука – суженная сверху

Следует подчеркнуть, что само название «сулок», или «сулог», вовсе не связано с жезлом, а есть синоним небольшого покрывальца, плата. Таковые и ныне положено стелить, например, на поднос с крестом: «По прочтении поучения подносит ключарь ко святителю благословящий крест на блюде с сулогом» или «в то время приносит ко святителю протодьякон из олтаря на блюде Chesный крест с сулогом»¹. Крест для целования также полагалось держать через сулок.

Именно такой убрусец-сулог можно увидеть на древних миниатюрах и иконах, наброшенным на возглавие и рукоять архиерейских и игуменских посохов². Но первенство во внедрении такой формы воздания сугубой почести жезлам и посохам принадлежит уже не северным, а южнорусским святителям.

В этом же ключе находит объяснение и известная южная традиция привешивания вышитых лент к архиерейским трикирию и дикирию.

¹ Голубцов Александр. Чиновник новгородского Софийского собора. М., Университетская тип., 1899. С. 164, 190.

² См. Голубинский Е.Е. Археологический атлас ко второй половине 1 тома «Истории русской церкви». Изд. Имп. Общ. истории и древностей российских при Московском Университете. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906.

На портрете митрополита Московского Платона (Левшина) кон. XVIII века мы видим, что архиерей не пользуется сулком. Также можно увидеть необычно большой крест на клобуке, сужающемся кверху. Мантию митрополит, как тогда и было положено, носит «багряновидную» и скривали «червлено-атласные»

Исходя из этих духовных смыслов, архиерей должен держать свой посох рукой поверх сулка, как, собственно, его держат святители древности на многих иконах.

Таким образом, становится понятным установившееся право служения без сулка Святейшим Патриархом Московским и всея Руси, как имеющим сугубую благодать избранничества, что позволяет Первосвятителю прикасаться к святыне непосредственно руками. Равным образом, лишь он может входить с жезлом в алтарь через Царские врата.

Как повелось с древности, так и поныне «митрополиты, архиепископы и епископы лишаемы были жезловозношения в тех случаях, когда им приходилось быть в Москве и сослужить Патриарху»¹.

В заключение заметим, что по церковным канонам ни епископам, ни иным священнослужителям не престало украшать себя дорогими изысканными предметами и одеждами в повседневном пользовании. Потому лишь за богослужением, там, где архиерей являет людям образ славы Небесного Царя, ризы его исполнены великолепия и в руках его оказывается столь благоукрашенный жезл.

¹ Деяния Московского Собора 1674 года. Цит. по: Голубцов А.П. О происхождении, символическом значении... С. 274.

Панагия

Слово «Панагия» – греческое (*παναγία*), в переводе означает «Все-святая», что является одним из многочисленных возвышенных эпитетов Пресвятой Богородицы.

В наше время панагия, эта небольшая иконка-медальон, является самым узнаваемым знаком отличия архиерейского сана, хотя при этом имеет чрезвычайно долгую историю формирования ее в этом качестве.

Первоисточник этого знака архиерейского достоинства обретается в Таинстве Евхаристии. Панагией называется Святой Хлеб (Богородичная просфора), возносимая особым «Чин о Панагии»¹, с призыванием чудного Имени Пресвятой Царицы нашей Богородицы. Как объясняют святые отцы, «святим Апостолам благоугодно было по некоему подобию Святых Христовых Тайн избрать другой Хлеб для Матери Господа, и в Ее воспоминание предлагать и вкушать, подобно тому, как то делается в воспоминание Господа»².

По словам святителя Симеона (XV в.), это действие положено совершать, отслужив Литургию, «по преимуществу в конце братской трапезы, во освящение братии, в запечатление пищи, и главное во славу Богоматери, Которая родила нам Хлеб Небесный, Живо, всегда Пребывающий и Питающий наши души»³.

«Впрочем не только за монастырскими трапезами, но и за столами Византийских императоров отправлялся Чин Панагии, о чем свидетельствует греческий писатель XV века Георгий Кодин, присовокупляя, что обряд этот совершался и народом в церквях и домах. Заветный сей обряд совершался также при торжественных столах у Московских Государей и Патриархов»⁴.

¹ О возвышении панагии // Псалтирь следованная. Ч. 2. Л. 136.

² Марк Евгеник, митрополит Ефесский. Изъяснение Церковного последования // Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Тип. Г. Трусова, СПб., 1857. С. 275.

³ Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 575.

⁴ Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. М., Тип. Августа Семёна, 1849. Отд. 1. С. 169.

В средневековой России (XIV–XVI вв.) существовали довольно большие двусторчатые «путные» панагии, в которые вкладывалась Богородичная просфора и которые брали в дорогу, подвешивая на груди

Неким отголоском этого чина служит поднесение архиерею в конце Литургии части Богородичной просфоры с вином и теплотой, что в обиходе стали называть не слишком удачно – «запивкой». Следует понимать, что здесь присутствует элемент чина «О возвышении Панагии» (Псалтирь следованная, ч. 2), и было бы уместно прежде потребления возвысить эту часть просфоры с молитвой: «Пресвятая Богородице, помогай нам!».

Совершая «Чин о Панагии», из храма в монастырскую трапезную или на «торжественный стол» Богородичная просфора должна переноситься в специальном ковчеге-хранилище – весьма схожим по названию с Панагией – в Панагиаре.

Эту неразрывную связь архиерейской панагии с Богородичной просфорой подтверждает хранившаяся в ризнице Патриарха Никона «панагия серебряная походная, на чем вынимают хлеб Богородичен»¹. Панагия такого типа – не единственная имевшая упомянутое дополнительное практическое применение, среди многих панагий в ризнице Патриарха.

Что касается самых ранних истоков происхождения архиерейской панагии, как, впрочем, и крестов-энколпионов (нандреников), то они связаны с традицией практически ежедневного принятия Святых Христовых Тайн христианами первых веков².

¹ Переписная Книга домовою казны Патриарха Никона // Временник Московского Общества истории и древностей Российских. Кн. 15. М., 1852. С. 4.

² См.: Правила Лаодикийского собора // Книга Правил. Изд. Синодальной типографии. М., 1893. С. 170.

Праздничный выход братии из церкви в трапезу с Преподобным

На фото конца XIX века братия и паломники участвуют в «Чине о Панагии» после Литургии в Валаамском монастыре

И такой порядок причащения сохранялся где-то до конца IV века: «У верующих существует обыкновение принимать Тело Христово когда бы то ни было, – пишет в IV–V веках блаженный Иероним Стридонский, – этого я не порицаю и не одобряю: *«кийждо своею мыслию да известуется»* (Рим.14,5)»¹.

В этой ситуации, конечно же, принимались необходимые меры для сбережения Святых Христовых Тайн и защиты их от поругания. В результате в практику были введены энколпионы или энколпии, по-гречески (ἐγκόλλιον) – наперсники, нанедренники, прообразы нынешних панагий и крестов-мощевиков.

Древние кресты-энколпионы (др.-греч. ἐν-κόλλιос – нанедренник, наперсник)

Они представляли собой носимые «на персях» небольшие ковчегцы с монограммой Христа, с изображением Спасителя, Божьей Матери или святых, внутри которых помещались частицы Тела Христова, напитанные Его Кровью.

В Патриаршей ризнице Московского Кремля во множестве хранились такие древние панагии-ковчегцы, предназначенные для хранения Святых Даров. В описях они назывались «походные», или «пут-

¹ Иероним Стридонский, блаженный. Творения. Киев, 1879. Ч. 2. С. 38.

Складная панагия, так называемая «походная», или «путная»

ные», в отличие от иных привычного нам вида, называвшихся «наперсными».

Об этом обычае брать с собой в дальний путь Святые Дары свидетельствует, например, русская летопись XIII века: «Великий же князь Михайло и боярин его Феодор благословистася у отца своего духовного, и тако отец их духовный даст им Причастие на путь (рекше Преждеосвященное), и благослови я, и отпусти»¹.

Впоследствии, с упразднением возможности самостоятельного Причащения, большое распространение получило хранение в таких энколпионах частиц мощей святых. Под названием наперсных крестов-мощевиков эти нанедренники сохранилось до наших дней.

Самостоятельное Причащение было окончательно запрещено лишь в VII веке Шестым Вселенским собором: «Никто из состоящих в разряде мирян да не препода-

Панагия Святителя Иова, первого Русского Патриарха (1589–1607 гг.). Подарена Царем Федором Ивановичем и Царицей Ириной Годуновой в день поставления на Патриаршество. «Патриаршие палаты». Музей прикладного искусства и быта России XVII века, Москва

¹ Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. Издал Павел Строев. М., Тип. С. Селивановскаго, 1820-1821. Т. 1. С. 262.

На портрете Царя Алексея Михайловича особое внимание привлекает большой крест-энколпион как обязательный элемент царского облачения

ет себе Божественные Тайны»¹. Таким образом, утратив значение хранилища Святых Христовых Тайн, энколпионы в виде креста или небольшого ковчежца-иконки служили либо мощевиками, либо просто остались в христианском быту в качестве некоего благочестивого символа.

Позже драгоценные энколпионы, как в виде креста, так и панагии, стали приобретать значение знаков отличия сана епископов. И опять же, этот атрибут архиерейского достоинства не обошел прямой связи с царской властью, поскольку считалось, что такие кресты-энколпионы являются обязательной принадлежностью императорского облачения в Византии. Правда, сохранившиеся исторические изображения этого не подтверждают.

У греков существовала традиция, сопряженная с возведением Патриарха на Престол, согласно которой «царь, прежде чем увидеться с избранным Патриархом, выражает ему свое благорасположение, посылая мантию и энклопий – крест или панагию, которые являются как бы залогом, который он хранит как слуга и страж Церкви»².

На Руси при избрании Патриарха панагии-энклопиону также отводилась особая роль. После того, как один из жребиев кандидатов на Первосвятительский Престол извлекался из панагариия и возглашалось имя нового Патриарха, этот жребий укладывался в особую панагию. Так, при избрании Патриарха Иосифа на «сребропозлащенной осьмиугольной панагии, обведенной вокруг ниткой жемчуга, была сделана надпись: “зри 7150 по Благо-

¹ Правило 58, Шестого Вселенского собора // Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 546.

² Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 320.

На портрете Царя Федора Алексеевича мы видим тот же ранее принадлежавший его отцу большой крест-энколпион

Панагия из чистого золота, принадлежавшая «всероссийскому митрополиту Иоасафу» (†1543 г.), считалась самой выдающейся по своим размерам и весу. До революции сберегалась в Патриаршей ризнице

дати Святаго Духа в сем ковчежце избранный жребий Святейшего Иосифа Патриарха Московского и всея Руси»¹.

Кресты-энклопии являлись обязательными для ношения и Российскими Царями, вплоть до Петра I, который первым перестал его носить². Оно и понятно, поскольку европейский камзол плохо сочетался с прежними атрибутами власти и благочестия царя-батьюшки.

Где-то к концу XVII века панагии почти полностью утратили вид ковчежцев и приобрели современную форму небольших, обычно круглых иконок-медальонов с образом Божией Матери.

¹ Савва (Тихомиров), архиепископ. Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы... С. 10.

² Сохранился царский наперсный крест-энколпион (мощевик), изготовленный в 1710 году и принадлежавший Св. Царю Николаю II. Ныне он хранится в монастыре Свв. Царственных Страстотерпцев в Ганиной Яме.

На старинных изображениях митрополита Киевского Петра Могилы видим, что право ношения второй панагии им реализовывалось в ношении панагии и креста

Надо отметить, что дореволюционные архиереи панагии на богослужбные облачения подчас возлагали с правой стороны. Портрет святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. Сер. XIX века

С 1742 года панагии окончательно заняли место на груди архиереев вместо прежних наперсных архиерейских крестов.

Самая выдающаяся по своим размерам, весу и богатству панагия принадлежала «всероссийскому митрополиту Иоасафу» (†1543 г.) и хранилась в Патриаршей ризнице. Изготовленная из чистого золота, украшенная жемчугом и драгоценными камнями панагия «имела весу 2 фута и 72 золотника», то есть около одного килограмма. «Мерою она в длину 4 с половиной вершка (порядка 20 см), в ширину 2 с половиной вершка (11 см)».

На сегодня утвердившаяся как знак архипастырского достоинства панагия носится поверх священнических одежд архиерея. Кроме того, в паре с наперсным крестом с украшениями входит в состав архиерейских богослужбных одежд.

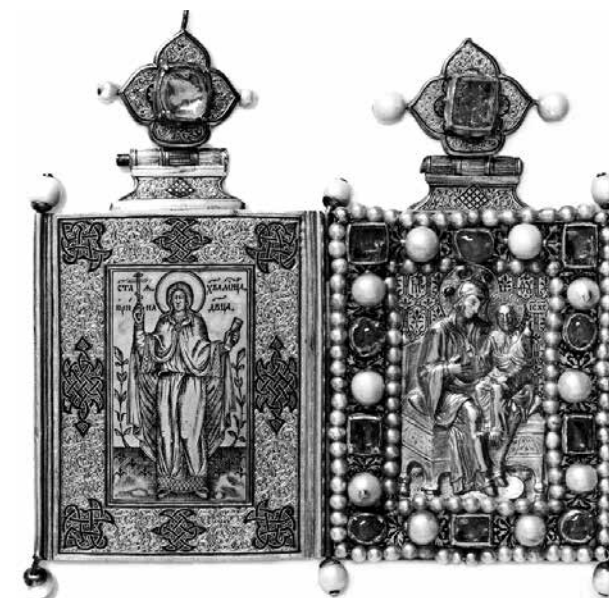
В наше время существует право ношения и второй панагии, которое усвоено по статусу Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси и Блаженнейшему митрополиту Киевскому и всея Украины.

Кроме того, по решению Патриарха за особые заслуги и в пределах своего канонического удела такой чести может быть удостоен любой иерарх Русской Православной Церкви. На практике это право чаще всего усваивается архиереям, возглавляющим канонические территории РПЦ в зарубежных странах.

При облачении архиерея для совершения богослужения панагия возлагается на груди слева, у сердца, при чтении молитвы: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс.50,12). Как о том говорит святитель Симеон Солунский: «для того и возлагается на груди, чтобы свидетельствовать об исповедании веры всем сердцем»¹. При этом отметим, что дореволюционные архиереи на богослужениях подчас панагии размещали с правой стороны.

Наперсный крест

В древности ношение наперсных крестов мирянами было столь же привычно, как и ношение нательных. В Московской Руси их носила

Панагия-энколпион – дар Царя Феодора Иоанновича Царице Ирине Федоровне в 1588 году. На лицевой стороне рельефная икона Божьей Матери, на тыльной – гравированная икона св. мученицы Ирины

¹ Симеон Солунский, святитель. Премудрость нашего спасения. М., «Благовест», 2010. С. 105.

Портрет святителя Илариона Суздальского, XVIII век. Обращает внимание ношение креста слева, а пангии справа, хотя молитва при возложении пангии говорит о «сердце»: «Сердце чисто созиждет в тебе Бог...». Также видим большое количество вышитых текстов на ометах одежды и полноценную икону Воскресения на палице

не только знать, но и простолюдины, как мужчины, так и женщины.

Однако к началу XIX века эта традиция настолько забылась, что воспринималась уже как диковинка. Так, один из исследователей Крайнего Севера, обнаружив эту сохранившуюся традицию среди коренного народа Кольского полуострова – лопарей, воспринимает обычай носить лопарскими женщинами кресты поверх одежды как нечто недопустимое: «тщеславясь одна перед другою большим блеском и величиною крестов, они превращают этот священный символ нашего спасения в пустую игрушку»¹.

Хотя даже русский свадебный обряд, например, предполагал, что «свекор сыну своему да снохе своей даст в свое благословение образа, или кресты, или пангии..., так же и свекровь, и боярыни поздравляют и благословляют крестами или пангиями и перстнями, а в то время готовят напитки»².

Но что удивительно, при этом среди лиц духовного сословия носить наперсный крест или пангию разрешалось только епископам. При этом либо то, либо другое. Право ношения двух энколпиев (то есть креста и пангии) на повседневном облачении специально оговаривалось постановлением Собора 1675 года. Эти два энколпия, помимо Патриарха, дозволялось носить лишь трем митрополитам: Киевскому, Новгородскому и Казанскому.

Таким образом, до XVIII века среди лиц священного сана право носить кресты поверх одежды имели только архиереи.

¹ Верещагин В.П. Очерки Архангельской губернии. СПб., Тип. Якова Трея, 1849. С. 89.

² Дмитриев Л.А., Лихачев Д.С. Памятники литературы Древней Руси. Вып. 7. Середина XVI в. М., Изд. «Художественная Литература», 1985. С. 191.

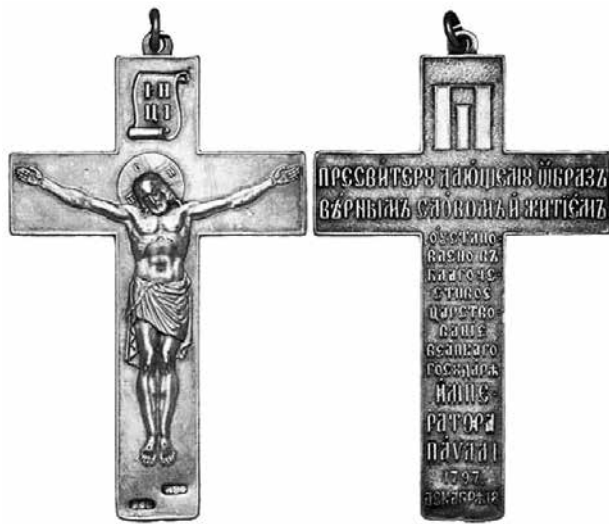
Крест священника

Право повседневного ношения креста каждым священником с момента его рукоположения было даровано лишь в 1896 году Св. Императором Николаем II, ко дню Его Священного Коронования. Стопятидесятиграммовый серебряный крест с цепочкой перестал быть наградным. Таковым он остается и поныне, возлагаемый на перси каждому, кто возводится в сан иерея.

На оборотной стороне «Николаевского» креста было написано: «*Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою*» (1Тим.4,12). Лета 1896, мая 14 дня».

Стопятидесятиграммовый серебряный наперсный крест с цепочкой. Право его ношения было даровано Императором Николаем II в 1896 году каждому священнику при возведении в сан

Императорский «золотой» (позже Синодальный) наградной наперсный крест, утвержденный Павлом I в 1797 году, имел статус церковного ордена и являл «знак монаршей милости»

Этот крест появился спустя сто лет, можно сказать, в развитие указа Павла I от 1797 года об Императорском (позже Синодальном) наградном «золотом» кресте. Наградной наперсный крест имел статус церковного ордена и являл «знак монаршей милости»: «дабы священники могли за отличные заслуги удостоиться и особливых почестей, определяем в пользу белого священства получение креста для ношения на цепи на шее»¹.

«Павловский крест» также был из серебра, но с позолотой, четырехконечный, с удлинненным нижним концом. С лицевой стороны имел рельефное изображение Распятия, а с внутренней стороны монограмму Павла I и надпись: «Пресвитеру, дающему образ верным словом и житием. Установлено в благочестивое царствование Великаго Государя Императора Павла I, 1797. Декабря 18».

Ныне этот крест по виду и форме возрожден в качестве богослужебно-иерархической награды, вручаемой от правящего архиерея как «право ношения наперсного креста золотого цвета».

У католиков такой крест могут носить только архиереи и иногда аббаты и аббатисы монастырей.

Вообще первый в церковной истории прецедент вручения наперсного креста представителю «белого» духовенства случился

¹ Указ Императора Павла I Святейшему Синоду от 18 декабря 1797 года.

Портрет протопопа Федора Дубянского, духовника императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Худ. А. Антропов, 1761 год. На роскошной рясе богато украшенный наперсный крест. При этом священник держит архиерейский посох

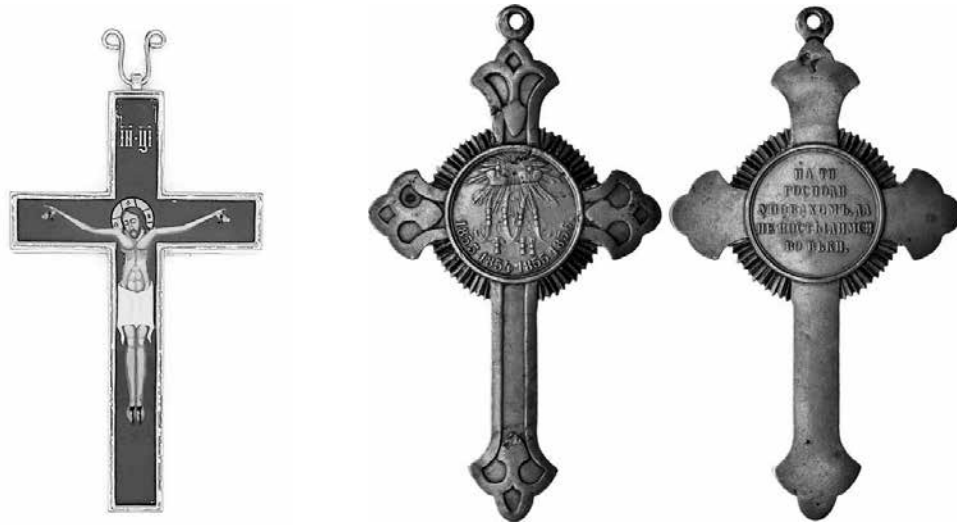
Портрет протопопа Федора Дубянского, гравированная копия с прижизненного портрета, кон. XVIII в. Мы видим, что монаршая милость простиралась на нем еще дальше – на священнике архиерейская панагия

в 1742 году. «Императрица Елизавета Петровна, как известно, отличалась набожностью и щедро награждала своего духовника»¹. Речь идет о придворном протопопе Феодоре Дубянском, награжденном ею богато украшенным наперсным крестом. Вскоре, в том же 1742 году, Елизавета Петровна повелела носить наперсный крест всем архимандритам, дабы отличать их от игуменов². Именно это нововведение послужило поводом к прекращению ношения наперсных крестов архиереями и окончательному утверждению панагии как знака архиерейского достоинства³.

¹ Половцов А.А. Русский биографический словарь. Т. VI. СПб., Тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. С. 715.

² Дмитриевский А. Ставленник: руководство для священно-церковнослужителей... Киев, 1903. С. 119–120.

³ См.: Капков К.Г. Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М., «Летопись», 2012. С. 124.

Наперсный крест голубой эмали, так называемый «докторский». Полагался докторам богословия, и «первое его присуждение состоялось к лету 1814 года»¹

Наперсным крестом «В память о Крымской войне 1853–1856 годов» награждались все чины православного российского духовенства независимо от близости служения к местам боевых действий. Этот крест из темной бронзы носился на ленте ордена Св. Князя Владимира

Вследствие проводимой в России реформы богословского образования, в 1808 году появились «академические кресты». Голубой эмали наперсный, так называемый «докторский» крест полагался докторам богословия, и «первое их присуждение состоялось к лету 1814 года»¹. Спустя 70 лет, «в новом Уставе 1884 года было установлено правило выдачи Святейшим Синодом кандидатских (серебряных) и магистерских (золотых) знаков, носимых на цепочке и прикрепляемых к петлице на рясе»².

Особым образом были отмечены военные события XIX века. Так, в память об Отечественной войне 1812 года наградные наперсные кресты из темной бронзы полагались представителям духовенства, которые «священнодействовали при тех ратных собы-

тиях». Кресты вручали «в знак благословения к вере и любви к Отечеству, дабы носили на персях своих, начиная от Верховного пастыря включительно до священника»¹.

В середине XIX века был отчеканен наперсный крест «В память о Крымской войне 1853–1856 годов». Им награждались все чины православного российского духовенства независимо от близости служения к местам боевых действий. Этот крест из темной бронзы носился на ленте ордена Св. Князя Владимира.

Интересна история так называемого «Кабинетного креста», который появился в 1820 году. Он представлял собой наперсный крест из чистого золота, с непременным увенчанием его изображением короны Российской империи.

Крест этот «из Кабинета Его Императорского Величества» вручался священникам, служащим на приходах русских церквей за границей. Выдавался он лишь на время служения: «для приличия их сану» и для «отличия в одеянии от жидов там, где оные в большом числе живут»². Впрочем, в случае семи лет «беспорочного служения за границей» этот золотой крест мог быть оставлен владельцу как награда. «Кабинетный крест» также мог вручаться особо заслуженным батюшкам, часто из придворного духовенства, но не только. К примеру, им был награжден святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Были и иные прецеденты награждений золотыми «Кабинетными крестами». Так, в 1856 году из Кабинета Е.И.В. было выдано министру Иностранных дел шесть золотых наперсных крестов

Так называемый «Кабинетный крест» из чистого золота утвержден в 1820 году. Непременным его отличием являлась корона Российской империи наверху креста. В наше время его облик воспринял наградной «крест с украшениями»

¹ Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М., Изд. ПСТГУ, 2009. С. 63.

² Сухова Н.Ю. Система научно-богословской аттестации... С. 71.

¹ Полное собрание Законов Российской империи. Изд. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1830. Т. 32. С. 908.

² Капков К.Г. Священники – кавалеры... С. 125.

Патриарший крест образца 1997 года. Награждение производится в исключительных случаях, за особые церковные заслуги, по воле и указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, независимо от выслуги лет и предшествующих наград

чительных случаях, за особые церковные заслуги, по воле и указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, независимо от выслуги лет и предшествующих наград. Благословляется ношение этого креста вместе с крестом, уже имеющимся на момент награждения.

Что касается архиереев, то они крест с украшениями носят вместе с панагией, с правой стороны, в качестве обязательного элемента богослужебного облачения.

с надписью «За любовь веры и отечества»¹. Данная награда предназначалась балканским священникам, поддержавшим Россию в войне с Турцией.

Что касается хорошо известных в наше время «крестов с украшениями», то до революции их разрешалось носить лишь тем священникам, кто уже имел награду – золотой «Кабинетный крест». Такие драгоценно украшенные кресты позволялось принимать как знак расположения и благодарности от благочестивых жертвователей.

После революции 1917 года понятие «Кабинетный» крест упразднилось и остался лишь крест с украшениями, который сейчас порой имеет все признаки «Кабинетного», будучи украшенным Царской короной. Правда, изготовить его из чистого золота мало кто может себе позволить. В наше время «право ношения наперсного креста с украшениями» даруется священникам Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

Самая высшая степень награды крестом усваивается так называемому Патриаршему кресту. Награждение производится в исклю-

Крест и крестоношение

Надо признать, что в христианской среде существует стойкое убеждение недопустимости снятия нательного креста. На Руси даже существовало понятие «баный крест». Такие деревянные банные кресты на веревочке всегда висели в предбанниках русских бань. Их надевали вместо своих крестиков, прежде чем войти в парилку, поскольку металлический крестик, да еще с цепочкой, мог причинить серьезный ожог.

Столь же трепетное отношение существует у русских монахов к своим параманным крестам, надеваемым при монашеском постриге.

В то же время, почему-то отношение к священническому кресту на сегодняшний день сложилось несколько иное. Считается хорошим тоном снимать свой крест как можно быстрее и при первой же возможности. Понятно, что в первую очередь это связано с позорной привычкой переодеваться в светское платье. Но даже если священнослужитель и остался в одежде своего сана, крест он порой позволяет себе снять.

Затевая этот разговор, конечно же, мы памятуем мудрое предупреждение святителя Игнатия Брянчанинова об «отступлении» последних времен: «Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно»¹. Однако пока речь еще не идет о нашем поражении, и потому есть смысл говорить об этих проблемах, поскольку упомянутое святителем «отступление» в духовной борьбе явно проявляется в этом примере.

Что может руководить священником, избегающим ношения креста? Можно предположить, что в этом скрывается неуместное ныне желание подражать греческим священникам, вообще не носящим наперсного креста. Мы, безусловно, уважаем и любим афонское монашество, но оно следует греческим традициям, находясь на канонической территории Константинопольского Патриархата. И в вопросе крестоношения мы должны следовать традициям своей Церкви и уважать ее историю.

¹ Игнатий (Брянчанинов), святитель. Отечник. Рассказы о жизни святых подвижников. Изд. 5-е. М., «Даръ», 2009. С. 745.

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 967. Л. 150 об.

Кроме того, следует напомнить, что этот наперсный крест священству Русской Церкви был дарован святым Императором Стратотерпцем Николаем II. По сути, произошедшее явилось его благословением всем Христовым пастырям взять этот Крест и взойти на Голгофу мученичества XX века. И первым этим путем прошел Государь с своей венценосной семьей.

Потому проявление некоего пренебрежения этим подарком является собой неосознанное желание подражать священству начала XX века, уже подверженному революционному духу и порой демонстративно игнорировавшему подарок монарха. Как, впрочем, позже игнорировался и мученический подвиг Царя и его семьи.

Возможно, здесь, особенно у монашествующих, проявляется некая симпатия к старообрядческим порядкам, где наперсные кресты бывают только наградные и их носят протопопы, архимандриты и игумены.

Представляется очевидным, что это «оружие на дьявола» воин Христов не должен по возможности выпускать из рук никогда. И вообще снимать с себя крест – нехорошо. Известный духовный писатель XX века схиархимандрит Иоанн (Маслов) (†1991 г.), отвечая на вопрос, можно ли, снимая наперсный крест, оставлять его на престоле, писал: «наперсный крест дается для постоянного ношения, чего священник не сможет исполнить, оставляя свой крест на престоле»¹.

Исповедальные одежды

Сказанное выше лишь элемент серьезной проблемы, укоренившейся в священнической среде в течение гонений XX века. Удивительно легко и без зазрения совести многие священники просто взяли и перестали свидетельствовать о Христе, усвоив малодушную привычку снимать свои священные одежды, покидая храм.

Будто бы и нет никаких церковных канонов на этот счет: *«Никто из числящихся в клире да не одевается в неприличную одежду, ни пребывая во граде, ни находясь в пути: но всякий из них да*

*употребляет одежды, уже определенные для состоящих в клире. Аще же кто учинит сие: на едину седмицу да будет отлучен от священнослужения»*¹.

Известный сербский канонист епископ Никодим (Милаш) толкует это правило одной фразой: «Тут все ясно. Как тогда предписана была форма одежды для священнослужителей, так и ныне этот вопрос урегулирован законодательством Поместных Церквей, и этому каждый клирик должен подчиняться».

Увы, «пришли иные времена», и оказалось вдруг, что «тут вовсе не все ясно». И началось это достаточно давно, поскольку борьба со священными одеждами не ослабевала никогда. Здесь одно из важнейших направлений атак князя тьмы и его легионов. Епископ Никодим прослеживает древние истоки этой духовной болезни: «еще иконоборцы стремились не только к тому, чтобы уничтожить св. иконы, но хотели уничтожить и всю церковную дисциплину. Они осмеивали тех духовных лиц, которые носили предписанное священническое одеяние, дозволяя своим иконоборческим клирикам носить роскошное и на мирское похожее одеяние»².

«Итак, будем жить сообразно с одеянием нашим, – пишет преподобный авва Дорофей, – чтобы, как говорили Отцы, не оказалось, что мы носим чуждое одеяние, но как мы оставили большое, так оставим и малое. Если мы оставили мир, то оставим и пристрастие к нему. Ибо эти пристрастия к маловажным, обыкновенным вещам, не стоящими никакого внимания, опять привязывают нас к миру и соединяют с ним, а мы будто бы и не разумеем этого»³.

Удивительно, как глубоко еще в начале XIX века чувствовал важность этого вопроса Н.В. Гоголь. «Это даже хорошо, – писал Николай Васильевич, – что духовенство наше находится в некотором отдалении от нас. Хорошо, что даже самой одеждой своей,

¹ Правило 27, Шестого Вселенского собора // Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 509.

² Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 628.

³ Авва Дорофей, преподобный. Душеполезные поучения и послания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2010. С. 44–47.

¹ Об этом см.: Церковный вестник, издаваемый миссионерским советом при Святейшем синоде: еженедельный журнал. СПб., 1884, № 34.

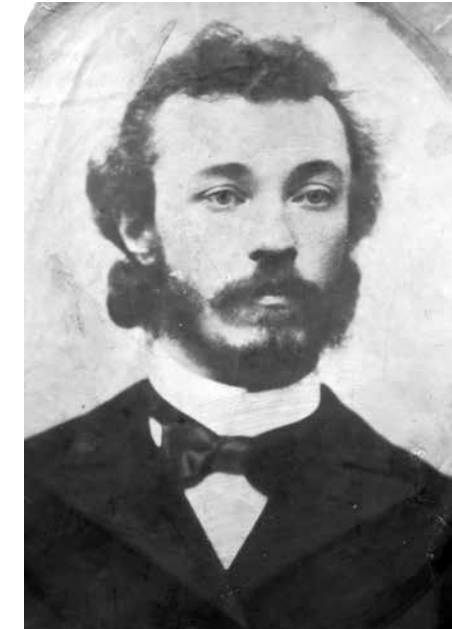
Священство Российской империи. «Это хорошо, что духовенство наше находится в некотором отдалении от нас. Хорошо, что даже самой одеждой своей, не подвластной никаким изменениям и прихотям наших глупых мод, они отделились от нас. Одежда их прекрасна и величественна. Она имеет смысл: она по образу и подобию той одежды, которую носил Сам Спаситель» (Н.В. Гоголь)

не подвластной никаким изменениям и прихотям наших глупых мод, они отделились от нас. Одежда их прекрасна и величественна. Это не бессмысленное, оставшееся от восемнадцатого века рококо и не лоскутная, ничего не объясняющая одежда римско-католических священников. Она имеет смысл: она по образу и подобию той одежды, которую носил Сам Спаситель. Нужно, чтобы и в самой одежде своей они носили себе вечное напоминание о Том, Чей образ они должны представлять нам». И дальше писатель как бы предупреждает нас, ныне живущих, о грозящей опасности: «чтобы ни на один миг не позабылись, не растерялись среди развлечений и ничтожных нужд света, ибо с них [со священников] тысячу крат более взыщется, чем с каждого из нас; чтобы слышали беспрестанно, что они – как бы другие и высшие люди».¹

И то правда, что вся одежда священника свидетельствует о его «инаковости», что он «как бы другой», он свидетельствует о мире иных ценностей и владеет сокровенным божественным знанием.

Естественно, это свидетельство через священные одежды беспокоит и тревожит «мир, который во зле лежит». Не секрет, что одежду священника, да и весь его «поповский» внешний вид на дух

¹ Гоголь Н.В. О том же // Собрание сочинений. Статьи. М., «Художественная литература». Т. VI, 1986. С. 203.

Расстрелянные священники церкви Кольского Севера. Облик перед революцией

не переносит сила бесовская. В древнем предании о преподобном Варлааме Керетском XVI века описывается достоверная сцена поведения его матушки, в которую Божьим попусением вселился бес, и приводятся характерные слова бесноватой: «Я одежды поповской боюсь, я твоей бороды не люблю...»¹.

Когда, в конце XIX – начале XX веков по грехам нашим приблизилось время разгуляться демонам революции, то именно обмирщение духа и отказ от миссии в миру со стороны большинства священников привели к гибели Православной Державы. Священники к этому времени дружно стали «человеками, одетыми в мягкие одежды» (Лк.7,25). В свое время, изучая в архивах НКВД следственные дела священнослужителей XX века с целью отбора кандидатов на канонизацию, большой проблемой оказалось сопроводить материалы фотографиями. Довольно часто встречались фото именно в мирской одежде: модные, в галстуках, с прическами и в бакенбардах...

¹ Шергин Б.В. Старина о Варлааме // Запечатленная слава. Поморские были и сказания. М., 1967. С. 230.

Святейший Патриарх Тихон с духовенством и мирянами

Вспоминая исповеднический подвиг Патриарха Тихона, следует прислушиваться к его духовным заветам. Сегодня мы видим явное несоблюдение тех требований, что предъявлял Святейший Тихон к своим священнослужителям. Для того чтобы убедиться в правоте этой мысли, достаточно ознакомиться с наставлениями, которые давал Патриарх незадолго перед своей кончиной¹. Так, в 1934 году протоиерей Георгий Н. писал своему правящему архиерею архиепископу Самарскому Петру (Рудневу) (+1937 г.): «В 1923 году от Его Святейшества я получил такое инструктирование: «при объезде причтов церквей, если только встретите священнослужущих:

- 1) стригущих свои волосы на голове;
- 2) бреющих бороды;
- 3) ходящих в штатских одеждах;
- 4) небрежно относящихся к святыне;
- 5) допускающих своеволие при богослужении;
- 6) курящих;

¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., Изд-во ПСТБИ, 1994. С. 308–309.

Рака с мощами священномучеников Александра (Смирнова) и Феодора (Ремизова) в Казанском храме г. Реутова

7) посещающих увеселительные места: клубы, кино и т.д., даже, если они поминают Патриарха, как Главу Российской Святой, Соборной, Апостольской Церкви, – не верьте, ибо они явные обновленцы, скрывающиеся в своем поименовании Патриарха».

В 1918 году советская власть издала декрет об отделении Церкви от государства. Декрет запрещал любую форму проповеди, что подразумевало и ношение священником рясы вне храма. Кое-где угрозами принуждали священников изменить свой облик и, бывало, за неподчинение жестоко карали.

В житии священномученика Александра Смирнова описывается, как «местные власти Московской губернии потребовали от отца Александра, чтобы он перестал ходить по селу в рясе и остриг волосы. После совета со своим старцем-священником отец Александр сказал, что никогда не подчинится незаконному распоряжению и не откажется от облика православного пастыря». 14 ноября 1918 года отец Александр Смирнов, вместе со священником соседнего прихода Феодором Ремизовым, был зарублен карательным отрядом латышей.

И как, в таком случае, мы можем «смотреть в глаза» нашим новомученикам и исповедникам, которые даже в условиях смертельной опасности не снимали свои «поповские одежды». И если допускали слабину, то горько каялись и вновь возвращались «на поле боя». «Я опустился до такой степени, что надел гражданскую одежду. Я чувствовал, что благодать Божия оставила меня» (святитель Лука Войно-Ясенецкий).

В наше время Соборным разумом Церковь уже взывала к православным пастырям: «Памятуя слова церковного писателя III века Тертуллиана – “кровь мучеников есть семя христианства”, Собор призывает всех членов Церкви быть по духу верными наследниками новомучеников и исповедников, твердо стоять в подвиге жертвенного свидетельства Истины, не отступать от нее, малодушно пугаясь вызовов мира, все более удаляющегося от Христа»¹.

В условиях жестоких гонений среди духовенства были такие, кто оставили служение у Престола Божия и ушли работать на светскую службу, другие примкнули к обновленцам. Третьи, хоть и остались в сане, но стали приспособляться, уклоняясь от христианского свидетельства в миру. Священники подстригали волосы и бороду, выходя из храма, переодевались в гражданскую одежду, чтобы раствориться и стать незаметными в толпе. И перестало быть редкостью событие, описанное в известной Евангельской притче, когда *«Царь увидел человека, одетого не в брачную одежду»* (Мф.22,11) и сильно разгневался.

Но и в те страшные времена оставались пастыри, которые не желали ни к чему приспособляться и достойно несли свой Крест поношений и гонений за Христа. Это были пастыри, имевшие горячую веру и *«Илиину ревность»*. И они готовы были пострадать за Христа. Своим видом, тем, что не скрывали своего служения и сана, они напоминали людям: Бог есть, Церковь жива, служение Господу совершается. Добрая память об этих исповедниках веры живет и теперь.

Полезно прочитать строки из жития одного из исповедников Церкви русской, стойкого воина Христова протоиерея Александра Воскресенского, настоятеля московского храма Св. мч. Иоанна Воина. О нем и «современники говорили, что таких священников уже нет, и не будет. Отец Александр всегда ходил в рясе и никогда ее не снимал, какие бы обстоятельства его к этому ни вынуждали, хотя времена были очень тяжкие. Батюшка носил длинные волосы

¹ О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших // Деяния Освященного Архиерейского Собора 2 февраля 2011 г.

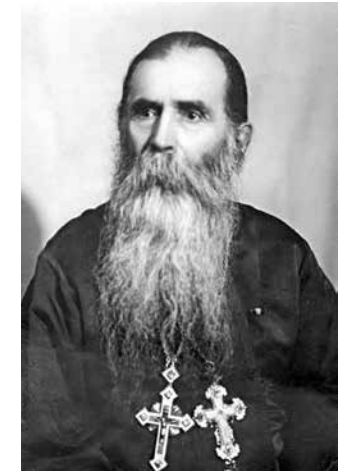
и бороду, как и подобает священнику. И много что приходилось выслушивать на улице отцу Александру за эти годы мужественного свидетельства веры Христовой»¹.

Истоки нынешнего повреждения нашего духовенства очевидны: это одно из последствий гонений на Церковь во времена богоборчества XX века.

Тем не менее, есть масса удивительных примеров исповедничества веры священниками через свою одежду. Вспоминается следственное дело расстрелянного осенью 1937 года иерея Григория Лисеевского. Он только приехал принимать Воскресенский приход поселка Умба, что на берегу Белого моря, и уже через месяц был арестован и меньше чем через месяц расстрелян. Среди обвинительного заключения присутствовал такой пункт: «открыто ходил по поселку в священнической одежде»².

В те десятилетия физически истреблялись наиболее достойные и ревностные священники, являвшие собой пример исполнения пастырского долга. И в результате исторически незыблемое правило ношения священником одежды, положенной по сану, как-то незаметно исчезло, будто бы его и не было вовсе.

Как итог, в 1977 году, в условиях «торжества социализма», были официально сформулированы новые требования к внешнему виду священника: «у пастыря всегда должен быть опрятный вид, он должен носить только приличествующую его духовному званию одежду». Но далее пояснялось, какая же одежда есть «неприличествующая сану». Оказалось, что «не приличествуют духовным лицам

Протоиерей Александр Воскресенский (†1950 г.), настоятель московского храма Св. мч. Иоанна Воина. Батюшка в течение всех безбожных лет всегда ходил по Москве в рясе, носил длинные волосы и бороду, как и подобает священнику

¹ Жизнь и служение протоиерея Александра Воскресенского (1875–1950). М., 2005. С. 149.

² ГАМО, Архивно-следственное дело № 5752/2, л. 24.

одежды из дорогих тканей. Согласно древним традициям, необходимо предпочитать одежду темного цвета»¹.

Вспоминая те распоряжения Священноначалия, мы хорошо понимаем обстоятельства, в которых находился Святейший Патриарх Пимен, вынужденно утвердивший в 1977 году эти явно «двойственные» формулировки. Тяжелые условия диктата богорборческой власти вынуждали искать компромиссы.

Но с тех пор прошло уже более полувека. И нет давно угрозы мученической кончины за смелое исповедание веры Христовой, да и никакие бравые комсомольцы не насмеются на улицах над «попом, обманывающим народ».

Ситуация, однако, увы, не собирается исправляться. Видно, что иным батюшкам пришлось по душе требования богорборческих властей, изложенные в Декрете 1918 года, запрещающие любую форму проповеди, в том числе и ношение священных одежд вне храма. И теперь не только белое духовенство порой постыдно «микрирует» под мирской одеждой, но и монашествующие за пределами своей обители позорно снимают священные монашеские одежды и, попирая данные обеты, прикидываются мирянами.

Пора одуматься, братия, и не забывать, что *«верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом»* (Лк.16,10).

Заключение

Завершая эти очерки, вновь окинем мысленным взглядом этот долгий, двухтысячелетний путь формирования образа нынешних церковных одежд и изумимся той мудрой неспешности, в которой созрел этот прекрасный плод, являющий ныне несомненное сокровище нашей Церкви.

Важно почувствовать, как за внешней канвой описанных исторических событий явным образом раскрывалось действие Промысла Божьего. Мы можем с радостью утверждать, что наши церковные облачения – это не плод чьих-то плотских мудрований, а благодатный итог долгих молитв Церкви Христовой.

Знание этой части церковной истории представляется чрезвычайно важным, потому как в каждом предмете церковной одежды сокрыт опыт великого сонма наших предшественников, их благоговейный трепет и любовь к церковным службам. В этом сокровище сокрыта вся богословская мудрость наших предков, их забота о красоте и благолепии того, что наполняет Божий Дом, который *«домом молитвы наречется»* (Мф.21,13).

¹ Троицкий Г. Настольная книга священнослужителя. Т. 1. Изд. Московской Патриархии, М., 1977. С. 350.

Сведения о написанных и изданных книгах

1. «Святые мученицы Пузовские Евдокия, Дария, Дария и Мария». Мурманск, 2002.
2. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Мурманск, 2002. (Православные подвижники Кольского Севера: Книга I).
3. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск, 2003. (Православные подвижники Кольского Севера: Книга II).
4. Знание или любовь? О допустимости научных методов в толковании Евангелия. Мурманск, 2005.
5. Житие преподобного Феодорита, просветителя Кольского. Мурманск, 2006. (Кольский патерик: Книга I).
6. Предание о Тихвинской иконе Божьей матери, что в селе Кашкаранцы на Терском берегу Белого моря. Мурманск – СПб., 2007. (Святыни Кольского Севера: Выпуск I).
7. Преподобный Варлаам Керетский. Исторические материалы к написанию жития. СПб. ; Мурманск, 2007. – (Православные подвижники Кольского Севера: Книга III).
8. Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития. Мурманск ; СПб, 2009. – (Православные подвижники Кольского Севера: Книга IV).

9. Варзуга. Жемчужина Кольского Севера. К 590-летию первого русского поселения на Кольском Севере. Мурманск ; СПб., 2009.
10. «Неугасимая лампада «Курска». К 10-летию трагедии 12 августа 2000 года». Мурманск ; СПб. 2010.
11. Жития новомучеников Кольского Севера. СПб. ; Мурманск, 2011. – (Кольский патерик: Книга II).
12. Молитвословия Всем святым Кольским и чтимым иконам. СПб. ; Мурманск, 2011.
13. Житие преподобного Варлаама Керетского чудотворца в краткой редакции, со стихотворным его изложением в форме акафиста. СПб. ; Мурманск, 2011. (Кольский патерик: Книга III).
14. Икона Великого Князя: Сказание о Великом Князе Михаиле Александровиче Романове и его моленной иконе Божьей Матери «Казанская», что ныне пребывает в церкви преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга». СПб. ; Мурманск, 2012.
15. Кашкаранские святыни Терского берега. СПб. ; Мурманск, 2012. (Святыни Кольского Севера: Выпуск II).
16. История Кандалакшского монастыря. СПб. ; Мурманск, 2012. (Святыни Кольского Севера: Выпуск III).
17. Князь Александр Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития. СПб. ; Мурманск, 2013. (Кольский патерик: Книга IV).
18. Война и любовь. СПб. ; Мурманск, 2013.
19. Правда о русском мате. СПб. ; Мурманск, 2014.
20. Подвиг «Тумана». Люди и судьбы. СПб. ; Североморск, 2016. (Кольский патерик: Книга VI).
21. Север как феномен. Христианство на подступах к Кольскому Северу // Кольский Север в Средние века. Т.1. СПб., Ладан, 2017. 272 с., ил.
22. Присоединение Кольского Севера к Новгородской Руси. Аборигены края и первые христианские поселения // Кольский Север в Средние века. Т.2. СПб., Ладан, 2017. 315 с., ил.
23. Активная христианизация Кольского Севера в XVI веке. Просветители края, итоги миссии и их последователи // Кольский Север в Средние века. Т. 3. СПб., Ладан, 2017. 427 с., ил.

24. Преподобный Трифон Печенгский, апостол лопарей. (На русском, английском, финском и норвежском языках). В излож. епископа Митрофана (Баданина). – Санкт-Петербург ; Североморск: Изд. Ладан, 2017. – 48 с.: ил.

25. Преподобный Феодорит, просветитель Кольский. (На русском, английском, финском и норвежском языках). В излож. епископа Митрофана (Баданина). – Санкт-Петербург ; Североморск: Изд. Ладан, 2017. – 48 с.: ил.

26. Духовные истоки Русской революции. Санкт-Петербург ; Североморск: Изд. «Отчий Дом», 2017. – 72 с.: ил.

27. До и После. Апология Книги Еноха. Североморск ; Санкт-Петербург: Изд. Североморской епархии, 2018. – 272 с.: ил. 700 экз.

28. Грех Содомы. СПб. ; Мурманск: Изд. Ладан, 2019. – 40 с.

29. Мой XX век. О прожитом и пережитом. СПб. ; Мурманск: Изд. Ладан, 2019. – 142 с.: ил.

30. Мой XXI век. Долгий путь к свету. СПб. ; Мурманск: Изд. Ладан, 2019. – 182 с.: ил.

31. Спорт и его духовные аспекты. СПб. ; Североморск: Изд. «Отчий Дом», 2018. – 72 с.: ил.

32. Жемчужные глубины. Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2020. – 256 с.: ил.

33. Тайна Великой войны. Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2020. – 184 с.: ил.

34. «Азь есмь из Керети Варлаам». История житий святых отцов Кольского Севера XVI века. Мурманск – СПб., изд. «Астерион», 2022. 224 с.: 48 ил. – (Православные подвижники Кольского Севера: Книга V).

35. Жемчужные глубины – 2. Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2021. – 256 с.: ил.

36. Зависть. Мурманск, Изд. Мурманской епархии, 2022. 64 с.: ил.

37. К чему призвал Господь. Биографические очерки. Мурманск – СПб., Изд. Мурманской епархии, 2022. – 250 с.: ил.

Содержание

От автора	3
Вступление	4
«Все схимники были...»	6
Степени монашеского пострига	10
Клобук Патриарха Мефодия	12
Белый клобук	13
Фелонь, она же риза	18
Крещатые ризы и саккос	21
Перемены XVII века	29
Атрибуты царской власти	32
«Венец от камней драгих...»	35
Поповские митры	39
Архимандричьи привилегии	43
Митра на Руси	49
Патриарх Вселенского Православия	53
Паллий и хитон	57
Никоновская перемена одежд	62
Скуфья	68
«Власы главы вашей...»	72
Подражать ли нам Христу?	77
Назорей Божий	81
«Власы главы его»	84
«Обуваться в простую обувь» (Мк.6,9)	86

Цвета одежд	89
С царского плеча	93
Омофор	97
Орарь и епитрахиль	102
Пояс и поручи	105
Набедренник и палица	109
«Посохи в руках ваших»	112
Жезл и посох на Руси	117
Змеи кадуцея	120
Тайны сулка	124
Панагия	128
Наперсный крест	135
Крест священника	137
Крест и крестоношение	143
Исповедальные одежды	144
Заключение	153
Сведения о написанных и изданных книгах	154

Митрополит Митрофан (Баданин)

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНЫХ ОДЕЖД

Редактор и корректор
Екатерина Соколова

Обложка
Ольга Колчина

Художественное оформление и верстка
Ольга Марусова

Подписано в печать 19.12.2022. Формат 70x100/16. Печ. л. 10
Тираж 1000 экз.

**Издательство Мурманской епархии,
Ладан**

www.LadanSPb.ru

Ознакомиться с книгами митрополита Митрофана (Баданина)
можно на официальном сайте Мурманской епархии:
<http://mmeparh.cerkov.ru> в разделе: «Книги митрополита Митрофана».

Заказать книги можно:

- по электронному адресу: eparhia_murmansk@mail.ru
- по тел. +7-960 028 6677 или 8-8152-25-97-61 или 8-8152-25-53-38;
- на почтовый адрес 183010, Мурманск, ул. Зеленая, д.11.